

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УРАЛЬСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 4 / 2013

серия
**ПСИХОЛИНГВИСТИКА
В ОБРАЗОВАНИИ**

Екатеринбург
2013

УДК 80
ББК Ш1
У 68

Редакционная коллегия:

Серия «Психолингвистика в образовании»:

Т.А. Гридина, д-р филол. наук, проф.

(Уральский государственный педагогический университет)

Н.И. Коновалова, д-р филол. наук, проф.

(Уральский государственный педагогический университет)

Н.А. Воробьева, канд. филол. наук, доц.

(Уральский государственный педагогический университет)

У 68 Уральский филологический вестник / ФГБОУ ВПО
«Уральский государственный педагогический универси-
тет». – Вып. 4 / гл. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург,
2013. – 189 с.
(Серия «Психолингвистика в образовании». Вып. 2)

ISSN 2306-7462

В сборнике представлены статьи, посвященные анализу природы детских инноваций, процессы семантического освоения слова ребенком дошкольного и школьного возраста, соотношение биологического и социального в становлении языковой личности. Особое внимание уделяется экспериментальным методам исследования формы и содержания вербальных знаков с учетом показаний языкового сознания членов современного социума: ассоциативная репрезентация содержания базовых национальных концептов, коммуникативные практики языковой личности, психолингвистические аспекты восприятия языковой нормы и др. Отдельный раздел посвящен социолингвистическим и лингвокультурологическим проблемам функционирования языкового знака.

Ответственный за выпуск: Т.А. Гридина.

ISSN 2306-7462

© ФГБОУ ВПО «УрГПУ», 2013

© Уральский филологический вестник, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДЕТСКОЙ РЕЧИ

- Гридина Т.А.* Потенциальная семантика детских словотворческих инноваций в свете экспериментальных данных: методика прямого толкования5
- Доброва Г.Р.* О влиянии социальных и / или биологических факторов на особенности освоения языка детьми 19
- Елисеева М.Б.* Усвоение полисемии и омонимии: к вопросу об отношении ребенка к асимметрии языкового знака..... 29
- Плотникова С.В.* Динамические процессы в лексиконе школьника 42

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

- Бекасова Е.Н.* Психолингвистические аспекты нормализации русского языка 49
- Ваулина И.А.* Аспекты функционирования звукосимволической экспрессы *фордыбачить* в современном русском языке ... 59
- Ворошилова М.Б., Злоказов К.В.* Русское лото 18 из 1488: опыт комплексной психолого-лингвистической экспертизы 69
- Гоголина Т.В., Ибраимова Е.С.* Модель построения коммуникем со значением сомнительности: экспериментальные данные... 83
- Максимова И.Н.* Изучение ойконимов Урала в психолингвистическом аспекте 93
- Петкау А.Ю.* Ольфакторный образ концепта *здоровье* в русском языковом сознании 101
- Черняк В.Д.* Современная музыка в спектре ассоциаций языковой личности 110

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ
И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЛЕКСИЧЕСКОЙ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ**

<i>Абрамова Н.С.</i> Мифологема <i>дорога</i> как базовый семантический компонент языковой картины мира	116
<i>Боброва М.В.</i> Народная фразеология тематической группы «Говорение» в семантико-аксиологическом аспекте	126
<i>Данилова О.А.</i> Метронимы в современной лингвокультуре Горного Щита	136
<i>Седых А.П.</i> Языковая личность и межкультурная компетенция..	149
<i>Чечулина Л.С.</i> Конструирование – технология для кинестетиков	155
<i>Шебалов Р.Ю.</i> Моделирование дискурсивных оппозиций как прием авторской лингвокультурной оценки	164
<i>Шипицына Г.М.</i> Лексикографическое представление динамики лексической коннотации.....	171
Сведения об авторах	180
SUMMARY	183

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Т.А. ГРИДИНА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 81'57+81'371

ББК 4410.241.3

ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ДЕТСКИХ СЛОВОТВОРЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В СВЕТЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ: МЕТОДИКА ПРЯМОГО ТОЛКОВАНИЯ

Аннотация. В статье с помощью экспериментальной методики прямого толкования верифицируется вариативный потенциал и стратегии семантизации словотворческих инноваций детской речи (применительно к особенностям лингвокреативного мышления и ментальности ребенка старшего дошкольного возраста).

Ключевые слова: лингвокреативное мышление, ментальные доминанты языкового сознания ребенка, ассоциативный потенциал слова, словотворческие инновации.

Словотворческие инновации – безусловно, наиболее яркий показатель лингвокреативной природы усвоения языка в онтогенезе. Однако в данной статье речь пойдет не только и не столько о генеративных эвристиках формирующегося языкового сознания ребенка (см. [Гридина 2009, 2013]), сколько о потенциале семантического наполнения детской инновации. Совершенно очевидно, что этот потенциал задан вариативностью и нежесткостью словообразовательных алгоритмов (моделей), реализуемых в онтогенезе в соответствии с когнитивными и номинативными потребностями и достигнутым уровнем языковой компетенции ребенка. При анализе детских словотворческих инноваций остро встает вопрос о соотношении их потенциальности (в плане заданных системой языка возможностей) и

индивидуальности (в плане семантического наполнения и функциональной значимости для конкретного ребенка). Не всегда можно четко разграничить случаи омонимического словообразования и ложноэтимологической мотивации (при «сохранении» звуковой формы готового слова), а также стратегии продуцирования и репродуцирования слова в речи ребенка. Не всегда однозначно считывается использованная ребенком словообразовательная аналогия и, уж тем более, специфика смысловой идиоматики детского слова. Особым аспектом интерпретации детского словотворчества является определение его игровой природы (выявление преднамеренной интенции ребенка к созданию нового слова – с выходом в условный регистр словоупотребления). Отмеченные трудности интерпретации словотворческих инноваций ребенка во многом определяются взглядом на детскую речь с позиций взрослого языкового сознания. Этим объясняется стремление современной онтолингвистики исследовать природу лингвокреативного мышления ребенка в свете обусловленности наивной категоризацией и концептуализацией мира (см. об этом [Цейтлин 2009], [Доброва 2007], [Елисеева 2008] и др.).

Взгляд на детскую речь «изнутри» предполагает поиск таких методов ее анализа, которые отражали бы ментальный субстрат языкового сознания ребенка и причины, побуждающие его к словотворчеству. Источником такой информации являются объяснительные метаязыковые контексты – предваряющие появление словотворческой инновации или комментирующие ее содержание постфактум (часто для пояснения смысла собственного слова взрослому). Ср., например, контексты порождения слова, отсылающие к прототипу и отражающие отрефлексированность ономаσιологических структур, воплощенных в уже освоенных ребенком словах: – *Мама, если снег идет, то снегопад, а если дождь, то дождепад?* (5 л.) // Маша следит за игрой старшего брата и его друга в «Морской бой», интересуется, как называются разные корабли. Ей объясняют: «*Четырехпалубный – четырехпалубник, трехпалубный – трехпалубник...*». Та (явно с целью пошутить) задает провокационный вопрос: – *А как называется нольпалубный?* (5 л. 7 м.).

Словотворческие инновации (в том числе игровые) могут быть стимулированы рефлексией ребенка над мотивированностью «готового» производного слова. Так, четырехлетний Алеша, наблюдая в саду за бабочкой-капустницей, размышляет над тем, почему она так названа: – *Бабочка-капустница – капусту ест*. Тут же придумывает свои названия бабочек по признаку их «вкусовых предпочтений»: любит конфеты, любит котлеты, любит поесть, условно «примеряя» эти обозначения к себе и окружающим: – *Я – бабочка-конфетница. Мама – бабочка-котлетница. А Борис – бабочка едовитая – ест очень много*.

Можно говорить о двоякой функциональной направленности мотивационного комментария ребенка к собственным инновациям: объяснительной и вероятно-прогнозирующей. Ср. примеры подобного комментирования: – *Бабушка, а у нас в группе Ваня бананией заболел. Он бананов объелся* (Владик, 6 л.) // Воспитательница просит Кристину надеть кофточку, висящую на спинке ее кровати. Девочка протестует: – *Это Алленькая кофточка*. Видя непонимание, поясняет: *Это не моя..., это кофточка Аллы!* (Кристина, 4 г.) // *Мама, бабник – это тот, кто снежных баб делает?* (Полина, 5 л.). В последнем случае перед нами версия относительно возможного значения слова (в опоре на актуальный для ребенка смысл мотиватора *баба* в уже существующем узуальном слове). Иногда трудно отличить такие случаи от фактов детского омонимического словообразования: (Рассказывая о старшем брате): – *Коля – садист, он в садик ходит. А я домовой – дома сижу* (5 л.). Препозиция мотивационного перифраза по отношению к детской инновации в ряде случаев может свидетельствовать в пользу омонимического словообразования, постпозиция – в пользу парадоксального переосмысления готового слова. Однако этот критерий далеко не всегда «срабатывает» (в частности, при неполноте ситуативного контекста – как в данном случае – трудно сделать однозначный вывод об использованной ребенком страгегии).

Особую функцию имеет уточняющий метаязыковой комментарий ребенка, касающийся ситуативной коррекции структурного облика слова применительно к выражаемому им значе-

нию: – *Бабушка, я не баловник, а балунишка, потому что я еще маленький* (Коля, 4 г.).

Еще раз отметим важность учета показаний языкового сознания ребенка, зафиксированных в его спонтанной речи в виде поясняющих или вероятностно-прогнозирующих комментариев к употребляемым словам (в нашем случае – к собственным словотворческим инновациям).

Однако подобными комментариями «сопровождаются» далеко не все детские инновации, что заставляет обратиться к экспериментальным методам исследования лингвокреативного мышления ребенка, нацеленным на актуализацию его метаязыковой (прежде всего мотивационной) рефлексии. К такого рода экспериментальным процедурам относится, в частности, *методика прямого толкования*, когда испытуемым предлагается любым способом объяснить значение предъявленных слов. Считается, что в ходе подобного объяснения обнаруживается психологическая реальность значения слова в сознании респондента, выявляются актуальные для говорящего смыслы, в том числе и личностные. Кроме того, сам выбранный способ толкования слова показателен в плане используемой респондентами языковой техники (устанавливаемых вербальных ассоциаций).

В нашем случае в качестве стимульного материала были использованы словотворческие инновации детей в возрасте 5–6-ти лет, извлеченные из словарей детской речи [Харченко 1994, Гридина 2012], а в качестве испытуемых выступили дети того же возраста, что и авторы инноваций (всего 14 детей старшей группы детского сада № 405 «Родничок» г. Екатеринбурга: 10 девочек, 4 мальчика).

За основу экспериментальной гипотезы было взято предположение относительно того, что толкования соответствующих словотворческих инноваций должны проявить, во-первых, потенциальные актуализации их значений детьми того же возраста; во-вторых, общие и индивидуальные смыслы предложенных слов; в-третьих, приоритетные для детей стратегии толкования; в-четвертых, способность ребенка к считыванию содержания словотворческой инновации с учетом использованной ее автором лингвокреативной «техники».

Для проведения эксперимента были отобраны следующие словообразовательные инновации: *балунишка, барахина, безмамный, беспорядочница, говоритель, завийка, замолоточить, измазучиться, лошадёнок, наподушник, неблако, окоровиться, петушица, поливайка, пополамки, принцессята, старёжь*.

Выбор стимульного материала определялся с учетом: 1) характера словообразовательной аналогии (соответствия детской инновации продуктивной / непродуктивной модели или слову-образцу); 2) наличия / отсутствия у слова узуального однословного синонима (фактор, определяющий специфику номинативной функции детского слова и причину «невозможности» узуальной номинации в речи ребенка); 3) способа словообразования и его «популярности» в речи детей данной возрастной группы.

Инструкция задавалась детям в устной форме в виде игрового вопроса: «Догадайтесь, что это за слово: *кого* или *что* оно называет?». При предъявлении конкретных слов вопрос мог уточняться с учетом маркеров грамматической принадлежности слова: «*Замолоточить* – это что сделать?». Ответы, полученные от всех респондентов на каждый из стимулов, были объединены в некие «семантические гнезда» потенциальных толкований одной и той же детской инновации (с указанием количественного индекса их частотности, при совпадении реакций). Такое представление материала позволило выявить разные стратегии семантизации детьми-респондентами словотворческой инновации в сравнении с ее исходным значением, зафиксированным в живой детской речи. В основу определения стратегии осмысления слова нами был положен признак использованного ребенком способа его толкования. Среди таких способов выделяются: 1) синонимизация – подбор однословного узуального эквивалента, который с точки зрения ребенка соответствует значению окказионального слова [Гридина 2012]; при этом в качестве синонимичных рассматриваются и «нестрогие», частичные синонимы, так называемые квазисинонимы [Палкин 2010]; 2) антонимизация – толкование через актуальное для ребенка противопоставление, не обязательно соответствующее реальному антониму (даже если таковой имеется в языке); 3) развернутое тол-

кование (описательный способ семантизации) слова [Гридина 2012]; 4) категоризация – введение слова в более широкую категорию, в известную ребёнку систему понятий [Палкин 2010]; генерализация (в том числе на субъективном основании); 5) конкретизация – толкование значения слова с использованием таких описательных средств, которые выделяют актуальные для ребенка отличительные признаки слова; 6) контекстуализация – введение слова в некоторый контекст: данная стратегия предполагает выбор и называние определённой ситуации, в которой дефинируемое слово может фигурировать [Палкин 2010]; 7) мотивационный перифраз – синонимический текст, содержащий мотиватор, в опоре на который выводится значение производного слова [Гридина 2012]; 8) толкование через однокоренное слово [Палкин 2010], в том числе подбор синонима с тем же корнем, но иной структуры; 9) толкование в опоре на симпрактический контекст: «вплетение слова в практическую ситуацию», неразрывно «связанную с каким-то действием»; ведущую роль в данном случае играет наглядный опыт, который имел «решающее значение для ребёнка, его память, воспроизводящая определённую ситуацию» [Лурия 1998: 35-36]; 10) креативная стратегия, которая заключается в создании респондентом-ребенком собственного окказионализма, отражающего понимание им предъявленной стимульной (словообразовательной) инновации (в том числе осознанно игровой); 11) прецедентная стратегия осмысления значения словотворческой детской инновации – толкование через отсылку к цитате из области детской субкультуры (детской литературы, детского фольклора), а также к любым другим культурным прецедентам (названиям кинофильмов, рекламным слоганам, ходячим шуткам и т.п.), с которыми у детей ассоциируется соответствующее слово; 12) смешанная (разнотипная) стратегия толкования.

Приведем примеры реализации данных стратегий в составе нескольких «семантических гнезд», представленных совокупностью полученных в эксперименте толкований на отдельные стимулы.

БАЛУНИШКА. – *Бабушка, я не баловник, а балунишка, потому что я еще маленький* (Коля, 5л.) [Гридина 2012]. Контаминация *баловник* и *шалунишка*¹.

Реакции, полученные на стимул <i>балунишка</i>	Стратегии толкования
Баловство	Толкование через однокоренное слово, в опредмеченном («совокупном») виде указывающее на поведение ребенка, который балуется. Второй компонент контаминанта <i>балунишка</i> явно не считан (очевидно, слово осмыслено как связанное с <i>баловаться</i> , <i>баловство</i> – с прева-лированием акцента восприятия на корневой морфеме). Ассоциация с мотиватором <i>шалунишка</i> не актуализирована.
Кто балуется	Мотивационный перифраз, свидетельствующий в пользу способа прямого суффиксального образования инновации. Вполне вероятно чересступенчатое словообразование <i>баловаться</i> – балУН/ИШКА (при пропуске потенциального промежуточного звена <i>балун</i>).
Забияка	Синонимизация, выявляющая представления детей об отличительных чертах поведения баловника (<i>балунишки</i>), не одобряемых взрослыми.
Хулиган (3)	
Проказник (2)	
Задирается	Конкретизация. Выделяется конкретный признак, который, по мнению ребенка, характеризует поведение <i>балунишки</i> .

¹ Не исключена и вероятность уточняющей реноминации путем «замены» суффикса в слове *баловник* на *-шик* – при актуализации его уменьшительного значения и структурной аналогии с синонимичным *шалунишка*. Возможно объяснение детской инновации и как результата прямого суффиксального (чересступенчатого) словообразования.

Непослушный, не слушается	Конкретизация в опоре на актуальный для детей оценочный эталон плохого поведения.
Нехороший (3)	Конкретизация по общеоценочному основанию «плохой (нехороший) – хороший».

Таким образом, в приведенных толкованиях слова *балунишка* акцентировано значение корневой морфемы (ср. *баловство, балуется*); ассоциативный контекст слова проявляет векторы его оценочной концептуализации в сознании ребенка (ср. *нехороший, непослушный забияка, проказник, задирается, хулиган*). Отметим, что две последних ассоциации даны *мальчиками* (а первые четыре – *девочками*). Использованные респондентами-детьми стратегии семантизации слова показательны в плане их конкретизирующей направленности, характерной для мышления ребенка-дошкольника.

БАРАНИХА. Овца. Жена барана. Рассуждает вслух: – *У кота есть кошка, у зайца – зайчиха, а у барана кто жена? Бараниха?* (Паша, 5 л.) [Гридина 2012]. В качестве аналогии выступает продуктивная словообразовательная модель номинации женской особи животного с суффиксом *-их(а)*, см. представленное в детском высказывании *зайчиха* (ср. также *крольчиха, ежиха, слониха* и т.п. узуальные единицы). Подобные инновации отражают характерную для детской речи тенденцию к «симметричному словообразованию» [Гридина 2006], в частности, «неприятие» супплетивизма, а также антропоморфизацию грамматического противопоставления по роду (*бараниха = жена барана*). Контекст детской инновации имеет характер метаязыковой рефлексии над структурой парных номинаций животных (противопоставляемых по полу) и дает основания предположить, что ребенок не соотносит узуальные наименования *баран* и *овца* как парные (вряд ли пятилетнему ребенку неизвестно само слово *овечка*).

Реакции, полученные на стимул <i>бараниха</i>	Стратегии толкования
Бараниха (3)	Простой повтор стимульного слова (в данном случае, возможно, дети либо не поняли инструкцию дать толкование слова, либо само значение инновации оказалось для них самоочевидным). Действительно, предъявленная детская инновация имеет потенциальный характер и прозрачна по своей мотивации.
Барашка (3) Бараница	Креативная стратегия, связанная с предъявлением детьми в качестве толкования собственных вариантов названия (в данном случае потенциальных словообразовательных номинаций по аналогии с существующими «образцами»: кошка, волчица и т.п.). Возможно, <i>барашка</i> – парная номинация, «отзеркаливающая» структуру мотиватора <i>барашек</i> (с коннотацией уменьшительности и ласкательности, свойственной таким суффиксальным образованиям).
Овечка	Толкование при помощи узуального эквивалента (с актуальным для ребенка уменьшительно-ласкательным формантом).
Девочка	Категоризация по признаку «женскости» с помощью актуальных для ребенка эталонных маркёров разграничения по полу (проявление антропоморфной доминанты детского языкового сознания).
Жена барана (2) Сестрица барана	Мотивационный перифраз с актуализацией «семейной» антропоморфной аналогии. В данном случае интересно в плане индивидуальности подбираемых

	<p>ребенком идентификаторов пола слово <i>сестрица</i> (на фоне наиболее частотной аналогии <i>муж – жена</i>).</p> <p>Вместе с тем половое противопоставление <i>баран – бараниха</i> по модели <i>брат – сестра</i> находит отражение в системе актуальных для ребенка ментальных ориентиров (использовании в качестве гендерных идентификаторов номинаций родственных отношений). Ср.: <i>сестрица</i> Аленушка и <i>братец</i> Иванушка.</p>
Коза рогатая	<p>Прецедентная стратегия (клише из детского стишка «Идет коза рогатая, идет коза бодатая...»). Срабатывает фактор ассоциативной смежности и, вероятно, ошибочная категоризация при соотнесении названия <i>бараниха</i> с определенным видом женских особей известных ребенку домашних животных (смещение <i>овца</i> и <i>коза</i>).</p>
Мемекает (смеется)	<p>Звукоподражательная номинация симпрактического характера (судя по эмоциональной реакции, имеет шуточный характер).</p>

Восприятие инновации *бараниха* в экспериментальном регистре обнаруживает вполне ожидаемые направления ее осмысления детьми и в то же время выявляет потенциал ассоциативного наполнения слова в зависимости от общих и индивидуальных черт когнитивного и языкового развития ребенка (в том числе зависящий и от гендерных различий). Так, реакции *барашка*, *сестрица барана*, *овечка*, *девочка* (с коннотацией ласкательности и невзрослости) отмечены у *девочек*; реакции *жена барана*, *коза рогатая*, *мемекает* – у *мальчиков*).

БЕЗМАМНЫЙ. О бездомной собаке-дворняге. – *Давай возьмем собачку домой, а то она безмамная* (5 л.) [Гридина

2012]. Слово образовано конфиксальным способом по аналогии с *бездомный*. Мотиватор *без мамы* является для сознания ребенка актуальным ситуативным эталоном в выражении значения «одинокий, никому не нужный».

Реакции, полученные на стимул <i>безмамный</i>	Стратегии толкования
Он без мамы (3) У него нет мамы (4)	Мотивационный перифраз, буквально толкующий значение инновации.
Родителей у него нет	Генерализация (метонимическое расширение значения: без мамы – без родителей).
Значит он один	Генерализация в форме обобщающего вывода: на основе считанной мотивационной формы <i>без мамы</i> по ассоциативной связи с <i>один</i> делается заключение о значении слова.
Одинокий (2)	Синонимизация (отождествление) с узуальным словом по актуальному для респондентов значению.
О нем никто не заботится	Конкретизация в опоре на симпрактический контекст.
Бездомный	Синонимизация. Идентификация со значением узуального прототипа (<i>бездомный</i>).
Хозяина у него нет	Конкретизация (актуальный ситуативный эталон восприятия слова <i>безмамный</i> – представление о бездомной собаке, у которой нет хозяина). Ср. типовой контекст <i>бездомная собака</i> .

В целом отметим тот факт, что мотивационное значение и мотивационная форма данной детской инновации легко считывается (см. самую частотную стратегию её семантизации через мотивационный перифраз), однако буквальным толкованием на

основе отсылки к мотиватору ассоциативная «проекция» прилагательного *безмамный* не исчерпывается (см. комментарий, представленный в таблице).

Не рассматривая (в силу ограниченного объема статьи) все экспериментальные версии толкования предъявленных стимулов, приведем некоторые наиболее интересные их интерпретации в рамках креативной (словотворческой) стратегии, когда дети реагируют на предъявленную инновацию собственным новообразованием. Например, **беспорядчица** («женщина, допустившая беспорядок²»: Лера бабушке во время ремонта. – *Бабушка, какая ты беспорядчица!* (6 л.) [Харченко 1994]) – **неприберун, беспорядна** (очевидно, усеченная форма от *беспорядный*), **беспорядчица** (также от *беспорядный*)³; **говоритель** («рассказчик»: – *А он говорител хороший* (5 л.) [Харченко 1994]) – **говорилка, говорюша, долгоговоритель; неблако** («облако на небе»: Поймал божью коровку. Приговаривает: *«Божья коровка, улети на небко...»*. Спрашивает маму: – *А она на неблаке живет?* (5л.) [Гридина 2012]) – **дождеблоко** (с пояснением: *дождик из облака капает*; явно рифмованное словообразование по образцу – при считанном значении прототипа «облако на небе»).

Случаи использования прецедентной стратегии семантизации достаточно редки (ср. *коза рогатая* на стимул *бараниха*; **Федорино горе** – на стимул *беспорядчица*), однако они, безусловно, намечают некоторую перспективу актуализации культурного слоя ассоциативного контекста слова в сознании ребен-

² Отметим несколько искусственный характер представления значения слова в сформулированной автором версии, ощущаемый на фоне полученных в экспериментальных условиях детских толкований инновации. Этот факт еще раз заставляет задуматься о проблеме лексикографического представления семантики инноваций ребенка (в плане следования «взрослой» или «детской» логике из интерпретации).

³ Ср. потенциальность прилагательного *беспорядный* как результата «упрощения» суффиксального комплекса основы -оч/н (беспорядок – беспорядоч/н/ый) по аналогии с образцами типа *беспородный* и т.п., созданных при помощи конфикса без-...-н- от существительных. И соответственно порождение *беспорядчица* на фоне аналогий с *бесстыдница* и другими производными с суф. -ниц(а).

ка. Думается, что эта информация как важная составляющая психологической реальности значения должна иметь самостоятельную «паспортизацию» в словарях детской речи. Ср. в этой связи разрабатываемые модели представления лингвокультурологической информации в словарях современного русского языка (см. [Коновалова 2012]).

Симпрактический контекст толкования слова, как показывает экспериментальный материал, еще актуален для старших дошкольников и соответственно весьма информативен в плане анализа личностных проекций восприятия детьми значений инноваций, ср., например: **беспорядочница** – «когда дети дома разбросали»; «она никогда не прибирается»; **замолоточить** – «стучим по гвоздикам»; **измазучиться** – «шлепнулся в лужу»; **поливайка** – «из лейки поливать цветы»; **пополамки** (половинки) – «одно яблоко надо отдать» и т.п. То же можно сказать и о востребованных детьми стратегиях конкретизации и синонимизации (см. приведенные выше примеры), которые свидетельствуют о тесном взаимодействии когнитивного и языкового субстрата в речевых практиках ребенка.

Особо отметим толкования, индивидуальное семантическое наполнение (считывание) которых обусловлено нереализованным в узусе потенциалом словообразовательной модели: например: **поливайка** – человек, который поливает цветы» (при исходном употреблении данного детского слова в значении «лейка»; широкое значение суффикса «покрывает» и значение лица, и значение предметности); **окоровиться** «отелиться»: – *У бабы Нюры вчера корова окоровилась* (5 л.) [Гридина 2012], ср. варианты семантизации данного слова детьми-респондентами: «молоко дала корова»; «корова паслась на лугу»; «значит, у коровы телятки»; **бояхина** «боязливый человек, боязливое существо: – *Мам, когда снежок, мухи боятся снега? – Боятся! – Ах, бояхины, бояхины* (4 г. 10 м.) [Харченко 1994]; ср. толкования детей-респондентов: «которая всех боится», «которую все боятся» (мена субъектно-объектных позиций при толковании слова, вполне допускаемая потенциальным функционалом данной модели).

Заключая сказанное, подчеркнем значимость экспериментальных исследований детской речи для лексикографической

практики, в частности, для словарей объяснительного типа, где бы толкование детских инноваций осуществлялось в опоре на показания языкового сознания ребенка, с учетом экспериментальной верификации семантического (в том числе игрового) потенциала детского слова (подробнее см. [Гридина 2013]).

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. Онтолингвистика: Язык в зеркале детской речи. – М.: Флинта: Наука, 2006.

Гридина Т.А. Объяснительный словарь детской речи. – Екатеринбург, 2012.

Гридина Т.А. Объяснительный словарь детской речи: лексикографический проект // Филологический класс. 2013. №2 (32). С. 7–12.

Гридина Т.А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива–1: коллективная монография / отв. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2009 (1-е изд.), 2013 (2-е изд.).

Доброва Г.Р. Возрастная онтолингвистика: к постановке вопроса // Проблемы онтолингвистики–2007: материалы междунар. конф.: 210-летию РГПУ им. А.И. Герцена посвящается, Санкт-Петербург, 21–27 мая 2007 г. – СПб., 2007. С. 57–64.

Елисеева М.Б. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста: монография. – СПб., 2008.

Коновалова Н.И. Модель описания культурной семантики языковых единиц в словаре // Педагогическое образование и наука. 2012. № 11. С. 18–21.

Лурия А.Р. Язык и сознание. – М., 1998.

Палкин А.Д. Практикум по возрастной психолингвистике: учеб. пособие. – М., 2010.

Харченко В.К. Словарь детской речи. – Белгород, 2004.

Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. – М., 2009.

© Гридина Т.А., 2013

Г.Р. ДОБРОВА

*(Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена г. Санкт-Петербург, Россия)*

УДК 808.5:372.46

ББК Ч426.13-24

О ВЛИЯНИИ СОЦИАЛЬНЫХ И / ИЛИ БИОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ОСОБЕННОСТИ ОСВОЕНИЯ ЯЗЫКА ДЕТЬМИ

Аннотация. В статье анализируются как биологические, так и социальные причины, влияющие на особенности освоения языка детьми. Эти причины рассматриваются в связи с основными факторами, определяющими вариативность речевого онтогенеза, – гендерным, типологическим, социокультурным и фактором наличия / отсутствия у ребенка старшего сиблинга.

Ключевые слова: онтолингвистика, речевой онтогенез, вариативность речевого онтогенеза, биологические и социальные причины, гендерный фактор, референциальные дети, экспрессивные дети, социокультурный статус семьи, лингвокреативность.

Иногда складывается достаточно любопытная ситуация: в отношении одного и того же явления на уровне «бытового сознания» всем интересен определенный вопрос, а на уровне «научного сознания» этот вопрос почему-то особенного интереса ни у кого не вызывает. К числу таких вопросов можно отнести вопрос о соотношении социального и биологического в речевом развитии ребенка. Так, обычные люди, наблюдая за становлением речи своего или чужого ребенка, часто задаются вопросом «Интересно, у него это от природы или это влияние «окружающей среды»?». Между тем исследований в области онтолингвистики, в которых бы всерьез дебатировалась эта проблема, практически нет.

Речь в данном случае не идет об обсуждении глобальной проблемы врожденности языковой способности как таковой: можно, естественно, стоять на позициях Н. Хомского и считать, что существует некий language acquisition device – «устройство», отвечающее за «врожденные знания», а можно, напротив, полагать, что никаких «врожденных знаний» о языке не существует,

что всё, связанное с языком, человек получает по мере своего развития, конструируя собственную языковую систему «на материале», поступающем из инпута.

Кстати, отметим попутно, что мы сами вовсе не считаем эти позиции противоположными: безусловно находясь в рамках конструктивистского подхода к детской речи ([Слобин 1974], [Цейтлин 2000] и мн. др.), мы с каждым годом, в течение уже нескольких десятилетий изучая речь детей, всё более допускаем возможность того, что всё-таки что-то является врожденным. Как однажды сказал в беседе с нами один голландский коллега, теория Хомского – это как вера в Бога, в нее можно верить, а можно не верить, но ни верующему никогда не удастся убедить противоположную сторону в справедливости своей веры, ни неверующему не удастся убедить верующего в справедливости своего неверия. Продолжая эту аналогию, скажем, что в «теологическую» теорию Н. Хомского можно и не верить, но признавать при этом существование какой-то «высшей силы» в вопросе молниеносного (буквально за 3 года – «с нуля» и до возможности полноценной языковой коммуникации) освоения родного языка.

В данной же статье, однако, будет обсуждаться несколько иная проблема – менее «глобальная». Речь пойдет о вариативности речевого онтогенеза и о том, насколько эта вариативность – темп, качество, отдельные специфические особенности освоения родного языка – обусловлена, с одной стороны, «биологически» причинами («генетикой» – в бытовом понимании этого слова), а насколько, с другой стороны, – причинами социальными (собственно социальной, речевой, культурной и т.д. средой, инпутотом).

Вариативность же речевого развития, как выясняется в последние годы, обуславливается рядом факторов. Полагаем, теперь уже можно считать доказанным, что речевое развитие детей, в целом подчиняющееся универсальным закономерностям речевого онтогенеза, во многом зависит и от так называемых индивидуальных различий – как «собственно индивидуальных» (мелких, частных, свойственных именно данному конкретному ребенку), так и (в значительно более существенной степени) «групповых», в том числе так называемых типологических

(«референциальные» / экспрессивные дети), гендерных (мальчики / девочки), социокультурных (высокий / низкий культурный статус семьи ребенка). К числу «групповых», как стало очевидным в самое последнее время, имеет смысл относить и различия, обусловленные наличием / отсутствием у ребенка старшего брата и / или сестры (т.е. старшего сиблинга), а также соответствием / несоответствием пола ребенка и его старшего сиблинга (подробнее см. [Доброва 2013]).

Остановимся подробнее на речевых различиях, обусловленных «групповыми» факторами, и попытаемся ответить на вопрос, в каком соотношении эти различия вызваны «биологическими» причинами, а в каком – «социальными».

Начнем с различий, обусловленных гендерными факторами. Не вызывает сомнений тот факт, что существуют реальные различия в речевом развитии мальчиков и девочек.

Так, общеизвестно, что речь девочек в целом развивается раньше, чем речь мальчиков. Исследования последних лет всецело это подтверждают (например, [Бондаренко 2011]). Полагая, что нет оснований сомневаться в том, что причины в данном случае носят «биологический» характер: известно, что и в собственно биологическом плане (рост, половое созревание) девочки опережают мальчиков.

Общеизвестным является и то обстоятельство, что лексикон мальчиков и девочек различается по своему составу. Например, лексика, связанная с одеждой, аксессуарами и прочими интересными женщинам предметами, раньше и лучше осваивается девочками, а важная для мальчиков лексика, связанная с транспортными средствами, техникой и т.п., естественно, раньше осваивается мальчиками. Наверное, это различие в основном обусловлено социальными факторами: это мы, взрослые, «задаем установку» детям с раннего детства ориентироваться на будущее гендерное поведение (в том числе – языковое), привлекая внимание девочек к «женским» темам, а мальчиков – к «мужским». Вместе с тем, однако, может возникнуть вопрос, взрослые ли задают эту установку или же существует природная (биологическая) гендерная предрасположенность самих детей к тем или иным предметам (например, к разновидностям платьев – в противоположность к

разновидностям пистолетов) и, соответственно, к их языковым средствам обозначения. Полагаем, что однозначного ответа на этот вопрос не существует, но все же позволим себе предположить, что социального (навязываемого обществом поведения, предполагающего развитие интереса девочек к одежде и т.п. и соответствующим языковым обозначениям, а мальчиков – к транспорту, оружию и т.п.) здесь все же существенно больше, чем биологического, предполагающего инстинктивный интерес, получаемый девочками / мальчиками от природы.

Между тем не все различия в освоении языка мальчиками и девочками являются общеизвестными, некоторые из таких различий стали известны лишь недавно. Так, в последние годы нам неоднократно приходилось писать о таком речевом различии мальчиков и девочек, как более «резкое», скачкообразное речевое развитие мальчиков и более плавное – девочек. Это различие проявляется на разных языковых уровнях – на уровне грамматики (см., например, [Бондаренко 2011]), на уровне лексики и даже, как выясняется в самое последнее время, при усвоении детьми орфографии.

Поясним сказанное на примере лексического развития – как наиболее понятно демонстрирующего указанное различие. Девочки, как правило¹, «набирают» лексический запас более плавно, последовательно. Мальчики же гораздо чаще, чем девочки, пополняют свой лексикон более скачкообразно: периоды «плато» (когда внешне кажется, что никаких существенных изменений нет) сменяются периодами бурного роста словаря. Полагаем, что на самом деле никаких остановок в росте словаря у мальчиков тоже не существует: наблюдаются остановки лишь в развитии активного словаря, пассивный же словарь в это время растет, что и приводит к тому, что период «плато» сменяется периодом бурного пополнения активного словаря, когда накопленные в пассивном словаре языковые единицы стремительно

¹ Разумеется, обсуждаемое касается речевого развития мальчиков и девочек «в целом», а не конкретных детей: конечно, существуют девочки, речевое развитие которых носит скачкообразный характер, и мальчики, речь которых развивается плавно. Мы говорим лишь о тенденции – о том, что больше свойственно «среднестатистическим» девочкам и мальчикам.

перемещаются в актив. Нет никаких оснований полагать, что такое «скачкообразное» развитие словаря мальчиков и «плавное» – девочек каким-то образом провоцируется социальными причинами; представляется, что это достаточно очевидное «природное явление».

Таким образом, получается, что речевые различия, обусловленные гендерными факторами, могут иметь как «биологические», так и «социальные» причины, однако всё же, как видим, в данном случае биологические причины превалируют, что, по-видимому, связано с самим характером гендерного – биологического по своей природе – фактора.

Противоположную ситуацию можно наблюдать в отношении влияния на речь ребенка фактора наличия / отсутствия у ребенка старшего сиблинга (брата или сестры) и соответствия / несоответствия пола ребенка и его старшего сиблинга. Не имея возможности подробно останавливаться на влиянии на речь этого фактора (подробнее см. [Золотарева 2011], [Доброва 2013]), отметим лишь, что, как выясняется, речь детей, имеющих старших братьев и / или сестер, – несколько хуже, чем речь детей, старших сиблингов не имеющих. В основном, однако, это касается активного словаря; в пассивном же словаре эти различия проявляются не так явно и не во всех «группах» (если говорить о группах детей, получающихся в результате подразделения их по критерию соответствия / несоответствия пола ребенка и его старшего сиблинга). Кроме того, выявилось, что заметно хуже развивается речь тех детей, старший сиблинг которых – другого пола (самая плохая ситуация – у младших мальчиков, имеющих старшую сестру), а лучше – речь тех детей, старший сиблинг которых – того же пола (самая благоприятная ситуация – у младших девочек, имеющих старшую сестру). При этом важно отметить, что зависимость от наличия / отсутствия старшего сиблинга отмечается только в том случае, если разница в возрасте у детей – не более приблизительно 4-х – 5-ти лет. И это психологически достаточно понятно: если разница у детей – существенно более 4-х лет, то дети уже не особенно много играют вместе, а если и делают это, то старший скорее принимает на себя не роль равноправного партнера, а роль взрослого-наставника.

Если посмотреть на сказанное с точки зрения соотношения «биологических» / «социальных» причин, то нетрудно сделать вывод, что в данном случае причины – чисто «социального» характера. Дело же не в том, есть ли у ребенка «биологические» старшие сиблинги, а в том, оказывает ли они сами, их речь влияние на становление речи младшего. Например, если есть старший брат, но он живет в другой семье, то его наличие не влияет на речь младшего, и, напротив, если в семье живет старший ребенок, не являющийся родным братом или сестрой младшему, он все равно оказывает ровно такое же влияние на развитие речи младшего, как если бы был его родным сиблингом.

Таким образом, очевидно, что данный фактор влияния на речевое развитие детей восходит к исключительно «социальным» причинам (в отличие от предыдущего – гендерного – фактора).

Более сложная ситуация (как ни странного это прозвучит) – с влиянием собственно социального фактора. Полагаем, что здесь сложно разграничить влияние «биологического» и «социального».

Казалось бы, очевидно, что речь должна идти о чисто социальных причинах: речь детей из семей с высоким социокультурным статусом – заметно иная, чем речь детей из семей с низким социокультурным статусом (подробнее см., например, [Доброва 2007]). Эти различия заключаются в следующем. Не говоря о таких очевидных показателях, как большее богатство словаря у детей из семей с высоким социокультурным статусом или наличие просторечных слов и неграмотных форм слов в речи детей из семей с низким социокультурным статусом, отметим такие различия, как большее разнообразие словообразовательных моделей при окказиональном словообразовании у детей из семей с высоким социокультурным статусом, более творческое отношение этих детей к языку, большую склонность этих детей к лингвокреативности и т.п. На первый взгляд, представляется очевидным, что всё это обусловлено в чистом виде социальными причинами: в семьях с высоким социокультурным статусом взрослые говорят грамотно, больше читают детям, играют с ними в словесные игры, поощряют их словотворчество (иногда восторгаясь и умиляясь их окказиональному словотворчеству) и т.д. и

т.п. Между тем не всё представляется столь однозначным. Однозначно всё лишь в том случае, если мы полагаем, что принадлежность человека к определенной культурной среде имеет исключительно социальные причины. Нисколько не опровергая главенство этого фактора, поставим под сомнение его очевидность. В личном опыте любого из нас, наверное, есть семьи с достаточно низким социокультурным статусом, в которых, например, один из сыновей стал абсолютно интеллигентным человеком, сам создал семью с очевидно высоким социокультурным статусом (подчеркнем в первую очередь вторую часть этого сложного прилагательного), а другой из сыновей, получивший ровно такой же изначальный инпут, остался человеком без всякого образования и т.п. Только ли социальные факторы привели к этим различиям? Не было ли чего-то в «природе» этих двух братьев, что привело к таким различиям? Иными словами, правомочен вопрос о том, всегда ли принадлежность семьи к семьям с определенным социокультурным статусом обусловлена исключительно социальными причинами, не может ли быть здесь и иных причин – «биологических» (например, воздействие такого фактора, как асимметрия головного мозга, разная степень развитости полушарий и разных людей и мн. др.)? Разумеется, мы вовсе не склонны утверждать что во всех интеллигентных семьях все их члены – исключительно интеллектуалы от природы, а в неинтеллигентных – нет. Однако все же некоторые факты заставляют задуматься. Так, нам известна одна семья с достаточно низким социокультурным статусом, усыновившая (в возрасте нескольких дней) потерявшую родителей девочку из семьи с весьма высоким социокультурным статусом. В отличие от родных детей в данной семье, эта девочка (не зная до взрослого возраста, что она была усыновлена) развивалась как типичный ребенок из семьи с высоким социокультурным статусом: с раннего детства имела богатую речь, была отчетливо склонна к лингвокреативности и т.п. Сейчас, став взрослым человеком, она создала собственную семью с безусловно высоким социокультурным статусом – в отличие от своих, неродных, брата и сестры.

Таким образом, даже такой отчетливо социальный фактор, как социокультурный статус семьи, не всегда, как представляет-

ся, обуславливается исключительно социальными причинами, хотя, разумеется, социальные причины в этом случае явно преобладают.

Наконец, самый сложный фактор – «типологический», отнесенность ребенка к референциальным / экспрессивным детям. Не имея в данном случае возможности хоть сколько-нибудь подробно останавливаться на «показателях» референциальных / экспрессивных детей (интересующихся отсылаем к [Bates et al 1986], [Доброва 2009]), отметим лишь некоторые различия: речь детей референциальных более отчетлива, чем речь экспрессивных; им свойственно постоянство в субституции звуков и упрощении кластеров, свойственна слоговая элизия, склонность к морфологическим и лексико-семантическим сверхгенерализациям; в их начальном лексиконе больше существительных, чем в начальном лексиконе экспрессивных детей; им, как правило, свойственно вообще более раннее речевое развитие и т.д. «Сильной стороной» референциальных детей является их общая склонность к генерализации, к логике, последовательности и т.п., а «сильной стороной» экспрессивных – способность к имитации, склонность к дифференциации. В качестве же так называемых биосоциальных вариаций исследователи называют такие различия референциальных / экспрессивных детей, как принадлежность референциальных детей к семьям с высоким социокультурным статусом, отсутствие у них старших сиблингов, принадлежность к женскому полу (девочки), а экспрессивных, соответственно, – к семьям с более низким социокультурным статусом, наличие у них близких по возрасту старших сиблингов, принадлежность к мужскому полу (мальчики) (подробнее об этом [Bates et al 1986]). Имея экспериментальные данные, не всецело совпадающие с отмеченным, не можем сейчас вступать в какие бы то ни было дискуссии по данному вопросу, но отметим, что, как видно, эти «биосоциальные вариации», выделяемые западными исследователями, восходят к разным причинам – уже рассмотренным нами выше как «социальным», так и «биологическим». Если же добавить к этому то обстоятельство, что, по мнению западных исследователей, референциальные дети – скорее левопо-

лушарники, а экспрессивные – скорее правополушарники² (явно «биологическая причина»), то очевидно, что принадлежность ребенка к референциальным / экспрессивным детям определяется сложной совокупностью как биологических, так и социальных причин. Именно поэтому выше этот фактор и его воздействие были названы самыми сложными: этот фактор по своей сути – смешанный, частично «перекрывающий» (а частично – не «перекрывающий») рассмотренные выше факторы и имеющий, если можно так выразиться, сложный «биосоциальный генезис».

Таким образом, как видно из всего вышеперечисленного, ни один из рассмотренных факторов не является исключительно биологическим; лишь один (влияние старшего сиблинга) является исключительно социальным; большинство же факторов восходит к сочетанию «биологических» и «социальных» причин. Если же принять во внимание то обстоятельство, что на речь каждого ребенка одновременно оказывают влияние все рассмотренные (и, возможно, еще какие-то, пока не исследованные) факторы³, то получается, что речевое развитие каждого ребенка находится одновременно под воздействием как «биологических», так и «социальных» комплексов причин. Поэтому, если говорить не о «бытовом», а о научном подходе, то следует признать, что бессмыслен-

² У нас есть аналогичные данные: в проводившемся под нашим руководством экспериментальном исследовании 87 % референциальных детей при прохождении тестов на ведущее полушарие оказались левополушарниками (и ни один из оставшихся 13 % референциальных детей не оказался правополушарником, все оказались «смешанными»), а 68 % экспрессивных детей оказались правополушарниками (и ни один из оставшихся 32 % экспрессивных детей не оказался левополушарником, все оказались «смешанными»). Однако, не желая вторгаться в чужую область знаний, не беремся утверждать в данном случае что-то от своего лица.

³ Более очевидна ситуация, например, с речевым развитием референциальной девочки из семьи с высоким социокультурным статусом, не имеющей старших сиблингов, или, напротив, с речевым развитием экспрессивного мальчика из семьи с низким социокультурным статусом, имеющего старшую сестру. Однако как быть, если «векторы воздействия» направлены в разные стороны – например, если рассматривается речевое развитие референциального мальчика из семьи с низким социокультурным статусом, не имеющего старшего сиблинга? Как оценивать, какой из «разнонаправленных» факторов в каком случае какое влияние на речевое развитие данного ребенка оказывает?

но говорить только о каких-то одних (биологических или социальных) причинах, определяющих особенности речевого развития; речь может идти только о превалировании каких-то комплексов причин – биологических или социальных.

Вместе с тем нельзя и отказаться от попыток понять, какие причины и в каких случаях оказывают решающее воздействие на речевое развитие ребенка – биологические или социальные, поскольку педагогическое воздействие, естественно, возможно только на то, что порождено «окружающей средой», социальными причинами, а не получено ребенком от природы, обусловлено «биологическими» причинами. Поэтому, как ни трудно это делать, нам все равно следует разбираться в сложном переплетении различных факторов, влияющих на вариативность речевого онтогенеза и имеющих сложный «биосоциальный генезис».

ЛИТЕРАТУРА

Бондаренко А.А. Индивидуальные особенности в освоении грамматики детьми 2–5 лет: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб, 2011.

Золотарева А.А. Активный и пассивный лексикон детей, имеющих старших братьев и / или сестер // Вестник студенческого научного общества РГПУ им. А.И. Герцена. Вып. 12. Кн. 2. – СПб., 2011.

Доброва Г.Р. Возрастная социолингвистика: к постановке вопроса // Проблемы онтолингвистики–2007: материалы междунар. конф. – СПб, 2007.

Доброва Г.Р. О вариативности речевого онтогенеза: референциальные и экспрессивные стратегии освоения языка // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9.

Доброва Г.Р. Вариативность речевого развития детей в зависимости от наличия / отсутствия у них старшего сиблинга // Проблемы онтолингвистики–2013: материалы междунар. конф. – СПб, 2013.

Слобин Д.И. Когнитивные предпосылки развития грамматики // Психолингвистика. – М., 1974.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: лингвистика детской речи. – СПб, 2000.

Bates E., Bretherton I., Snyder L. From first words to grammar. Individual differences and dissociable mechanisms. – Cambridge, 1988.

© Доброва Г.Р., 2013

М.Б. ЕЛИСЕЕВА

*(Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия)*

УДК 808.5:372.46

ББК 4426.13-24

УСВОЕНИЕ ПОЛИСЕМИИ И ОМОНИМИИ: К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ РЕБЕНКА К АСИММЕТРИИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

Аннотация. В статье анализируется восприятие и продуцирование детьми раннего и дошкольного возраста переносных значений слов и омонимов. Автором развивается мысль о неоднозначном отношении детей к феномену асимметрии языкового знака.

Ключевые слова: восприятие и продуцирование речи детьми и взрослыми, многозначность и омонимия, языковая рефлексия.

Дискуссионным в онтолингвистике является вопрос о приятии или неприятии ребенком асимметрии языкового знака. Наиболее известно представление о том, что дети не принимают асимметрию языкового знака, проявляющуюся в том числе в существовании в языке полисемантов и омонимов: «Дети в принципе отвергают наши попытки употреблять одно и то же наше слово в разных значениях... Дети, как мы знаем, строго следят за соблюдением закона симметрии языкового знака, т.е. за тем, чтобы одному означаемому соответствовало одно и при этом постоянно одно и то же означаемое, и наоборот. А проявления асимметрии они принять никак не могут» [Цейтлин 2000: 198–199]. Заметим, что речь идет отнюдь не только о детях раннего возраста. С.Н. Цейтлин ссылается на статью о речи младших школьников: «...на ранних стадиях овладения речью дети отрицательно относятся к самому факту наличия у слова не одного, а нескольких значений. Этот период характеризуется ситуацией, которую иногда определяют как своего рода «конфликт между известным и новым значением слова». Затем наступает другой период – стадия примирения с этим обстоятельством, вслед за тем начинают встречаться случаи образования новых значений» [Цейтлин 1997: 144]. Эта

точка зрения основывается на забавных примерах: буквальном понимании детьми слов, употребленных взрослыми в переносном значении; недоуменных вопросах детей о новых значениях слов, высмеивании детьми переносных значений и т.п.: *Почему они сказали, что я прослушала последние известия? Я же все слышала;* «Дети, увидев один раз цирк, заболевают им...» – *Мама, зря мы купили билеты в цирк. Там дети заболевают;* – *А куда у нее платья пропадают?* – *У кого?* – *У мамы дяди Федора. Она же говорит: осталось всего одно платье...* (имелось в виду: осталось надеть всего одно платье, чтобы пощеголять перед курортниками).

Такой взгляд распространен не только среди лингвистов, но является и одной из характеристик детского мышления для писателей, причем «детским» может быть и мышление самих детей, и мышление взрослых – либо малообразованных, либо по-детски наивных и бесхитростных. В художественной литературе непонимание переносных значений персонажем используется как прием психологической характеристики простодушного, недалекого, но симпатичного и благородного героя. Так, у Т. Толстой в рассказе «Соня» героями разрабатывается «уморительный план» – придумать для нелепой, некрасивой «дуры» Сони «загадочного воздыхателя, безумно влюбленного, но по каким-то причинам не могущего встретиться с ней лично». Завязывается романтическая переписка, продолжающаяся много лет: письма от лица вымышленного Николая пишет Ада, а придумываются они поначалу большой компанией. Письма такие: «... дорогая, ваш незабываемый облик навеки отпечатался в моем израненном сердце...» – авторы письма тут же отвергают эту, даже штампованную романтическую метафору: «...не надо “израненном”, а то она поймет буквально, что инвалид». Неспособность воспринять метафору, полное доверие миру и слову оказывается свойственным героине романтической и поистине героической: Соня спасает Аду от смерти во время блокады, а сама гибнет. Очевидно стремление писательницы изобразить героиню с детской психологией. Не случайно приятели, уезжая в отпуск, часто оставляют на Соню своих детей, и детям хорошо с ней. Соня не понимает шуток, не чувствует иронии, второго

плана, ориентируется только на конкретную ситуацию «здесь и сейчас». Вот еще подтверждение этому. Она вкусно готовит, и это дает повод для шуток. «Лев Адольфович, вытягивая губы, кричал через стол: “Сонечка, ваше вымя меня сегодня просто потрясает!” – и она радостно кивала в ответ. А Ада сладким голоском говорила: “А я вот в восторге от ваших бараньих мозгов!” – “Это телячьи”, – не понимала Соня, улыбаясь. И все радовались: ну, не прелесть ли?»

Интересны случаи совпадения буквального восприятия многозначного слова в литературе и в детской речи. Так, в пьесе А.А. Шаховского «Новый Стерн» 1805 г., пародирующей сентименталистские произведения, представлен следующий диалог: «[Граф:] Добрая женщина, ты меня трогаешь. [Крестьянка:] Что ты, барин, перекрестися, я до тебя и не дотронулась». Сравните в дневнике Н.А. Менчинской «Психическое развитие ребенка от рождения до 10 лет» (М., 1996): Наташа в 1,6,7 шлепнула мать по рукам, а затем, в ответ на сердитые слова матери: «Ты пальцем меня не смеешь тронуть!» – смотря на мать, прикоснулась к ней пальцем.

Однако положение о неприятии ребенком асимметрии языкового знака неоднократно подвергалось критике [Елисеева 2001; Глушечская 2004; Доброва 2007; Доброва 2011].

В исследовании Г.Р. Добровой (2007), основанном на обширном экспериментальном материале, установлено, что «часть даже трехлетних детей легко принимает факт многозначности». Автор отмечает, что «примеры коммуникативных неудач относятся скорее не к области собственно речепроизводства, а к области метаязыковой деятельности ребенка». Эксперимент показал, что «более одной восьмой даже 3-летних детей легко признает факт многозначности. Интересно, что это – отнюдь не самые “продвинутые” в речевом развитии дети, а, напротив, дети самые обычные» [Доброва 2007].

В отличие от исследования Г.Р. Добровой, настоящая статья основана на данных спонтанной речи и касается не только восприятия, но и продуцирования переносных значений и омонимов. Мы предполагаем обсудить следующие вопросы.

1. Верна ли периодизация, характеризующая отношения детей (всех) с многозначностью и омонимией: «конфликт известного и нового значения» – «примирение» с многозначностью – самостоятельное образование новых значений детьми? Какие факты подтверждают или опровергают эту периодизацию? Почему дети, уже с двух–трех лет, любят стихи, в которых есть метафоры, метонимии, языковая игра, каламбуры?

2. Чем отличаются и чем похожи детское отношение к многозначности и омонимии и отношение взрослых к этим же явлениям?

3. От каких факторов зависит способность детей воспринимать и продуцировать многозначность и омонимию и есть ли различия между разными детьми в способности воспринимать и производить метафоры?

Рассмотрим эти вопросы.

1. С традиционной периодизацией отношения ребенка с полисемией и омонимией не согласуются многие факты детской речи, связанные, в первую очередь, не с пониманием, а с продуцированием речи: с самого раннего возраста ребенок использует одно и то же означающее для выражения разных означаемых. Перечислим факты детской речи, свидетельствующие о том, что ребенок принимает асимметрию языкового знака.

- Лексико-семантические сверхгенерализации, связанные с распространением сферы использования слова на более широкий, чем в нормативном языке, круг денотатов (это явление, характерное для речи абсолютно всех нормально развивающихся детей).

- Игровые переименования, сознательные и преднамеренные (о проявлении осознанной интенции к языковой игре см., например, [Гридина 2006]): 1) комментарии ребенка относительно сходства предметов, 2) следствие игры с предметами-заместителями (замена одного предмета другим и, вследствие этого, переименование), 3) следствие языковой игры (замена одного слова другим). (Об отличии лексико-семантических сверхгенерализаций и переименований см. подробно: [Елисеева 2008]). Это явление свойственно речи детей в том случае, если ребенок получает «подпитку» в инпуте.

- Употребление ребенком многозначных слов и омонимов в собственной речи.

Многие дети уже в 2 года употребляют по крайней мере некоторые частотные слова (*ручка, идти, бежать* и др.) в двух значениях. Аня С. в 2,2,4 ест селедку под шубой и говорит: *Это шуба. Это свекла*. Лиза Е. в 2 года употребляла слово *кисточка* в 2 разных значениях (1) «приспособление для окрашивания чем-н., состоящее из насаженного на рукоятку пучка волос, щетины», 2) (не отмечаемое словарями) «пучок волос на конце хвоста или ушей у некоторых животных». Источником проникновения в речь ребенка этого полисеманта было стихотворение Г. Сапгира о львенке, решившем, что он художник, поскольку у него была «кисточка на кончике хвоста». Около 2-х лет Лиза охотно воспроизводила метафоры из разговорной речи взрослых: *хвостик* (о цветоножке); *слон* и *кабачок* – об огромном огурце.

- Образование окказиональных переносных значений, метонимических и метафорических (после 2-х лет).

Метонимии: *Настоящие коробочки получились* – о куличах, сделанных с помощью коробочки из-под масла (Лиза Е.); *Пальцы* – о перчатках (Миша Т.).

Метафоры: *Видишь, как кричит!* – перебирая зубчики расчески; *Чего она такая голенькая?* – развернув конфету; *небо летит; дерево сидит* (Аня С.); *Тут у меня песочница* – о песке в своих карманах (Оля М.); *Биби один рук, один зуб* – об экскаваторе (Миша Т.); *Вот какая терка у меня* (Лиза Е.) – о кондиционере в немецком поезде, похожем на тёрку.

Функции окказиональных детских метафор те же, что и функции «переименований»: они либо комментируют сходство предметов или явлений («сенсорные» метафоры), либо создают ситуацию игры (символические игровые метафоры). Используя метафору, ребенок совсем не обязательно знает нормативное наименование предмета (ковш экскаватора, кондиционер), но он, безусловно, знает, что этот предмет называется как-то иначе, а не *рука*, не *зуб* и не *терка* – и сознательно использует это переименование. По образцу метафор разговорной речи взрослых ребенок создает собственные метафоры: Мать обнимает Асю

(2,2): «Ласточка моя! Заюшка мой! Мой котик!» Ася прижимается к маме: *Мама моя! Собака моя! Кошка моя!*

• Каламбур, основанный на обыгрывании двух значений многозначного слова или омонимов (появляется около 3-х лет).

Вот примеры каламбура из речи Лизы Е. от двух с половиной до четырех лет: *Это что ли гриб опенок пришел сюда в юбочке?* (о себе, т.к. она была в штанах с юбочкой, а недавно узнала о «юбочке» у опенка); *Ушко у иголки, как у Лизы...;* – *У норки есть норка, и у мышонка есть норка; Хочу конфетку. Хочу коровку. Коровку с рогами;* Лиза заболела. Был жар. – *Уже упала температура. – Упала в лужу;* Улыбается матери: *Ты солнышко, а я пузырь... Солнышко, ты пойдешь на солнышко погреться?*

В речи детей встречаются «невольные каламбуры» вследствие стремления ребенка найти связь между разными значениями полисемантов и даже между омонимами. Особенность такого «каламбура» заключается в отсутствии стремления вызвать комический эффект – это воспоминание о другом, известном ребенку, значении услышанного в речи взрослого слова, способ усвоения нового значения известного слова. Взрослый: – Сегодня Пасха. Едят люди куличи. – *А мы делаем куличи из песка. Понарошку;* Покупают киви, и в этот момент Лиза вспоминает о том, что есть омоним: *Киви – это птичка.* Дома обращает внимание на яйцообразную форму киви: *А может, киви-птичка такое яйцо делает?; Папочка называется. Для папочки, что ли?.. Бывают такие для детей папочки* (в папке лежат тетради с заданиями, которые Лиза приносит из детского сада). Спустя некоторое время ребенок уже не ищет сходство между тем, что одинаково названо: понимает, что сходны только слова, и это вызывает улыбку: *Папа похоже слово на папочку.*

Недоумение ребенка по поводу асимметрии языкового знака возникает далеко не сразу, а в связи с развитием языковой рефлексии. После 3-х лет (или немного раньше) в речи детей появляются случаи неприятия полисемии – конфликта известного (чаще прямого) и нового (чаще – переносного) значения слова, а также вопросы о новых значениях. Если ребенок сталкивается с новым означаемым старого означающего, он может де-

монстрировать удивление и / или непонимание, например, буквально реализовывать метафору: *У меня песок в кружке не копается* (о сахарном песке); – Тебе мороз будет щеки щипать. – *Как же он будет щипать: вот так?!* (Ира В.); Лиза Е. нашла прозрачную длинную трубочку от водоочистителя и спрашивает: *Это, это?* – Это трубочка. – *Телефон.* – Нет, это трубочка, а не телефон (мать не вспомнила о телефонной трубке, поэтому ответила так). – *Трубочка, алё, алё!* – подносит к уху; Мать говорит дочери, что устроит ей детский уголок. *Я уже хорошая, хорошо сплю, мне не надо в угол* (Лиза Е.).

Если ребенок понял, что имеется в виду, он рефлексивен по поводу нового, обдумывает его, «пристраивая» к старому, известному. Мать рассказала о куколке, в которую превращается гусеница. Лиза Е. (3,7,6) спрашивает, почему без ножек куколка. Взрослый объясняет и напоминает, что она знает похожие случаи – слова, совпадающие по звучанию, но обозначающие совсем разное: – Что такое норка? – *Это зверёк.* – А еще? – *Еще норка.* – А другая норка? – *Это дырочка.*

Ребенок может задавать вопросы или высказывать недоумение и по поводу тех слов, которыми прежде пользовался, но неосознанно: Лиза Е. (3,4,14) пытается рассказывать стихи А. Барто про зайку, которого бросила хозяйка, известные ей уже в течение двух лет, и вдруг спрашивает: *А почему не брошу? Не порву!* При этом, однако, объяснение взрослого было принято.

Не всегда очевидно, отвергает ли ребенок многозначность, шутит или отрицает само содержание высказывания. Егор А. мешает есть родителям, отец говорит: «Егор, увянь!» – *Я не увяну, я не цветок!* Многие детские высказывания напоминают языковую игру, но, поскольку в записях родителей нет указаний на шутливый характер реплики, исследователи часто рассматривают их как случаи неприятия детьми переносных значений: – *Какая шапка страшная!* – *А я ее не боюсь!*; *До школы еще далеко!* – *А мы такси возьмем!* Ребенку может не нравиться сам способ выражения вполне понятного содержания: – *Почему говорят: «Выпей лекарство?»* Ведь не все лекарства пьют, есть и таблетки.

Приведу еще несколько примеров осмысления ребенком многозначности и омонимии, обыгрывания этих явлений, сопоставления разных значений, вопросов и т.п. из моего дневника (лонгитюдное исследование речи Лизы Е.):

3,0,28: Я принесла домой мандарины. Лиза сразу же вспомнила про *уток-мандаринок*. Интересно, что я опять, как в случае с норкой, даже не вспомнила о существовании омонимов. В 3,11,10: Ест мандарин. *От уток-мандаринок. Утки-мандаринки дали мандарин Лизе.*

3,4,22: О хвостике на голове девочки на картинке в книжке: *А почему на голове хвостик?*

3,7,1: *А у меня есть, есть, есть. А я как есть говорю. – Какое есть? – Хочу макароны есть.*

4,0,16: – Сырок здесь лежит без дела. – *Почему у него нет дела? Дело, чтобы его ели.*

4,0,17: На улице я рассказывала Лизе о том, как какой транспорт ездит и что «ест». Речь зашла о троллейбусных «усах» (разговорное наименование штангового токоприемника, которым я пользуюсь). В сознании ребенка сразу же возникло другое значение слова «усы»: *У меня после кефира усы, как у кота.*

4,5,3: Надевает штаны. Я говорю, чтобы она перекрутила лямку. *Сколько перекрутить есть: перекрутить кассету, перекрутить лямку...*

4,5,16: *Я – это буква. И я – это человек.* Недавно читали стихотворение про букву Я Б. Заходера.

4,8,6: Папа вернулся из огорода, окучив картошку: «Вот как вкальвают!» – *А чего вкальвают? Чего он вколел?*

4,9,20: Одевается, я смотрю на часы: за сколько Лиза оденется.

- *Время идет!*
- *А я с ним иду!*
- *И кто же из вас идет быстрее?*
- *Время, конечно!.. А я с временем иду!*
- *И куда же ты идешь с временем?*
- *Иду – значит одеваюсь.*

5,0,5: Пытается открыть крышку бутылки – не выходит. – *Это ты так заперла?* – Дверь запирают, а не крышку! – *Ты же говоришь: ротик на замочек! Вот я и решила про крышку так сказать.*

5,0,11: О коте Матроскине из мультфильма: *А почему он сказал «мало ли таких мальчиков»? Мало – это значит много?*

На наш взгляд, продуктивным для описания взаимоотношений ребенка с полисемией и омонимией является разграничение понимания (understanding) и осознания (awareness) переносных значений слова. В. Pearson считает, что корни продуцирования и понимания «фигурального языка» находятся в раннем детстве, но осознание переносных значений, способность говорить о метафорах появляются приблизительно около 7 лет.

Итак, нам представляется, что периодизация: «конфликт известного и нового значения» – «примирение» с многозначностью – самостоятельное образование новых значений детьми – не вполне соответствует реальности. Ребенок с самого начала речевого онтогенеза воспринимает и порождает переносные значения, затем, вследствие развития языковой рефлексии, возникает конфликт известного и нового значения, не отменяющий, однако, употребление и порождение переносных значений.

2. Главное отличие в отношении к полисемии и омонимии между детьми и взрослыми заключается, как нам представляется, в соотношении восприятия (понимания) и продуцирования: у взрослых восприятие и понимание многозначности опережает продуцирование, у детей – наоборот: продуцирование опережает понимание.

Взрослый способен воспринять и понять новое переносное значение, новую метафору, догадаться о том, что перед ним омонимы, – даже если прежде он никогда их не слышал: он хорошо знаком с самим феноменом. Одновременно с этим порождение окказиональных переносных значений не является яркой характеристикой речи большинства взрослых.

В речи детей иначе: богатое продуцирование переносных значений – метафор, метонимий, игровых переименований, начиная с раннего возраста, – и непонимание, удивление детей вторичной номинативности речи взрослых – в том случае, если

ребенок сталкивается с новым. Здесь существует парадокс, который давно обсуждают западные исследователи детской речи. Так, В. Pearson (1990) выделяет два направления в исследовании метафор: изучение продуцирования метафор и изучение понимания метафор. Первая группа исследователей обычно доказывает, что метафоры очень рано возникают в языке детей; вторая группа (под влиянием Ж. Пиаже) утверждает, что понимание метафор (часто отождествляемое с объяснением) – поздняя способность, усваиваемая детьми. D. Gentner (1988) также пишет о том, что дети способны продуцировать метафоры с самого раннего возраста, но не способны понимать метафоры, предъявляемые им в экспериментах.

В продуцировании взрослых встречаются те же самые языковые явления, что и в детской речи, кроме, естественно, лексико-семантических сверхгенерализаций. Игровые переименования предметов взрослые используют при общении с маленькими детьми. Сознательные каламбуры, основанные на реализации метафорического значения слова, чаще встречаются в речи мужчин. Жена: «Грибы пошли». Муж: «Куда же они пошли?»

В восприятии многозначности и омонимии детьми и взрослыми тоже много общего. И ребенок, и взрослый во многом одинаково реагируют на новое означаемое известного означающего: вспоминают старое, сопоставляют, сравнивают с новым. Это общая закономерность восприятия языкового знака, о которой писал еще С. Карцевский: «Независимо от того, направляется ли наше внимание в данной конкретной ситуации на новое, неизвестное, или на старое, одновременное присутствие этих двух элементов неизбежно для всякого акта понимания (или познания). Новое включается в старые рамки, оно осмысливается как новый род старого вида... Познать или понять явление – это значит включить его в совокупность наших знаний, установить координаты, на скрещении которых его можно будет найти» [Звегинцев 1965: 87].

Р. Якобсон считал, что проблема омонимии – это проблема слушающего, а не говорящего: при восприятии речи «слушающий должен прибегнуть к вероятностным методам», чтобы понять, что именно имел в виду говорящий под звукокомплексом

(какой из лексико-семантических вариантов слова или какой из омонимов): «Для говорящего как такового омонимия не существует, и, когда он произносит, например, английское [s^ʌn], он точно знает, имеет ли он в виду “сына” (son) или солнце (sun)» [Звегинцев 1965: 401]. В этом проявляется важная закономерность построения внутреннего лексикона: уже «встроенное» в лексикон слово или значение актуализируется только при необходимости; новое, усваиваемое – непременно вызывает в памяти уже известное.

Хотя в целом это относится к «слушающему» любого возраста, взрослые, как более опытные носители языка, быстрее ориентируются на контекст: как правило, они не сопоставляют переносное значение слова с прямым и не ищут связи между омонимами, – только в том случае, когда сознательно каламбурят. Таким образом, отличие между детьми и взрослыми заключается в осознанном отношении взрослых к фактам многозначности и омонимии, в признании большинством взрослых «нормальности», обычности этих фактов. Особенность детского восприятия в том, что ребенок до определенного момента (пока в его сознании не возникнет обобщение) продолжает снова и снова задавать вопросы, сталкиваясь с подобными фактами, т.е. не привык еще к «законности» асимметрии языкового знака.

3. Развитие способности понимания полисемии и омонимии обусловлено различными экстралингвистическими факторами: особенностями инпута – речи тех взрослых, с которыми ребенок общается; читательским опытом (reading competence), а также общим когнитивным созреванием ребенка.

Можно предположить, что имеется связь между приятием / неприятием детьми полисемии и наличием в их речи игровых переименований и метафор. В родительских дневниках у части детей не обнаруживаются ни окказиональные метафоры, ни игровые переименования. Понятно, что у детей таких «серьезных» родителей меньше опыт восприятия рассматриваемых явлений – и они гораздо менее склонны к языковой игре.

Можно также высказать предположение о том, что существует два типа детей – «номиналисты» («буквалисты») и «метафористы», с большей или меньшей степенью легкости прини-

мающие полисемию и омонимию. Каламбурят больше «метафористы», а «буквалисты» чаще задают недоуменные вопросы о значении и не принимают полисемию и омонимию. Думается, что здесь есть связь между референциальной и экспрессивной стратегией языка [Доброва 2009], хотя и не совсем понятно, какая именно. Возможно, референциальные дети скорее окажутся «буквалистами», экспрессивные – «метафористами».

ЛИТЕРАТУРА

Глуцевская Н.В. Полисемантическое слово в речи ребенка дошкольного возраста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Череповец, 2004.

Гридина Т.А. Онтолингвистика: Язык в зеркале детской речи: учеб. пособие. – М.: Флинта; Наука, 2006.

Доброва Г.Р. О некоторых аспектах усвоения лексической семантики детьми 3–6 лет: влияние «нового знания» на речевое поведение // Проблемы социо- и психолингвистики: сб. ст. Вып. 10: Возраст как фактор речевого поведения. – Пермь, 2007. С. 30–48

Доброва Г.Р. О вариативности речевого онтогенеза: референциальная и экспрессивная стратегия освоения языка // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 53–70.

Доброва Г.Р. О специфике проявления языковой асимметрии в онтогенезе // Труды Уральского психолингвистического общества: Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Вып. 8. – Екатеринбург, 2010.

Елисеева М.Б. К вопросу о языковой рефлексии: освоение полисемии и омонимии ребенком: материалы XXX межвуз. научно-методич. конф. преподавателей и аспирантов. Вып. 21. Часть 4. Секция общего языкознания, Санкт-Петербург, 1–17 марта 2001 г. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2001. С. 18.

Елисеева М.Б. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. – СПб., 2008.

Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1965.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок. – М., 2000.

Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. – СПб., 1997.

Якобсон Р. Выступление на первом международном симпозиуме «Знак и система языка» (Эрфурт, 1959) // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1965.

Gentner D. Metaphor as structural mapping: The relational shift // Child Development. 1988. № 59. P. 47–59.

Pearson B. The comprehension of metaphor by preschool children // Journal of Child Language. 1990. № 1. JCL 17. P. 185–203.

© Елисеева М.Б., 2013

С.В. ПЛОТНИКОВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 81'373

ББК Ш141.2-31

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКОНЕ ШКОЛЬНИКА

Аннотация. На материале ассоциативного словаря школьников 1–11 классов рассматриваются динамические процессы в структуре внутреннего лексикона школьника.

Ключевые слова: лексикон школьника, структура внутреннего лексикона, ассоциативное поле.

Лексикон человека – это базовый компонент системы языковых знаний, хранящихся в его памяти и обеспечивающих способность к восприятию и порождению речи (А.А. Залевская, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова и др.). В лексиконе представлены знания о словах и эквивалентных им единицах, необходимые для оперирования этими единицами в процессе речевой деятельности: представления об их семантике, синтактике, прагматике, а также стоящие за ними экстралингвистические знания.

Все эти знания накапливаются человеком постепенно, поэтому важнейшей характеристикой лексикона является его динамический характер как следствие непрерывной переработки и упорядочения речевого опыта, а также «разностороннего (перцептивного, когнитивного, аффективного; вербального и не поддающегося вербализации) опыта взаимодействия человека с окружающим его миром» [Залевская 2005: 429]. Изменчивость системы необходима при ее функционировании в постоянно меняющихся условиях, а относительная стабильность обеспечивается способностью системы к самоорганизации; границы изменчивости задаются необходимостью поддержания функционального состояния – лексикон индивида должен обеспечить адекватное оперирование речью, взаимопонимание с окружающими.

Особенно ярко динамический характер лексикона проявляется в период детства и взросления, когда все стороны психики

человека интенсивно развиваются. Динамика развития лексикона в онтогенезе в последнее время все чаще рассматривается на достаточно широком возрастном диапазоне. В данном аспекте изучаются не только ранние этапы речевого развития ребенка (М.Б. Елисеева, Т.Н. Ушакова, С.Н. Цейтлин, Н.М. Юрьева и др.), в последнее время усилилось внимание лингвистов и к лексикону школьников: с помощью ассоциативного эксперимента устанавливается его состав и структура, выявляется влияние на лексикон возрастных, гендерных, социальных факторов (Н.И. Береснева, В.Е. Гольдин, Е.Н. Гуц, Л.А. Дубровская, И.Г. Овчинникова, Т.М. Рогожникова, А.П. Сдобнова, Н.В. Уфимцева и др.).

Исследование возрастных изменений в лексиконе школьников по данным ассоциативных экспериментов сосредоточено в основном на выявлении динамики состава лексикона. Не менее важно установление возрастных динамических процессов в структуре лексикона, в характере связи между его единицами. При сопоставлении данных ассоциативных экспериментов с детьми дошкольного возраста и школьниками можно видеть, что в целом изменяется соотношение асемантических и семантических связей в лексиконе: если у дошкольников доминирует досемантическое реагирование [Соколова 1999], то в ассоциативных полях школьников увеличивается доля разнообразных семантических связей (деривационных, парадигматических, синтагматических, тематических) [Уфимцева 1983; Береснева 1997]. Выявление возрастной динамики структуры лексикона школьника требует сопоставления данных ассоциативных экспериментов с учащимися разных возрастных групп.

В качестве источника данных о лексиконе школьников мы использовали ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области [Гольдин, Сдобнова, Мартьянов 2011]. Материал словаря включает более 900 тысяч реакций, полученных в ходе ассоциативного эксперимента на 1126 стимулов от школьников разного возраста. В данном словаре ассоциативные реакции школьников четырех возрастных групп (1–4, 5–6, 7–8 и 9–11 классов) впервые представлены отдельно, что дает возможность выявлять возрастную динамику лексикона школьни-

ков. Мы рассматривали представленные в словаре ассоциативные поля (АП) слов как модели отдельных участков ассоциативно-вербальной сети и пытались установить изменения их структуры от младшего к старшему школьному возрасту.

Исследуя возрастную динамику ассоциативных полей, В.Е. Гольдин выделил среди них четыре динамических типа: тип стандартизации, тип вхождения в словарь, тип усложнения поля и тип периферийного развития. При определении динамического типа последовательности ассоциативных полей учитывалось прежде всего качество наиболее частотных ответов в каждой из возрастных групп учащихся [Гольдин 2005].

Нам представляется важным при изучении динамических процессов в лексиконе школьников выявлять также характер связей между стимулом и всеми реакциями, в том числе и единичными. Группировка реакций по характеру связи со стимулом (формальная, семантическая), уточнение семантической связи с учетом значения и формы реакции необходимы для установления возрастных изменений структуры лексикона, характера связей между его единицами. Наиболее ярко возрастная динамика формирования семантических связей в лексиконе, по-видимому, должна проявляться в АП слов, осваиваемых в школьном возрасте, поэтому мы обратились к анализу последовательностей АП таких слов, пытаясь выявить закономерности овладения семантикой слова в школьном возрасте. В данной статье представим результаты анализа динамических процессов в АП слова *скорбь*.

Слово *скорбь* является однозначным и относится к группе существительных, обозначающих эмоциональное состояние, которые за редкими исключениями достаточно поздно появляются в лексиконе ребенка. Кроме того, слово *скорбь*, по данным словаря С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, ограничено в употреблении, имеет помету «высокое», и малочастотно – 11,3 вхождения на миллион слов в Национальном корпусе русского языка при достаточно высоком коэффициенте распространенности – 80 [Ляшевская, Шаров]. Эти особенности слова проявляются и в ассоциативном словаре школьников: реакция *скорбь* зафиксирована всего 12 раз на 7 стимулов (*жалость* 5, *сочувствие* 2,

жаль, скорбь, смерть, сожаление, страдание 1); у младших школьников такая реакция не встретилась ни разу, половина реакций в старшей возрастной группе (9–11 классы). Это свидетельствует о том, что слово практически отсутствует в активном словаре учащихся.

На то, что слово *скорбь* постепенно входит в лексикон школьника, указывает динамика нулевых реакций: младшие школьники и младшие подростки более чем в 56 % случаев отказывались реагировать, что указывает на отсутствие в их лексиконе данного слова. К старшему школьному возрасту доля нулевых реакций снижается до 24 % (в возрастной группе учащихся 9–11 классов). Значительна доля формальных (*скоро, горб, скорпион, короб, оскорбление* и под.) и экстрасигнальных реакций (*клей, лист, окно, палка* и др.) у детей младшего школьного возраста: 6,7 % и 14,3 % соответственно. Их доля последовательно снижается к старшему возрасту суммарно до 6,2 %. Реагирование младших школьников на стимул *скорбь* демонстрирует сходство с ассоциативным поведением дошкольников, у которых преобладает досемантическое реагирование [Соколова 1999].

В то же время в рассматриваемом АП начиная с младшего школьного возраста, хоть и в незначительном количестве, отражаются и семантические связи слова *скорбь*: среди реакций слова, называющие эмоциональное состояние и отношение (*горе, грусть, тоска, горечь, огорченье, счастье, жалость, сожалеть* – суммарно 8,8 % реакций); события, вызывающие соответствующее эмоциональное состояние, их компоненты (*смерть, болезнь, похороны, труп, умер попугай, о погибшем, об умершем* – 4,6 %); возможных субъектов эмоционального состояния (*дедушка, мама, мальчика, моя*); внешнее проявление состояния (*плач*); оценку (*плохо*). Среди реакций младших школьников мала доля синтагматических (2,1 %), деривационные связи проявляются в единичной реакции (*скорбеть*). Наличие таких реакций, как *обида, обижать, обозвал*, свидетельствует о том, что процесс освоения семантики данного слова у части детей осложняется в связи с закреплением формальных связей со словами *оскорбить, оскорбление*. В целом реакции, которые можно

было бы трактовать как адекватное отражение семантики слова *скорбь* в сознании детей, составляют около 17 %.

Структура АП при переходе ко второй возрастной группе (учащиеся 5–6 классов) практически не изменяется: 60 % отказов, 16,4 % формальных и экстрасигнальных реакций, примерно 19 % адекватных семантических, среди которых преобладают парадигматические, тематических значительно меньше, а синтагматические единичны. Отличие заключается в отсутствии реакций, свидетельствующих о связи в языковом сознании школьников данного эмоционального состояния с фактом смерти. В предшествующем возрастном периоде реакция *смерть* – вторая по частотности среди словесных, но ее относительная частота (2,1 %) незначительна, остальные реакции данной семантической группы единичны, и в сумме их частота не достигает 5 %, поэтому отсутствие подобных реакций у младших подростков может объясняться меньшим числом испытуемых.

Характер семантических связей в АП слова *скорбь* в двух младших возрастных группах отражает начальную стадию формирования данного узла ассоциативно-вербальной сети. Слово частично соотносится с парадигмой слов-названий эмоционального состояния, однако представления о ситуации, связанной с возникновением и проявлением данного эмоционального состояния, еще недостаточно конкретны. На формирование семантических связей оказывает влияние форма слова: *скорбь* – *оскорбить* – *обидеть*. Практически отсутствуют знания об условиях использования лексической единицы: она не включена в синтагматические и деривационные связи с другими единицами лексикона.

Существенные изменения наблюдаются в АП при переходе к старшим возрастным группам. Доля адекватных семантических реакций составляет более 50 % у учащихся 7–8 классов и более 60 % у старших школьников; меняется соотношение парадигматических и тематических реакций в пользу последних: увеличивается среди реакций количество и разнообразие слов, характеризующих ситуацию возникновения эмоционального состояния и его проявления. Признаки концептуализации, выделения существенных признаков в образе ситуации, соотносимой

со словом, проявляются в наличии в АП старших школьников таких реакций, как *потеря, утрата, не хватает кого-то, память, помнить*, и повышении ранга реакций *смерть, слезы*.

Обращает на себя внимание тот факт, что в структуре рассматриваемого АП не отражается деривация (единственная реакция такого типа зафиксирована в младшей возрастной группе – *скорбеть*). Доля синтагматических реакций несколько выше по сравнению с остальными в третьей возрастной группе (7–8 классы) – около 5 %, однако эти реакции однотипны: как и в других возрастных группах, в них прежде всего отражаются объектные отношения (*о ком-то, о бабушке, по близким* и др.). У взрослых синтагматических реакций не только значимо больше – 35,2 % (по данным РАС), что частично может объясняться различиями в форме проведения ассоциативного эксперимента со взрослыми и школьниками, но эти реакции разнообразнее: *мировая, великая, глубокая* – 19,6 % реакций такого типа; *о близком, по погибшим* – 11,7 %; *душит, настала, поглотила* – 2,9 %; *утолить*.

Характер семантических связей слова *скорбь* в АП старших возрастных групп говорит о том, что происходит изменение структуры данного участка лексикона: устанавливаются связи по семантическим признакам с большим количеством других единиц, укрепляется связь слова с соответствующим концептом в виде образа ситуации возникновения и проявления называемой словом эмоции. Однако процесс освоения данного слова не завершен, опыт оперирования им в процессе восприятия и порождения речи должен отразиться в структуре лексикона появлением разнообразных синтагматических связей.

Таким образом, анализ динамических процессов в ассоциативном поле слова *скорбь* у школьников четырех возрастных групп позволил проследить основные этапы освоения семантики данного слова. Признаки соотношения слова с другими словами сходной семантики и его включения в парадигму появляются первыми и указывают, вероятно, на формирование первоначального представления о значении слова, усвоение наиболее общего компонента его значения. Затем происходит увязывание слова с образом ситуации, конкретизация этого образа, что про-

является в увеличении доли и разнообразия тематических связей, и концептуализация, выделение существенных признаков в соотносимом со словом образе. Можно предположить, что такая последовательность этапов усвоения лексической семантики не является универсальной и определяется возрастом испытуемых и особенностями слова-стимула, его низкой частотностью и преимущественно книжным характером, поэтому вопрос о динамических процессах в лексиконе школьников требует дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

Береснева Н.И. Модель внутреннего лексикона в позднем онтогенезе (ассоциативный эксперимент): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 1997.

Гольдин В.Е. К типологии возрастной динамики ассоциативных полей // Язык. Сознание. Культура. – М.; Калуга, 2005. С. 165–173.

Гольдин В.Е., Сдобнова А.П., Мартыанов А.О. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов: в 2 т. – Саратов, 2011.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М., 2005.

Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Новый частотный словарь русской лексики. – URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 11.05.2013).

Русский ассоциативный словарь: электронная версия. – URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 11.05.2013).

Соколова Т.В. Ассоциативный тезаурус ребенка 3–6 лет: дис. ... д-ра филол. наук в виде науч. докл. – М., 1999.

Уфимцева Н.В. Опыт экспериментального исследования развития словесного значения // Психолингвистические проблемы семантики. – М., 1983. С. 140–180.

© Плотникова С.В., 2013

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

Е.Н. БЕКАСОВА

*(Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия)*

УДК 81'23
ББК Ш100.4

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НОРМАЛИЗАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье анализируются данные психолингвистического эксперимента по исследованию особенностей реализации одного из «слабых» звеньев языковой системы – формы 1 лица единственного числа настоящего (простого будущего) времени, представляющей синтагматически и парадигматически обусловленные потенциальные варианты, которые в ряде случаев имеют «разночтения» в нормализаторской практике.

Ключевые слова: языковая система, языковая личность, форма 1 лица единственного числа презенса, альтернации, кодификация.

Наиболее сложно процессам нормализации подвергаются языковые явления, которые в силу закономерностей исторического развития системы не получили своего завершения или сохранили прежние стадии в виде «отпечатков», «следов», «окаменелостей», «рудиментов» (по терминологии И.А. Бодуэна де Куртенэ). Как правило, данные «слабые звенья» современной системы русского языка балансируют на грани литературной нормы и не-нормы, нередко поддерживаемой просторечным и диалектным узусом. Именно с ними возникают проблемы кодификации, обуславливающие разночтения в словарях, справочниках и грамматиках.

К таким проблемным зонам современной нормализации, безусловно, относятся формы 1 лица настоящего (простого бу-

дущего) времени (далее – 1 л. ед. ч.), где проявляется синтагматическое и парадигматическое выравнивание вследствие необходимости реализации в большинстве из них альтернативы, а также значительной их распространённости в разговорной речи, где ослаблено действие литературной нормы. В этом случае наблюдаются или запреты на употребление формы, или возникают словоизменительные грамматические варианты с неоднозначным кодификационным статусом. Такое положение диктуется внутренними факторами развития языка, и прежде всего, давлением сложившейся системы на исторически обусловленные асистемные формы, в результате чего происходит аналогическое выравнивание основы или утрата не вписывающейся в современные координаты формы. Однако при общей тенденции ожидаемые результаты не столь прямолинейны, что обуславливает неоднозначность решения в научной литературе как проблемы дефектной личной парадигмы глагола, так и наличия вариантности. Как правило, отсутствуют чёткие предписания об употреблении и образовании целого ряда форм 1 л. ед. ч., а также однозначные указания на причины неупотребительности данной формы у некоторых глаголов.

В частности, в академических грамматиках современного русского литературного языка – «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 г. (далее – Гр. 70) и «Русской грамматике» 1980 г. (далее – Гр. 80) – отмечается возможность образования личных форм от любого глагола, чему, однако, могут препятствовать лексическое значение, несовместимое со значением форм 1 л. ед. ч., «традиционные представления о неблагозвучии» форм и произносительные неудобства (например, для *бдеть*), традиции употребления [Гр. 80: 661], а также стремление избежать омонимического совпадения словоформ разных глаголов [Гр. 80: 413].

Данные положения иллюстрируются списками глаголов: около 60-ти глаголов в Гр. 70 и около 70-ти – в Гр. 80. Однако З.К. Тарланов утверждает, что глаголов с неполной личной парадигмой в современном русском литературном языке около 4900 [Тарланов 1979: 66], при этом на долю глаголов «терминологического происхождения, многие из которых полностью или частич-

но восходят к заимствованиям из западноевропейских языков», и «слов с аффиксом *-ся*, исключаящим по смыслу их употребление в 1 и 2 лицах», приходится 90 % всех случаев [там же: 70]. Естественно, их неупотребительность, как считает З.К. Тарланов, связана не «с традицией или стремлением к благозвучию», а с семантическими и жанровыми основаниями [там же: 71]. Таким образом, вырисовывается проблема не запрета употребления форм 1 л. ед. ч. у некоторых глаголов, а специфики представления альтернативы глаголов, недавно вошедших или претендующих на вхождение в систему русского литературного языка.

Различия в перечне глаголов и критериев отсутствия формы 1 л. ед. ч. обуславливают противоречия в установлении кодифицированной нормы. Во-первых, сведения о том, что у глаголов *желтить*, *мутить*, *приютить*, *нудить* (разг.), *чадить* «избегаются в употреблении формы 1 лица ед. ч.» [Гр. 80: 660], не подтверждаются данными современных нормативных словарей, где фиксируются *желчу*, *мучу*, *приючу*, *нужу*, *чажу*. Во-вторых, наличие разговорных (*звоздить*, *дудить*, *гнушить*, *бузить*, *чудесить*, *елозить*), просторечных (*шкодить*, *сбрэндить*, *лямзить*) и даже диалектных (*ерундить*) глаголов, составляющих почти четверть приведённых в Гр. 80 глаголов с неполной личной парадигмой, ставит под сомнение предлагаемый список, так как в просторечии, разговорной речи и диалектах не существует запретов на употребление форм 1 л. ед. ч. и их разнообразное оформление. В-третьих, есть случаи разночтений утверждения нормы. В частности, глагол *ощутить* в Гр. 80 на с. 660 включён в список глаголов, не имеющих формы 1 л. ед. ч., а на с. 677 в перечне форм 1 лица с чередованием /г'-ш'/ имеется форма *ощущу*.

Такое положение с кодификацией подтверждает высказанное И.А. Бодуэном де Куртенэ мнение о том, что «сознательное или бессознательное стремление к идеальному, стройному, правильному порождает языковой пуризм, граничащий с педантизмом и заставляющий своих представителей вмешиваться постоянно в естественное развитие языка, класть veto против известных явлений, кажущихся почему-то неправильными, и приказывать, чтобы то-то и то-то в языке приняло такой-то и такой-то вид. Пекуются известные правила и известные исключения из

этих правил (всякому самостоятельному, положительному, объективному уму подобные правила могут внушить отвращение к грамматике), которые считаются ненарушаемыми и последствием которых бывает то, что подчас иностранец «правильное» (по грамматике) говорит известным языком, нежели туземец» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 50].

Для И.А. Бодуэна де Куртенэ совершенно очевидно, что «все мнимые грамматические исключения объясняются историей языка и представляют или остатки древних «правил», или же задатки будущих» [там же: 51]. В этом плане показательна парадоксальная ситуация с глаголом *пылесосить*, в котором, по Гр. 80, употребление формы 1 л. ед. ч. избегается, при этом указывается, что «*пылесосу* и *пылесосу*, обе формы в употреблении редки» [Гр. 80: 660], хотя речевая практика свидетельствует о необходимости употребления данной формы, при этом спонтанное речевое поведение делает практически невозможным использование рекомендованных описательных конструкций.

Потенциальные формы 1 л. ед. ч., в том числе и вместо оборотов, предписываемых современной нормой, могут выступать и как маркеры неофициального, непринуждённого общения реальных людей: «Я не звезда. Я не *хожу* и не *звезжу!*» (интервью с балериной Дианой Вишневой. «Блокнот», 1 ноября 2004 г.), «*Скоммунизжу* из журналов типа “Радио” 80-х годов» (Журнал «Хакер». 2002. № 7. С. 45).

Спонтанное речевое поведение не только опровергает узаконенные запреты, но и показывает разброс в реализации вариантности форм 1 л. ед. ч., обусловленный столкновением узуальной нормы, допускающей существование данных форм без альтернативы, и кодифицированной альтернативы, что приводит к вариативности форм типа *пылесосу* / *пылесосу*, *бузю* / *бужу*, *шкодю* / *шкожу*, *очутюсь* / *очучусь*. В результате возникает не только проблема выбора, в принципе невозможная по кодифицированным нормам русского литературного языка, но и иллюзия недопустимости употребления формы 1 л. ед. ч. При этом выдвигаемый в Гр. 80 критерий «традиционного представления о неблагозвучии» – один из самых расплывчатых и научно некорректных. Фактически неблагозвучием объяснено существование

лишь формы *чту* от *читать*, в то время как неупотребительность *ерунжу* (диал.), *мучу* (мутить) мотивируется не произносительными неудобствами, а следованием традиции [Гр. 80: 661].

Таким образом, налицо важнейший аспект нормализации, свидетельствующий о том, «норма, учитывающая как системный, так и эволюционный аспекты языка, невозможна без третьей координаты – личностной, т.е. языкового сознания» [Караулов 1987: 37]. В связи с этим нами с 1990 г. проводится исследование особенностей реализации форм 1 л. ед. ч. и критериев отбора потенциальных грамматических вариантов с учётом не только языковой практики носителей русского литературного языка (студентов педколледжей и вузов, учащихся школ и учителей-словесников), но выявлением специфики метаязыковой и аксиологической рефлексии индивида.

Анализ данных психолингвистического эксперимента позволил определить предпочтения в выборе синтагматически и парадигматически обусловленных потенциальных вариантов.

Большинство респондентов считают возможным образование форм от глаголов с кодифицированной дефектной парадигмой (школьники и студенты в среднем соответственно в 86 % и 72 % случаев). При этом отсутствие формы 1 л. ед. ч., как правило, фиксируется у глаголов пассивного лексикона или терминологического характера типа *умилосердиться*, *застить*, *обезуглеродить*.

В своё время Л.К. Граудина указывала на спорность кодификации отсутствия формы 1 л. ед. ч. у целого ряда глаголов, в частности, для достаточно известного в этом плане глагола *победить*: «В.И. Чернышёв в стилистической грамматике рекомендовал две формы – *побежу* и *побежду*. Вторая форма современной нормой уже отвергнута, но и первая не принята» [Граудина 1980: 217].

Следует подчеркнуть, что В.И. Чернышёв в «Опыте русской стилистической грамматики» указанные генетически входящие огласовки пытался утвердить и для других глаголов с финалью на *-дить*, где исторически могли наблюдаться колебания в выборе вариантных форм типа «*возбужу* или *возбужду*, *побежу* или *побежду*, *утружу* или *утружду*, *наслажусь* или *наслаждусь*», при этом предпочтение отдаётся русской огласов-

ке: «*пробужу, поврежу, насажу* (топор, деревьев) и *насажду* (в отвлечённом смысле), *досажу, загражу, огражу, прегражу* и *прегражду, упрежу* и *упрежду, утружу, учрежу* и *учрежду, утвержу* и пр.; только *наслажду* более употребительно, чем *наслажу*» [Чернышев 1979: 563].

Судя по нашим данным, при выборе потенциального варианта от подобных глаголов, более конкурентной, чем формы на -*жду* является форма без альтернативы, широко представленная в русских диалектах [Касвин 1949; Бекасова 1987, 1997], ср.: *побежу, убежу, чужу, учреджу* (соответственно 52 % и 37 %), *победу, убедю, чюдю, учредю* (25 % и 19 %), *побежду, убежду, чужду, учрежду* (9 % и 16 %).

На фоне привычной и кодифицированной формы на -*жу* форма без альтернативы, возникшая в результате выравнивания основы и имеющая яркую маркированность, оказывается более востребованной в определенных условиях [Бекасова 2005; 2006; 2008]. В этом плане достаточно нагляден результат такого выбора в произведении В. Высоцкого «Про дикого вепря», где «бывший лучший, но опальный стрелок» отвечает королю: «Чуду-юду я и так *победу!*». Отвергнуты пафосно-монументальное, хотя и кодифицированное «*одержу победу*», и отдающее высокой «славенщиной» *побежду*, и ассоциирующееся с поражением *побежу*. Только форма с отсутствием обязательного для литературного языка чередования, но распространённая в народной речи и так удачно вписывающаяся в ритм и рифму стиха, создаёт образ бесшабашного и решительного героя. Однако другой персонаж (Царь Горох из мультфильма «Как грибы с Горохом воевали») в соответствии со своим амплуа перебирает возможные огласовки формы и останавливается на предписываемом правилами описательном, но просторечном варианте «Я его интеллектом *победу, побежу, побежду... забуду его мозгами*».

Следует отметить рост образования форм типа *побежду* у студентов по сравнению со школьниками (почти в 1,8 раза), видимо, связанное с усилением влияния системных однокоренных образований. Предложенная студентам филологического факультета Оренбургского педуниверситета возможность утвердить какую-либо из возможных потенциальных форм показыва-

ет, что с повышением курса увеличивается процент «кодификации» форм типа *побежду* и *охлажду*. В связи с этим интересно отметить, что формы на *-жду* (*убежду*, *убеждусь*, *учрежду*) в 73 % случаев предпочитают респонденты с высшим образованием, которые знают о ненормативности данных форм, но считают возможным их употребление и признаются в их использовании в условиях неофициального общения, при этом отвергают формы типа *буду учреждать* или *одержу победу* и под.

Предполагаем, что в этом случае срабатывает «логическая мерка», которая «вводит язык в настоящую искусственность» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 50]. Дело в том, что именно в глаголах X словоизменительного класса I подкласса отсутствует ожидаемый параллелизм гетерогенных членов альтернативных рядов типа *охлаждать*, *охлаждённый*, *охлаждение*, но *охлажду*; *освободждать*, *освободжённый*, *освобождение*, но *освобожу* и под. Появляется своеобразный соблазн, как писал И.А. Бодуэн де Куртенэ, «быть законодателем, хотя бы и в области языка»: «даже у многих из самых светлых и чисто объективных умов сохраняется склонность перестраивать и поправлять родной язык» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 50]. Удивительно, но «нормализаторский синдром» касается в основном списка глаголов, который был представлен М.В. Ломоносовым в «Российской грамматике» (1855–1857 гг.): «ЖДУ имеет ЖДАТЬ»: *бежду*, *врежду*, *гражду*, *кажду*, *нужду*, *слажду*, *чрежду*, *тружду*, *хожду*, *прежду*, *чуждусь*, *труждусь* [Ломоносов 1952: 746]. Однако провозглашённая М.В. Ломоносовым идентичность альтернативы не выдерживает проверку практикой ни в материалах «Российской грамматике», ни в творчестве М.В. Ломоносова, где предпочтение отдаётся формам в исконном оформлении [Бекасова 1998; 2007; 2013].

Следует отметить, что формы 1 л. ед. ч. малоупотребительных глаголов или новообразований респондентами обычно фиксируются с восточнославянскими по происхождению альтернативами (обычно в речи студентов) или с утратой чередования (у школьников): соответственно 69 % и 23 % для *жижу/дю*, *помажу/дю*, *чажу/дю*, *цежу/дю* и 71 % и 18 % для *колошмачу/тю*, *баламучу/тю* и под. Эти данные подтверждаются результатами

эксперимента Р.В. Бахтуриной, в котором из 94 участников 77 человек при образовании формы 1 л. ед. ч. от новообразований и глаголов, парадигма которых ограничена спрягаемыми формами, типа *шкодить*, *руладить*, *колобродить*, *комплементить*, *банкротить* предпочли использовать альтернанты восточнославянского происхождения, и только 17 участников избегают альтернации [Бахтурина 1966]. Показательно, что никто из респондентов нашего исследования и эксперимента Р.В. Бахтуриной не привёл формы с альтернантами южнославянского происхождения /жд/ и /ш/.

В параметры альтернативного облика 1 л. ед. ч., выявленные в ходе нашего эксперимента, который в той или иной степени включает элементы сознательной оценки предложенных потенциальных форм или отобранных самим респондентом, практически не включаются примеры «обратной альтернации» типа *плечу* (вм. *плету*), *бережу* (вм. *берегу*), *печу* (вм. *пеку*) или альтернации согласных, отличающихся только признаком твёрдости / мягкости, типа *ходу* (от *ходить*), *гомону* (от *гомонить*), *завинту* (от *завинтить*), которые свойственны детям, осваивающим систему русского языка [Бекасова 1991; 1999]. Однако ненормативность таких «эксклюзивных» для взрослых форм 1 л. ед. ч. становится притягательной для одного из «игроков» в достижении определённых коммуникативных задач даже в официальном общении (см. [Гридина 2012: 20–24]), например, в сериале «Закон и порядок» на вопрос «Вы же его ведёте! (то есть осуществляете слежку)» допрашиваемый отвечает с иронией: «*Ведю!*».

Таким образом, процессы синтагматического и парадигматического выравнивания (реже – их деформации) свойственны именно формам 1 л. ед. ч. настоящего (простого будущего) времени вследствие необходимости реализации в большинстве из них альтернации, а также значительной распространённости данных форм в условиях ослабления литературной нормы (детская речь, разговорная речь). К внутренним факторам исторического развития системы языка, обуславливающих контур колебаний и их амплитуду, присоединяются внешние факторы, в том числе личный опыт использования потенциальных форм, незнание или игнорирование предписываемых кодификацией форм, желание

откорректировать парадигму чередований. При этом морфонологическое оформление формы 1 л. ед. ч. наиболее разнообразно для детской речи, когда осваиваются все потенциальные возможности языковой системы, не ограниченные рамками литературного языка. Для школьников и студентов нормативный аспект в определённой степени суживает выбор потенциальных вариантов, чаще всего в случаях реализации форм глаголов активного употребления. Однако ощущение возможной вариантности и её разнообразной маркированности позволяет языковой личности креативно реализовать потенциал системы русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтурина Р.В. Морфонологические условия образования отглагольных глаголов с суффиксом *-џ-* / *-и-(ть)*. // Развитие словообразования в современном русском языке. – М., 1966. С. 55–74.

Бекасова Е.Н. Особенности морфонологических чередований в глаголах с основами на *-д'-*, *-т'-* в русских народных говорах (в сопоставлении с литературным языком) // Формирование и развитие говоров территорий позднего заселения. – Саратов, 1987. С. 49–54.

Бекасова Е.Н. Статистические параметры южнославянских по происхождению элементов в русских народных говорах // Вестн. Оренб. пед. ин-та. Гуманитарные науки. Языкознание. 1997. № 2 (6). С. 4–14.

Бекасова Е.Н. «Стихия возникающего слова» // Проблемы лингвистического образования школьников: материалы V зон. конф. «Филологический класс»: Наука – ВУЗ – школа». – Екатеринбург, 1999. С. 218–223.

Бекасова Е.Н. «Чуду-юду я и так победу!» // Русский язык в школе. 2006. № 5. С. 71–75.

Бекасова Е.Н. Закономерности совмещения генетически неоднородных элементов в русском языке // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: к 100-летию А.М. Иорданского: материалы седьмой междунар. конф., Владимир, 25–27 сент. 2007 г. – Владимир, 2007. С. 64–65.

Бекасова Е.Н. О некоторых особенностях морфонологического облика форм 1 лица единственного числа в современном русском языке // Русский язык и литература рубежа XX–XXI веков: специфика функционирования: материалы всерос. науч.-практ. конф., Самара, 5–7 мая 2005 г. – Самара, 2005. С. 273–276.

Бекасова Е.Н. О процессах аналогического выравнивания в детской речи // Твори для дітей і про дітей у вітчизняній і зарубіжній літературі // 1 частина: Тезі і матеріали доповіді міжвузівської науково-методичної конференції, Одеса, 11–15 травня 1991 року. – Одеса, 1991. С. 84–85.

Бекасова Е.Н. Победу, победу, победу... (грамматическая форма в свете показаний языкового сознания) // Психологические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург, 2008. Вып. 6. С. 3–13.

Бекасова Е.Н. Структура трансплантатов в современном русском языке // Вопросы общего, сравнительно-исторического, сопоставительного языкознания: Русский филологический вестник. – М., 1998. № 2. С. 19–25.

Бекасова Е.Н. Феномен формы 1 лица типа *освобожу* в русском языке // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: сб. материалов конф. ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 9–12 апреля 2013. – СПб., 2013. С. 17–21.

Бодуэн де Куртэнэ И.А. Некоторые общие замечания о языкеведении и языке // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. – М., 1963. С. 47–77.

Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.

Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. – М., 1980.

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте: монография. 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург, 2012.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

Касвин Г.А. Основы настоящего времени глаголов 2-го спряжения // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. III. – М., Л., 1949. С. 84–151.

Ломоносов М.В. Полное собр. соч.: в X т. Т. VII. Труды по филологии. – М.,-Л., 1952.

Русская грамматика. Фонетика. Фонология. Интонация. Словообразование. Морфология. Т. 1. – М., 1980.

Тарланов З.К. Глаголы с неполной личной парадигмой в русском языке // Вопросы языкознания. 1979. № 1. С. 63–74.

Чернышев В.И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики // Избранные труды. Т. I. – М., 1979.

© Бекасова Е.Н., 2013

И.А. ВАУЛИНА

(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 81'371
ББК Ш141.2-32

АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКОЙ ЭКСПРЕССЕМЫ *ФОРДЫБАЧИТЬ* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования звукосимволической лексемы *фордыбачить* в современном русском языке. Экспериментально верифицируются аспекты экспрессивности данного слова, связанные со звукосимволическим характером его фонетического облика.

Ключевые слова: экспрессивность звукосимволического слова, языковое сознание, психолингвистический эксперимент.

Выделение фоносемантического аспекта экспрессивности лексической единицы основано на мысли о том, что «между степенью коннотативной и экспрессивной выразительности слова и степенью проявления фонетического значения его звуковой формы существует прямая связь» [Журавлев 1974: 133]. Наличие ассоциативной связи между формальной и содержательной сторонами языкового знака объясняется таким его свойством, как ассоциативный потенциал. Ср. определение ассоциативного потенциала слова (АПС) как «совокупности ассоциативных реакций, которая может возникать в сознании носителей языка в процессе использования, восприятия или порождения вербальных единиц, т.е. отражает весь спектр функционально-динамических репрезентаций знака, сопряженный с присвоением языковых значений и форм конкретными носителями языка» [Гридина 2011: 219].

В фоносемантических исследованиях экспериментально доказано (см. [Журавлев 1974, 1991]; [Воронин 1982]), что звуковая оболочка слова может способствовать актуализации и усилению семантики слова, а экспрессивное значение, в свою очередь, находит выражение в специфической звуковой форме.

На основе взаимодействия, взаимообусловленности содержательной и формальной сторон языкового знака возникает экспрессивный резонанс.

Фонетическая изобразительность (в том числе и как источник экспрессивности) проявляется в двух разновидностях: звукоподражании и звукосимволизме. *Звукоподражание* связано с имитированием звуковой оболочкой слова звуков окружающей среды. *Звукосимволизм* предполагает создание фонетическими средствами незвукового, образного представления.

Подчеркнем особо тот факт, что «символическое значение звуковой оболочки слова способно вызывать ... незвуковые представления, выявляя экспрессивные возможности фонетической комбинаторики и идиоэтническую эмоционально-экспрессивную окрашенность звуковых комплексов» [Гридина 1996: 97].

В экспериментальных исследованиях фоносемантики выявлены «коннотативно значимые» звукокомплексы, определяющие выразительность и экспрессию звукосимволического слова [Воронин 1983, Журавлев 1974, 1991].

В качестве яркого средства звукосимволической экспрессивности выделяется, в частности, «...собственно фонетическая необычность слова», или «фонетический экзотизм» [Матвеева 1986: 47]. Последний создается за счет нарушения законов эвфонии, норм звуковой комбинаторики, а также использования малочастотных, не характерных для определенного языка звуков и звукокомплексов. Экспрессивность таких лексических единиц определяется необычностью и яркостью звукообраза, подкрепляющего и даже часто формирующего эмоционально-оценочный (ассоциативный) контекст восприятия их значения, хотя мотивированность (внутренняя форма) звукосимволического слова с синхронной точки зрения затемнена.

Одной из звукосимволических экспрессем такого рода является слово *фордыбачить*. В Малом академическом словаре оно представлено со следующим значением: *Прост.* Упрямиться, сопротивляться, дерзко настаивать на своем [МАС, т. IV: 575]. Помимо собственно понятийного значения, в словарном толковании присутствует оценочный компонент, указывающий

на дополнительный признак действия: «дерзко» (непочтительно, грубо, что является *усиливающим маркером-интенсификатором* отрицательной оценки соответствующего поведения с точки зрения социальных норм).

Звуковой облик слова характеризуется «фонетическим экзотизмом», на который «работают» неблагозвучная, труднопроизносимая консонантная основа [фрдбч]: повтор согласных близкой артикуляции (взрывных [д], [б]), присутствие «редкого» звука [ф], который, находясь в сильной позиции, в начале слова, получает особую значимость (экспериментально установлено, что «в начале слова вес фонетической значимости звука увеличивается в два раза» [Журавлев 1991: 33]. Кроме того, звукоизобразительность слова подчеркивается «напряженными» узкими гласными [ы], [и] (верхнего подъема), контрастирующими с ударным [а].

Степень фонетической выразительности звуковой оболочки лексемы верифицировалась нами с использованием электронной программы ВААЛ (Шалак В.И., 2001 г.), направленной на диагностику эмоционального значения звукового состава слова. Посредством верификации по программе выявлено отрицательно-коннотативное смысловое наполнение фонетического облика лексемы **фордыбачить**: *плохой, отталкивающий, страшный, шероховатый, угловатый, злой, темный, тяжелый, грубый, тихий, хилый, грустный, медлительный, пассивный, тусклый, печальный*.

Мы видим, что звуковая оболочка глагола в данном случае явно поддерживает его коннотативное содержание, способствует интенсификации отрицательно-оценочного значения.

Этимологически *фордыбачить* восходит к южновеликорусскому **урдыбачить* (*гордыбачить*) [Фасмер 2007, т. IV: 202], которое является производным от основ *гордый* и *бачить* («говорить»), имеет значения «хвастать», «говорить грубости» [Фасмер 2007, т. I. 440]. Исходное слово *гордый*, согласно показаниям программы ВААЛ, также обладает звуко-символикой, его фонетическое значение описывается в следующих ассоциативных параметрах: *угловатый, грубый, мужественный, сильный, холодный, могучий, большой* (выделенные характеристики сов-

падают с рассматриваемым вариантом **фордыбачить**). «Происхождение *гордый* неясно. Большинство ученых считается родственным лат. *gurdus* «глупый», греч. *bradys* «ленивый». Требуется дальнейших разысканий достойное внимания сближение некоторыми этимологами прил. *гордый* с *горб* и *гора* [Шанский, Боброва 2004: 184].

Представляется, что в случае происхождения *фордыбачить* из *гордыбачить* внутренняя форма слова в процессе исторического развития языка могла быть утрачена, «затемнена» и компенсирована за счет усиления фонетической значимости звуковой оболочки.

В современном русском языке глагол *фордыбачить* входит в синонимический ряд: *упрямиться, упорствовать, артачиться, ерепениться, привередничать, щетиниться, кочевряжиться, брыкаться* [Онлайн-словарь синонимов: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims, <http://sinonim.su>]. Характерно, что большинство единиц синонимического ряда являются экспрессивными, снижено-разговорными и просторечными.

Для того, чтобы выявить, как фонетическое значение звуковой оболочки определяет характер речевой реализации слова, мы обратились к Национальному корпусу русского языка. Последняя фиксация слова датируется 2003 годом. Согласно статистическим данным корпуса, слово функционирует в основном в произведениях художественной прозы (в текстах 1857–1986 гг.), в публицистике отмечено только 2 употребления (2003–2004 г.), в устной речи – 1. В художественных произведениях слово встречается в разговорно-сниженных контекстах, выполняет характерологическую функцию (имитации речевых особенностей персонажей из простонародья, стилизации под живую разговорную речь). Например: *Возьму да и женюсь! – подбоченившись, молвил Пугачёв. – Назло Катьке, а вам, казачеству, на радость. Да ведь которая глянется-то, пожалуй, и не пойдет за меня, **фордыбачить** умыслит, скажет – стар, – потряс себя за бороду и заулыбался Пугачёв. Подвыпившие старики в ответ засмеялись, замахали на Емельяна Иваныча руками: – Брось шутки-то шутить, твое величество! Господи!* [Шишков В.Я. Емельян Пугачев. Книга вторая. Ч. 3 (1939–1945)]. Глагол упо-

требляется в разговорно-сниженном синонимическом ряду: *Да, наконец, с которых же пор нищие духом, ротозеи, рохли, протостофили, дураки* начали стоять на счету врагов отечества? А Грацианов так даже положительно подозревает, что если я «ничего не делаю», то это значит, что я фрондирую. Или, в переводе на русский язык: *фордыбачу, артачусь, фыркаю, хорохорюсь, петушусь, кажу кукиш в кармане* (вот какое богатство синонимов!). (Салтыков-Щедрин М.Е. Убежище Монрепо. 1878–1879).

Данные Национального корпуса русского языка свидетельствуют о процессе архаизации (устаревании) слова, его уходе в пассивный словарный запас. Характерно, что глагол *фордыбачить* отсутствует в современных толковых словарях [Лопатин, Лопатина 2009, Скляревская 2001], не фиксируется на сайте «Примеры употребления слова в прессе» [<http://www.diclib.com>].

Экспрессивность лексемы *фордыбачить* связана, таким образом, с выразительностью фонетического облика, отрицательной оценочностью семантики, сниженным стилистическим регистром функционирования, коннотациями архаичности.

Для верификации аспектов выявленных аспектов экспрессивности слова нами был проведен пробный психолингвистический эксперимент. Респондентами выступили молодые люди (с филологическим и нефилологическим образованием), девушки и юноши в возрасте 20–35 лет (всего 20 человек).

Эксперимент включал в себя три этапа: *на первом этапе* от испытуемых требовалось привести (записать) несколько любых ассоциаций на стимульное слово *фордыбачить*; *на втором этапе* эксперимента испытуемые должны были поставить слово в контекст; *третий этап* предполагал толкование (объяснение) значения слова-стимула.

В качестве **гипотезы** выдвигалось предположение о том, что восприятие звуко-символической экспрессивности опирается на эмоциональное впечатление от ее звучания.

В процессе эксперимента обнаружилось, что для большинства испытуемых, главным образом, не филологов, слово не знакомо (что подтверждает наше предположение о его уходе в пассивный словарный запас). При этом наблюдалась выраженная

эмоциональная реакция на фоносемантику: восприятие слова (его прочтение и произнесение) вызывало у испытуемых смех, а также сопровождалось комментариями типа: «*кошмар!*», «*такое слово правда существует?*» и т.п.

Вместе с тем на первом этапе эксперимента был получен довольно «богатый» спектр единичных (индивидуальных) реакций на заданный стимул (что свидетельствует в пользу уникальности ассоциативного контекста семантизации заданного стимула на основе его фонетического облика¹): *дебоширить, наглый, сердиться, возмущаться, обижаться, взбуривать, переканывать, нести разруху, нет ума, выделяться, придуриваться, вредничать, вести себя нехорошо, выкидывать финты, совершать вредные поступки, батрачить, экспрессивность, дыбы, получить / добыть что-либо, грести, шагать по грязи, редко так выражаемся, комиксы, автомобили ford, кланчить, красть, работа, перерабатывать, артачиться.*

На этапе качественной обработки нами были выделены две группы ассоциаций по характеру связи стимула и реакции: семантические реакции, основанные на смысловой связи, и формальные, основанные на фонетическом сходстве. К реакциям семантического типа относим:

- **парадигматические ассоциации**, состоящие со стимулом в отношениях синонимии (при отождествлении стимула с содержательно близкими к реальному значению глагола лексемами) : *артачиться, взбуривать, вредничать*. Синонимы *вредничать, артачиться* имеют снижено-стилистическую маркированность, однако обладают меньшей выраженностью семы интенсивности, чем **фордыбачить**. Глагол *взбуривать* не фиксируется современными словарями современного литературного языка. По словам респондента (жителя г. Артемовский Свердлов. обл.), давшего эту реакцию, глагол имеет значение, «вредничать, упрямиться, капризничать». В СРНГ данная лексема зафиксирована в двух значениях: 1. Бросать злой, сердитый взгляд, поглядывать на кого-л. искоса, хмуро, исподлобья (Ки-

¹ Еще раз подчеркнем в этой связи, что большинству информантов реальное значение просторечного глагола *фордыбачить* не было известно.

рен, Иркут., Пинеж. Арх., Свердл., Зауралье). 2. Сердиться, нервничать, горячиться, ругать кого-л. (Табор., Свердл.) [СРНГ, т. III, 1986: 244].

Ср. разг.-прост. и диалектное употребление *взбуривать* в качестве экспрессемы со значением «хмурить брови и смотреть исподлобья в знак недовольства кем-л.». Например: *Ишь, глаза-то взбуривает, сердится видно*. Ср. производящий глагол *бурить* в переносном значении «сверлить, пронзять взглядом». **отрицательно-оценочные ассоциаты-экспрессемы** типа: *вести себя нехорошо, совершать вредные поступки, наглый, нет ума*. Выделенные реакции содержат в своих значениях семы интенсивности.

- **тематические реакции**, воссоздающие ситуацию, связанную с характеристикой поведения, обозначенного словом-стимулом: *сердиться, возмущаться, обижаться, выделяться* (сниж.), *выкидывать финты* (просторечный фразеологизм), *дебоширить*; к отдельную группу таких реакций выделим не имеющие смысловой связи со словом-стимулом, вызванные незнанием его семантики: *перекапывать, нести разруху, грести, шагать по грязи, кланчить* (сниженное, оценочное), *красть, работа, перерабатывать, придуриваться* (сниж.);

- реакции, отражающие рефлексия респондентов над словом как лексической единицей: *экспрессивность, редко так выражаемся* (информант указывает на неактуальность слова в современной языковой ситуации).

К ассоциациям на основе **формального сходства** (фонетического созвучия) **можно отнести** следующие реакции: *батрачить, добыть что-либо* (респондент дал устный комментарий: «что-то связанное с добычей, судя по звучанию»), *автомобили ford*.

Реакция *дыбы* связана со стимулом *фордыбачить* и формальной, и семантической связью. С одной стороны, наблюдается фонетическое созвучие, с другой – актуализируется фразеологическое значение *встать на дыбы* – *перен.* резко проявить несогласие, протест, противодействие [МАС, т. I: 458].

Таким образом, результаты свободного ассоциативного эксперимента позволили выявить следующие аспекты восприятия звуко-символической экспрессемы *фордыбачить*: незнание

слова большинством респондентов (см. также реакцию *редко так выражаемая*) свидетельствуют о его архаизации, уходе в пассивный запас. Присутствие в ассоциативном поле стилистически-сниженных реакций свидетельствует о считывании респондентами коммуникативного регистра стимула. Специфика звуковой оболочки слова вызывает экспрессивные реакции, основанные, в том числе на фонетическом сходстве.

На *этапе толкования значения слова-стимула* проявилась тенденция его семантизации (при незнании реального значения) с опорой на фонетическую значимость звуковой оболочки: *не знаю значения, но в слове присутствует какое-то слияние кошачьего «фрррр» и лошадиного «вставать на дыбы», поэтому оно означает, скорее всего, что-то связанное с недовольством, протестом, агрессией* (смысл слова в общих чертах считан с опорой на фоносемантику, что свидетельствует о его самостоятельной коннотативной значимости).

Коннотативное значение звуковой оболочки проявляется в следующих толкованиях:

- *движение с затруднениями, препятствиями;*
- *добиваться цели, преодолевая трудности;*
- *не знаю, что обозначает, наверное, **переворачивать** всё с ног на голову, **выворачивать** наизнанку;*

Эти ассоциации вызваны, несомненно, спецификой звучания слова, его артикуляционным «неудобством».

На отрицательно-оценочное, эмоциональное восприятие фонетического облика слова указывают следующие варианты его семантизации:

- *делать что-либо **грубо, неправильно, некрасиво;***
- *слово обозначает что-то **плохое**, не знаю, что;*
- ***не очень красиво** звучит, наверное, что-то **ругательное.***

Таким образом, фонетическое неблагозвучие в сознании носителей языка ассоциативно связано с отрицательной оценкой.

В ряде случаев при толковании не известного им слова-стимула респонденты вычленяли в его звуковой оболочке «знакомые» звукокомплексы: *что-то связанное с добычей, судя по звучанию; заниматься продажей автомобилей «форд».* Данная

стратегия характерна для ложноэтимологических сближений по чисто случайному звуковому подобию, результатом чего являются «парадоксальная мотивация и семантизация слова» [Гридина 1998].

Толкование значения слова с опорой на звуковую оболочку основывается как на поиске в ней отдельных «значимых» элементов, так и на целостном впечатлении от звучания. Это подтверждает тот факт, что фонетическая форма слова обладает способностью «моделировать смысловой план восприятия лексем» [Гридина 2013: 58].

При *постановке слова в контекст* проявились следующие смысловые доминанты восприятия его значения.

1. Осмысление глагола *фордыбачить* как синонима слова *работать* (возможно, в данном случае актуализирована ассоциативная связь со словом *батрачить*, основанная на созвучии):

- *он фордыбачит без выходных весь этот год;*
- *чтобы чего-то добиться, надо активно фордыбачить всё свободное время;*
- *меня сегодня заставят фордыбачить.*

2. Объяснение *фордыбачить* через значение «совершить что-либо нелепое, предосудительное»:

- *ну и нафордыбачили сегодня мальчишки;*
- *ничего себе ты нафордыбачил!*

3. Актуализация значения «негодовать, протестовать»:

- *народ фордыбачит, что цены растут;*
- *рабочие на заводе снова будут фордыбачить.*

4. Приписывание глаголу значения «передвигаться с трудом, преодолевая препятствия»: *целый день мы фордыбачили по грязи.*

5. Актуализация при толковании значения случайных фонетических созвучий: *менеджер по продаже автомобилей «форд» отфордыбачил за одни сутки десять машин.*

Таким образом, экспериментальные данные подтверждают гипотезу о том, что восприятие звуко-символической экспрессемы опирается на фонетическое значение звуковой оболочки. Экспрессивная звуковая оболочка слова определяет его эмоционально-оценочное восприятие, является маркером экспрессивности.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронин С.В.* Основы фоносемантики: монография. – Л., 1982.
- Гридина Т.А.* Проблемы изучения народной этимологии: пособие к спецкурсу. – Свердловск, 1989.
- Гридина Т.А.* Этносоциокультурный контекст ономастической игры // Политическая лингвистика. 2011. № 1. С. 219–223.
- Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество: монография. – Екатеринбург, 1996.
- Гридина Т.А.* Языковая игра в художественном тексте: монография. – Екатеринбург, 2013.
- Журавлев А.П.* Фонетическое значение: монография. – Л., 1974.
- Журавлев А.П.* Звук и смысл. – М., 1991.
- Матвеева Т.В.* Лексическая экспрессивность в языке: учебное пособие. – Свердловск, 1986.

СЛОВАРИ

- Бирix А.К.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов. – М., 2005.
- Лопатин В.В., Лопатина Л.Е.* Русский толковый словарь. – М., 2006.
- Словарь русского языка:* в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1999.
- Словарь русских народных говоров* / под ред. Ф.П. Филина. Т. III. – Ленинград, 1986.
- Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика* / под ред. Г.Н. Складчиковой. – М., 2006.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Тт. I, IV. – 4-е изд., стер. – М., 2007.

© Ваулина И.А., 2013

М.Б. ВОРОШИЛОВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

К.В. ЗЛОКАЗОВ

*(Уральский юридический институт МВД России,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 81'23
ББК Ш100.4

РУССКОЕ ЛОТО 18 ИЗ 1488: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОЙ ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ¹

Аннотация. В статье представлен опыт комплексного психолого-лингвистического исследования креолизованного текста (видеотекста) с целью его идентификации как текста экстремистского.

Ключевые слова: экстремизм; экстремистские материалы; деструктивность; креолизованный текст.

В 2011 году по запросу Центра противодействия экстремизму ГУ МВД России по Свердловской области нами было проведено комплексное психолого-лингвистическое исследование видеотекста «Русское лото 18 из 1488» с целью установления характера информации и выявления признаков, направленных на возбуждение национальной, расовой ненависти и вражды, унижение национального достоинства.

Решение провести комплексное исследование было обусловлено целым рядом причин. Во-первых, именно комплексные исследования позволяют избежать одностороннего и необъективного изучения свойств представленных материалов. Во-вторых, проведение комплексного исследования позволяет расширить предмет экспертизы. Так, например, используя традиционный инструментарий, лингвист, как правило, может ответить только на вопрос, «о чем анализируемый текст», но не о том, как данный текст воспринимается адресатом и в какой сте-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект 12-04-00175а «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность».

пени воздействует на его сознание: эти вопросы относятся к компетенции психолога. Кроме того, перлокутивный эффект нередко достигается за счет манипулятивных приемов социально-психологического воздействия, также «ускользающих» от лингвиста в силу специфики его профессии. В практике современной экспертизы текстов существуют подходы, позволяющие оценить наличие признаков экстремистского призыва – например, формирование ксенофобической установки [Ратинов и др. 2005: 63–83].

Исследование осуществляется в два этапа. На первом этапе мы проводим «языковую инвентаризацию текста», используя классический лингвистический инструментарий, выделяем «экстремистские знаки», например, этнонимы, инвективы и др.

Так как материал для исследования представляет собой креолизованный текст (то есть текст, сочетающий как языковые единицы, так и единицы иных знаковых систем, в нашем случае – аудиальные и визуальные знаки), то в рамках лингвистического исследования будут также выделены визуальные «экстремистские знаки», а именно нацистская атрибутика или символика, а также атрибутика или символика, сходная с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения.

На втором этапе исследования проводится оценка воздействующего потенциала текста путем контент-анализа видеотекста, сопровождаемого психологической диагностикой процессов, состояний и свойств психики субъекта и анализом его психофизиологического состояния в процессе просмотра видеотекста [Ворошилова, Злоказов 2011].

Итак, на начальном этапе было проанализировано название видеотекста («Русское лото 18 из 1488»), которое является стимулом к выбору ролика и толчком к его восприятию, ключом к его интерпретации.

В названии использован традиционный для экстремистского дискурса цифровой символ: 14/88, который в современном обществе чаще трактуется следующим образом.

Число 14 означает четырнадцать слов неонацистского идеолога Дэвида Лэйна: «We must secure the existence of our people

and a future for White children» (в переводе с английского: «Мы должны защитить само существование нашего народа и будущее для белых детей»). Число 88 предположительно является закодированным приветствием «Neil Hitler!» («Хайль Гитлер!»), поскольку буква «Н» стоит в латинском алфавите восьмой, и в то же время означает 88 заповедей Дэвида Лэйна.

Итак, уже в названии текста отмечены так называемые экстремистские знаки, которые в определенных условиях могут служить материалом для пропаганды и публичной демонстрации нацистской атрибутики или символики, а также атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, что в соответствии с УК РФ является одним из видов экстремистской деятельности.

Но важно, что и сам текст целиком выполняет роль именно такого «экстремистского» знака. Текст «Русское лото 18 из 1488» создан под именем известной общественной организации «Формат 18» (о чем свидетельствует заставка) и озвучен лидером данной организации Марцинкевичем Максимом, известным как Тесак. Тот факт, что общественная организация «Формат 18» была запрещена в сентябре 2010 года за экстремизм, а ее лидер дважды был осужден по статье 282.2 УК РФ, позволяет трактовать обращение к ней и публичную трансляцию ее произведений как один из приемов пропаганды экстремистской деятельности.

Итак, полученные результаты позволяют определить дискурс (социально-культурный контекст), в котором данные ролики создавались и прочитываются, как экстремистский.

На следующем этапе исследования был определен основной посыл текста, который, бесспорно, несет сильный агрессивный заряд, о чем свидетельствуют сцены массового избиения, повторяющиеся изображения людей с оружием (топор, электропила). Таким образом, визуальный ряд данного креолизованного текста выполняет функцию угрозы, выражает агрессивно-прагматический потенциал текста. Объект же агрессии представлен на вербальном уровне экспрессивным этнонимом (термин А.И. Грищенко) «чурка», который не входит в литературный русский язык и имеет жаргонное происхождение.

Этнонимы представляют собой «уничижительные номинации лиц другой национальности, отражают нетерпимость говорящих, тяготеющую над ними власть предрассудков, суеверий, этнокультурных стереотипов» [Грищенко и др. 2006: 175–187] и зачастую обладают яркой эмоциональной оценкой, причем исключительно отрицательной.

См. значение этнонима в Словаре русского арго [Елистратов 2000]:

ЧУРКА, -и, м. и ж. (или чурка с глазами, чурка с ушами, чурка неговорящая и т.п.). 1. Глупый, тупой человек. 2. Житель Кавказа, Закавказья и Средней Азии.

Общепотр. «чурка» – короткий обрубок дерева; Возм. через уг. или *арм.* (о военнослужащих из азиатских республик).

Экспрессивные этнонимы являются эффективным средством выражения общей идеологической установки текста: они не только создают его агрессивно-прагматический потенциал, являясь классическим инструментом возбуждения ненависти и вражды, но и становятся орудием унижения национального достоинства.

Для решения поставленных вопросов психологическое исследование проводилось путем контент-анализа видеофрагментов, психологической диагностики процессов, состояний и свойств психики субъекта и анализа состояния субъектов в процессе просмотра видеофрагментов.

По результатам проведенного нами контент-анализа отметим, что в видеотексте «Русское Лото 18 из 1488» испытуемые наблюдают сцены насилия, представленные в форме избияния одного лица группой лиц (00:28–00:34; 00:40–00:46; 00:56–00:58; 1:15–1:20). В ряде зарубежных экспериментов [Anderson 2003: 81–110] утверждается, что просмотр видеофрагментов с демонстрацией насилия способствует росту агрессивно-насильственных реакций у просматривающих субъектов.

Изучение проблем формирования агрессивного и насильственного поведения опирается на теоретические положения бихевиористического направления в психологии [Бэрн, Ричардсон 1997: 48–49], в частности, на исследования А. Бандуры, Д. Долларда, Б. Скинера, показывающих, что вероятность

повторения агрессивных действий людьми тем выше, чем шире диапазон способов усвоения этих действий, факторов, провоцирующих появление насильственных действий и условий, при которых агрессивные реакции закрепляются. Важным аспектом усвоения агрессивных реакций выступают факторы, регулирующие агрессивное поведение (сохраняющие, усиливающие, контролирующие его). В качестве механизмов контроля могут выступать формы поощрения (общественное одобрение или порицание, наблюдение за ситуациями, в которых поощряют агрессивных лиц, вознаграждают их либо наказывают).

Также контент-анализ, проведенный нами, показывает, что в видеофрагменте «Русское Лото 18 из 1488» демонстрация насильственных действий не заканчивается их порицанием, соответственно в видеофрагменте не выражены механизмы контроля за агрессивными реакциями, что способствует формированию агрессивных форм поведения путем vicarious learning у лиц, просматривающих их.

Осуществленный нами ранее эксперимент показал, что с психофизиологической точки зрения просмотр подобных видеофрагментов сопровождается вегетососудистыми реакциями и изменениями в ЭЭГ активности мозга, характерными для стресса [Злоказов 2011: 210–216]. Зритель в процессе просмотра переживает эмоции страха, которые оказывают влияние на восприятие информации.

Далее нами было отмечено, что в представленном видеофрагменте «Русское Лото 18 из 1488» показаны формы насильственных действий как одного субъекта (единичные: удары ногой, рукой; комплексные: использование поручней в метро для опоры и ударов ногами), так и действия группы нападающих (в том числе и согласованные).

Особо отметим, что агрессивно-насильственные действия осуществляются малой группой, без выраженных идентификационных признаков – лица нападающих скрыты от наблюдаемого, что облегчает процесс идентификации лица просматривающего видеофрагменты с агрессорами, осуществляющими насильственные действия при обозначенном (с заранее определенными половыми, социальными и проч. признаками) объекте

агрессивных действий. З. Фрейд указывал, что идентификация – механизм психологической защиты, обеспечивающий снижение тревоги (страха) за счет воплощения себя в качестве агрессора [Фрейд 1992: 91–148]. Таким образом, одной из форм подкрепления агрессивного поведения является отождествление с лицами, осуществляющими насильственные действия, получившее название «Стокгольмский синдром».

На следующем этапе с целью уточнения особенностей восприятия видеофрагментов было организовано эмпирическое исследование. С целью объективного изучения влияния видеофрагментов была сформирована выборочная совокупность (всего 48 человек), состоящая из 42 мужчин в возрасте от 18 до 20 лет и 6 девушек в возрасте от 18 до 20 лет. Одним из условий успешной идентификации зрителей с действующими лицами видеофрагментов выступает общность половых, возрастных, социальных признаков зрителей и фигурирующих в видеофрагменте лиц. Поэтому возраст, пол и социальный статус выборки подбирались с учетом представленного в видеофрагментах, что, помимо облегчения процесса идентификации, создавало предпосылки для дополнительной активизации восприятия испытуемых.

В процессе исследования испытуемым был представлен видеотекст, просмотр видеофрагментов осуществлялся на персональном компьютере – с помощью стандартного приложения для просмотра видеофрагментов в операционной системе Windows – Windows media player. После просмотра видеотекста испытуемый заполнял анкету, выполненную по типу стандартизованного самоотчета. Полученные в ходе анкетирования данные вводились в таблицу Excel для дальнейшей математико-статистической обработки. Обработка результатов проводилась с помощью пакета математико-статистических программ Statistica for Windows 6.0.

Таким образом, в ходе обследования группы испытуемых были получены данные объективных самоотчетов после просмотра видеотекста, что позволило определить особенности влияния представленного материала на психические процессы и состояния испытуемых.

Исследование проводилось в соответствии с принятыми методиками производства психодиагностического анализа процессов, состояний и свойств психики.

Процесс исследования заключался в следующем. После просмотра каждого из видеофрагментов испытуемый отвечал на вопросы анкеты (см табл. 1.), включающей в себя как открытые, так и закрытые вопросы, направленные на оценку эмоционального состояния в связи с просмотром видеофрагмента, краткой интерпретацией увиденного («Что вы увидели в представленном ролике? Кратко опишите»), субъективной интерпретацией смысла видеофрагмента испытуемым («Какие идеи, по вашему мнению содержатся в данном видеофрагменте? Кратко опишите»), присвоением (ассимиляцией) опыта, представленного в видеофрагменте («После просмотра этого видеофрагмента вы будете использовать, что либо из увиденного?»), социальную оценку испытуемым видеофрагмента («Есть ли основания поступать и действовать так же, как это делают главные герои?»).

Таблица 1

**Структура анкеты-самоотчета
для оценки видеотекста**

Пункты самоотчета	Индикатор
Оцените свое настроение до просмотра видеофрагмента и после просмотра (в связи с ним).	Анализ эмоционального состояния
Что вы увидели в представленном ролике? Кратко опишите.	Восприятие видеотекста
Что вы поняли из просмотренного видеофрагмента? Кратко опишите.	Представление о смысле видеотекста
Какие идеи, по вашему мнению, содержатся в данном видеофрагменте? Кратко опишите.	Субъективная интерпретация видеотекста
Просмотрев видеофрагмент, выразите ваше мнение по поводу его основных идей.	Субъективная интерпретация видеотекста

После просмотра этого видеотрегмента вы будете использовать что-либо из увиденного в дальнейшем (идеи, мысли, действия, способы, приемы)?	Ассимиляция опыта
Если бы вы могли повлиять на ход событий в видеотрегменте, что бы вы выбрали?	Репрезентация опыта и стратегия поведения
Оказавшись в похожей ситуации, на месте главных героев, что вы будете делать?	Репрезентация опыта и стратегия поведения
Дайте оценку происходящему в видеотексте.	Субъективная оценка видеотекста
Есть ли основания поступать и действовать так же, как это делают главные герои?	Субъективная оценка видеотекста
Полезным ли был просмотренный видеотекст для вас? Кратко опишите.	Субъективная оценка видеотекста

Для оценки ответов испытуемых был проведен их контент-анализ, в результате которого были сформированы критерии оценки, представленные в виде модифицированной нами шкалы Лайкерта (см. табл. 2).

Таблица 2

Интерпретация ответов испытуемых

Что вы увидели в представленном ролике? Что вы поняли из просмотренного видеотекста? Какие идеи, по вашему мнению, содержатся в данном видеотексте?								
	Видеотекст не понят	Содержание передается поверхностно, искажено, приводится с ошибками	Содержание видео передано частично, представлены основные его признаки				Передано полностью, с опорой на детали, обстоятельства, особенности.	
Баллы	0	1	2	3	4	5	6	7

Дайте оценку происходящему в видеотексте Есть ли основания поступать и действовать так же, как это делают главные герои? Полезным ли был видеотекст для вас?								
	Видео- текст не понят	Отрицание	Частичное отрицание			Частич- ное при- ятие	Полное приня- тие	
Бал- лы	0	1	2	3	4	5	6	7
	Варианты высказываний испытуемых							
В целом, по всем видео- фраг- мен- там	«Бред», «Ни- чего не по- нял».	Нет, ужасно, ведь такие люди есть и в обще- стве. Очень жестоко, их самих убивать надо.	нельзя. Сожа- ление, страх, отчая- ние. Ско- рее нет, беспо- лезен.	Про- стой разго- вор, оцен- ки нет. Был беспо- лезен.	Ино- гда есть.	Инте- ресно Нор- маль- но. Мно- гое узнал.	Да. Очень гра- мотно сделан план. Я счи- таю это пра- виль- ным.	

Данная шкала использовалась при математической обработке заполненных испытуемыми анкет. Отметим, что оценка испытуемыми своего эмоционального состояния неоднородна и в значительной степени определяется содержанием видеотекста. Так, при просмотре фрагментов, содержащих сцены насилия, занимающих большую часть по продолжительности и объему изображения, оценка испытуемыми своего эмоционального состояния характеризуется как «настроение незначительно улучшилось» (ср. знач. – 2,5, при $\sigma = 0,4-0,6$).

Оценка содержания видефрагмента «Русское Лото 18 из 1488» испытуемыми проводится преимущественно точно («Скины развлекаются», «Драки скинхедов» «Бьют черных», «Избиение») (ср. знач. – 4,2 при $\sigma = 0,3$), с использованием указаний на принадлежность лиц, осуществляющих насилие, к определенным социальным группам («запись нацистов», «скин-

хеды бьют человека», «скины тролят кавказцев») и лиц, подвергающихся нападению («нерусские», «черные»).

Оценка представлений субъекта и стратегий поведения в ситуации, аналогичной просматриваемому видеотексту, у испытуемых осуществлялась следующим образом. Испытуемый оценивал характер собственных действий в случае позитивного принятия (*Активное участие, действие наравне со всеми, пассивное присутствие*); в случае отрицания (*Остановиться, отойти в сторону, убежать*). Наравне с этим оценивались действия испытуемого в аспекте его социальной роли – как члена общества – в виде стратегии защиты (не вмешиваться, звать на помощь, защищать) и стратегии коммуникативной (опровергать, не разговаривать, соглашаться).

При просмотре видео с демонстрацией актов насилия ««Русское Лото 18 из 1488» испытуемые, в ситуации, описываемой в видеотексте, выбирают стратегию защиты лица, которого бьют. Оценивая собственное поведение в реальной жизненной ситуации, поставив себя на место главных героев, испытуемые выбирают стратегию бегства (ср. знач. – 2,47, при $\sigma = 0,31$), а с позиции социальной (общественной) роли – стратегию «не вмешиваться» (ср. знач. – 1,76, при $\sigma = 0,4$).

Рассматривая собственные действия в ситуации, которая может произойти в жизни, испытуемые избирают стратегию бегства (ср. знач. – 2,98, при $\sigma = 0,04$). С позиции социальной роли преимущественной стратегией является «Не вмешиваться» (ср. знач. – 1,81, при $\sigma = 0,35$), на коммуникативном уровне – характеризуется стратегией «Соглашаться» (ср. знач. – 2,58, при $\sigma = 0,34$).

Отрицательное отношение испытуемые высказывают по отношению к видеотексту («Русское Лото 18 из 1488.flv») (ср. знач. – 1,43, при $\sigma = 1,12$), что свидетельствует о процессе дифференциации содержания фрагментов в просоциальной ценностно-смысловой системе сферы сознания испытуемых. Испытуемые с высокой степенью согласованности ответов производят оценку материалов, в то же время оценка полезности просмотренных видеофрагментов показывает ассимиляцию информации на уровне частичного принятия видеофрагментов, в том

числе содержащих элементы насилия «Русское Лото 18 из 1488» (ср. знач. – 2,75, при $\sigma = 1,05$). Таким образом, формируется негативная когнитивная и эмоциональная установка по отношению к персонажам видеотекста.

Таким образом, просмотр видеофрагментов сопровождается активным восприятием и интерпретацией испытуемыми содержания видеофрагментов. При просмотре испытуемыми отмечается рост негативных (астенических) эмоциональных состояний, частичное принятие демонстрируемых в видеотексте моделей поведения.

Итак, проведенное исследование позволяет дать следующее заключение по данному тексту.

Видеотекст «Русское Лото 18 из 1488» имеет следующие признаки, позволяющие идентифицировать его как текст экстремистский.

Во-первых, в ходе анализа были выявлены примеры обращения к нацистской атрибутике или символике во всех представленных материалах, а также к атрибутике или символике, сходной с нацистской атрибутикой или символикой до степени смещения, а именно символике молодежных неонацистских течений, в том числе Формат 18.

Во-вторых, в представленном материале содержится информация, направленная на возбуждение ненависти либо вражды по отношению к какой-либо расе, нации, религии, социальной группе или отдельным лицам как ее представителям. Данная информация выражена как приемами формирования негативного стереотипа, так и косвенными угрозами.

В-третьих, в тексте «Русское лото 18 из 1488» содержатся элементы, унижающие достоинство человека либо группы лиц по признакам расы, национальности, происхождения: обращенные как к лицам кавказской национальности, так и напрямую к их религиозным чувствам.

В-четвертых, были выявлены элементы, оказывающие при их просмотре психологическое воздействие, они представлены в виде конкретных моделей поведения персонажей видеотекста. Данные модели поведения воспринимаются в процессе просмотра соответствующего видеофрагмента и актуализируются в

ходе последующей интерпретации содержания лицами, просматривающими его. В связи с просмотром видеофрагмента «Русское Лото 18 из 1488» у испытуемых отмечается проявление негативных (астенических) эмоциональных состояний, частичное принятие демонстрируемых в видеофрагментах моделей поведения – как полезных, имеющих ценность в обыденном поведении.

ЛИТЕРАТУРА

Anderson C.A., Berkowitz L., Donnerstein E., Huesmann L.R., Johnson J.D., Linz D., Malamuth N.M, Wartella E. The influence of media violence on youth // [Peer Reviewed Journal]. *Psychological Science in the Public Interest*. 2003. Vol 4 (3), Dec. 2003. P. 81–110.

Factors Influencing the Development of the Hostage Identification Syndrome Author(s) / James T. Turner Source // *Political Psychology*. 1985. Vol. 6, No. 4 (Dec.). P. 705–711.

Media violence and the American public: Scientific facts versus media misinformation. By Bushman, Brad J.; Anderson, Craig A. *American Psychologist*, Vol 56(6-7), Jun-Jul 2001. P. 477–489

Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А. Как слово наше отзовется? // *Российская юстиция*. 1998. № 4–7.

Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. – СПб., 2001.

Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб., 1997.

Ворошилова М.Б., Злоказов К.В. Комплексное психолого-лингвистическое исследование креолизованного текста: методы психологического исследования // *Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф.* / отв. ред. В.Ю. Меликян. – Ростов н/Д, 2011. С. 83–89.

Грищенко А.И., Николина Н.А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // *Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: коллективная монография* / Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. – Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. – Екатеринбург, 2006. С. 175–187.

Елистратов В.С. Словарь русского арго: Материалы 1980–1990 гг. – М., 2000.

Злоказов К.В. Анализ особенностей восприятия креолизованного текста деструктивно-экстремистской направленности // *Политическая лингвистика*. 2011. № 3. С. 210–216.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М., 2000.

Кроз М.В., Ратинова Н.А. Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. – М., 2005.

О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности // Постановление пленума Верховного суда РФ №11 от 28 июня 2011 года.

Осадчий М.А. Использование лингвистических познаний в расследовании преступлений, предусмотренных статьей 282 Уголовного кодекса РФ // Право и безопасность. Номер 3-4 (24-25), Декабрь 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dpr.ru/pravo/pravo_21_17.htm (дата обращения 20.11.2012).

Оселков А.А. Содержание судебно-психологического экспертного исследования проявлений экстремистской направленности // Народы России: историко-психологические аспекты межэтнических и межконфессиональных отношений: материалы 15 междунар. конф., Санкт-Петербург, 12-13 мая 2009 года / под ред. д-ра ист. наук., проф. С.Н. Полторака. – СПб, 2009. С. 64–68.

Основы психофизиологии: учебник / отв. ред. Ю.И. Александров. – М., 1997.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. N 11 г. Москва «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

Ратинов А.Р., Коньшева Л.П., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Психолого-правовая оценка враждебной направленности материалов СМИ и публичных выступлений // Юридическая психология: сб. науч. тр. / под ред. Г.Х. Ефремовой, О.Д. Ситковской. – М., 2005. Вып. 3. Ч. 1. С. 63–83.

Рекомендации об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды (Утверждены заместителем Генерального прокурора РФ М.Б. Катышевым, 26.06.99)

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб., 1998.

Уголовный кодекс Российской Федерации = УК РФ. Ст. 282. – URL: <http://www.ukru.ru/code/10/282/>.

Фрейд З. Автобиография // По ту сторону принципа удовольствия. – М., 1992. С. 91–148.

Фридман Л.М. Наглядность и моделирование в обучении. – М., 1984. – (Новое в жизни, науке, технике. Сер.: Педагогика и психология; № 6).

Цена слова: из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М.В. Горбаневского. – М., 2001.

Шипшин С.С. Судебно-психологическая экспертиза. Методическое руководство. 2-е изд. испр. и доп. – Калуга; Обнинск; Москва, 1997.

© Ворошилова М.Б., Злоказов К.В., 2013

Т.В. ГОГОЛИНА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

Е.С. ИБРАИМОВА

(МБОУ СОШ № 146, г. Екатеринбург, Россия)

УДК 81'367
ББК Ш141.2-22

МОДЕЛИ ПОСТРОЕНИЯ КОММУНИКЕМ СО ЗНАЧЕНИЕМ СОМНИТЕЛЬНОСТИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее частотные модели построения коммуникем со значением сомнительности, выявленные экспериментальным путём. Коммуникемы с данным значением при развертывании их до членимых предложений трансформируются по тема-рематической модели, при этом сама коммуникема содержит рему.

Ключевые слова: коммуникема, сомнительность, психолингвистический эксперимент, актуальное членение предложения.

Предметом нашего рассмотрения являются модели построения коммуникем со значением сомнительности. Под **коммуникемой** мы, вслед за В.Ю. Меликяном, понимаем «коммуникативную непредикативную единицу синтаксиса, представляющую собой слово или сочетание слов, грамматически нечленимую, характеризующуюся наличием модусной пропозиции, нерасчленённо выражающую определённое непонятное смысловое содержание, не воспроизводящую структурных схем предложения и не являющуюся их регулярной реализацией, лексически непроницаемую и нераспространяемую, по особым правилам сочетающуюся с другими высказываниями в тексте и выполняющую в тексте реактивную, волюнтаривную, эмоционально-оценочную, эстетическую и информативную функции» [Меликян 2001: 80].

В.Ю. Меликян отмечает, что «все коммуникемы строятся по вполне определенным моделям, в основе которых лежат конкретные языковые принципы. Первым шагом на пути установ-

ления модели построения коммуникемы является определение ее «производящей основы», т.е. той синтаксической конструкции, к которой эта модель применяется. Помогает это сделать прием экспериментального гипотетического достраивания» [Меликян 1999: 34]. Коммуникема – свернутый представитель членимого предложения, поэтому вместо всего членимого предложения в качестве реплики-реакции используется лишь отдельный его компонент, который может быть как словом или сочетанием слов, так и предложением (самостоятельным или являющимся частью другого, сложного предложения). Этот выбираемый компонент должен играть роль «ключа» для декодирования всей фразы слушающим и соответственно для кодирования говорящим. Правила вычленения такого «ключевого» компонента хорошо известны говорящим на данном языке. Такой компонент можно назвать маркером. Он должен характеризовать членимое высказывание, представляемое в речи, по двум параметрам: с точки зрения его коммуникативной цели (утверждение / отрицание; согласие / несогласие; подтверждение / опровержение) и с точки зрения его категориального значения (позитивности или негативности ответа: «да» или «нет») [Меликян 1999: 34].

Тот же В.Ю. Меликян в своей работе «Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения» определяет основные модели построения коммуникем:

1) **тема-рематическая модель**, базирующаяся на категории актуального членения предложения.

По рассмотренной модели коммуникемы могут строиться с помощью любого члена предложения, кроме подлежащего, которое чаще выступает в качестве темы высказывания. Использование предиката в этой роли наиболее частотно.

К разновидностям данных коммуникем относятся:

- имена существительные, предикативная функция которых обусловлена их номинативно-характеризующим значением: **Цирк!**, **Дурдом!**, **Чёрт!**, **Страх!**, **Жуть!**, **Конец!** и т.п. Например: – *А говоришь ты как? Ужас! Вместо квартира – фатера, вместо эвакуироваться – экуироваться, вместо как будто – кубыть...* («негат. оценка, недовольство, раздражение...»)

/М. Шолохов. Тихий Дон/. Ср.: *Бурмакин с ужасом заметил, что взятые им на прожиток в Москве деньги исчезли с изумительной быстротой* («с изумлением, негодованием, расстройством, досадой...») /М. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина/;

- «отглагольные» коммуникемы, образованные на основе вопросительных и побудительных синтаксических конструкций: – *Хочу к маме! – говорит опять Нина. – Ну, знаешь. Уж если за мамину юбку держаться... Мы не для того добровольно пошли в армию, чтобы хныкать...* («возмущение, порицание...») /Е. Ржевская. От дома до фронта/.

Сюда также относятся коммуникемы типа: *Подумайте!, Смотрите!, Помилуйте!, Ну, знаете!, Понимаешь!, Подумаешь!* и др.;

- коммуникемы, построенные на основе обстоятельственного члена предложения: – *Вы мне завяжите глаза чем-нибудь да уйдите от меня в лес. А я минут через пяток начну вас искать. – Ну и не найдешь. – А вот и найду. – Никогда! – Испытаем* («несогласие...») /В. Катаев. Сын полка/. Ср.: – *Ты поддержишь меня при обсуждении доклада? – Я тебя никогда в этом не поддержу* («обстоятельственное значение»);

- коммуникемы, построенные на основе дополнения: – *Вижу, вы привезли нам что-то приятное. – Не без того, – отвечает Федоров* («утверждение, согласие...») /В. Ардаматский. Возмездие/. Ср.: – *Ты всегда опаздываешь? – Без этого мне не удается обойтись. /Из разг. речи/.* В данном случае «ключевым» компонентом синтаксической структуры членимого высказывания является дополнение *без этого* в сочетании с отрицательной частицей *не*. Эксплицирование остальной части предложения оказывается уже избыточным, т.к. она выполняет функцию темы и представлена в реплике-стимуле;

- коммуникемы, сформированные на основе обращений: – *Мать родная, да ведь это парнишка!.. – Неужто ухлопали?..* («удивление, досада, огорчение...») /М. Шолохов. Нахалёнок/. Ср.: – *Мать родная! Ты когда ребенком начнешь серьезно заниматься? /Из разг. речи/.* В подобных случаях происходит сужение семантики от номинативно-характеризующей до эмо-

ционально-оценочной, что соответствует общему механизму формирования оценочных коммуникем и др.

2) **структурно-семантическая модель**, предполагающая построение коммуникемы на основе предложения или его части:

- коммуникемы, построенные на основе простого предложения. Например: – *Они тут были, сатрапы, обратно – недоимки еще царского времени взымали. Мыслимо ли?* («возмущение, негодование...») /С. Залыгин. Солёная падь/. Ср.: – *Мыслил (размышлял) ли кто-нибудь об этом деле, когда отбирал для такого серьёзного дела несмышлёнышей вроде моего Паики...* («думал ли кто об этом + неодобрение, возмущение, негодование...»);

- коммуникемы, построенные по модели сложного предложения: – *Да-с, анархия – мать порядка. Видал миндал! Вот она, превратность судьбы* («удивление, разочарование, сожаление...») /И. Кремлёв. Большевики/. Ср.: – *Брат отказался помогать. – Видал, какой он миндал? /Из разг. речи/. Из структуры СПП заимствуются наиболее значимые (рематические) компоненты, благодаря этому достаточно легко можно восстановить его полную схему (как логико-семантическую, так и морфологосинтаксическую) и др.*

3) **логико-семантическая модель**, базирующаяся на использовании определённой схемы, имеющей логическую основу, получающую своё выражение на семантическом уровне.

Построение коммуникем по логико-семантической модели принципиально отличается от тема-рематической схемы. На семантическом уровне оно представляет собой процесс обобщения, а точнее, сужения значения синтаксической конструкции с понятийным значением до категориальной семы – «утверждения» или «отрицания» – базовых значений коммуникем: – *Сейчас же отдай мою книгу! – А морда не треснет?!* («отрицание, несогласие...»; «не отдам»; «много хочешь» и т.п.). Логико-семантическая модель предполагает переосмысление прямого значения высказывания на значение «отрицания»: – *Верни рукопись! – А больше ничего не хочешь?* («нет») /Из разг. речи/. Ср.: – *Принеси воды! – А больше ничего не хочешь? – Нет, спасибо* (значение вопроса) и др.

4) **ассоциативная модель**, основанная на сочетании двух полнозначных единиц, которые связаны ассоциативными отношениями. Например: *Елки-палки!*, *Елки-зеленые!* и др.: – Эх, *елки-зеленые! Провалили дело, – сказал он. – Через нашу неорганизованность провалили. Нешто иначе упустили бы этих подлецов?* («досада, огорчение, возмущение...») /А. Адамов. Последний «бизнес»/ [Меликян 2004].

Коммуникемы строятся по вполне определенным моделям, в основе которых лежат конкретные языковые принципы; образование того или иного типа предложений-заместителей обусловлено частотностью их употребления, характером семантики лексических элементов, которые используются в этой функции, а также соотношением прямого значения такого предложения с содержанием контекста, которое может быть реальным и ирреальным. Коммуникема обычно состоит из одной ремы производящей конструкции, что обеспечивает ее связь с темой, находящейся в предшествующем высказывании.

Чтобы определить основные модели построения коммуникем со значением сомнительности, мы провели направленный ассоциативный эксперимент, позволивший нам также выяснить, как семантика коммуникемы трансформируется в сознании носителей языка и соотносится с определёнными типами их моделей.

Мы выдвинули следующую гипотезу: коммуникемы со значением сомнительности при развертывании их до членимых предложений трансформируются по тема-рематической модели, при этом коммуникема содержит рему.

Было выбрано две группы респондентов (по 20 человек в каждой): 1) студенты 3 курса химико-технологического института УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2) студенты 4 курса Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации УрГПУ, которые получили следующее задание: перестройте ответную реплику-реакцию в развернутое высказывание, сохранив при этом ее значение (данную реплику можно использовать в составе высказывания):

1) – *Ты правильно решил контрольную?*

– *Вряд ли.*

- 2) – *В какой аудитории у нас пары?*
– **Черт знает!**
- 3) – *В данном случае ты не прав?*
– **Сомневаюсь.**
- 4) – *Ты полностью согласен со мной?*
– **Ну...**
- 5) – *Правда, что пары не будет?*
– **Наверное.**

Мы выбрали для эксперимента коммуникемы, выраженные различными структурными образованиями (частицами, междометиями, вводными словами, фразеологизированными сочетаниями и др.) и передающие различные оттенки семантики сомнительности.

Обработка полученных реакций:

Коммуникема **вряд ли**

1) 38 из 40 респондентов трансформировали данную коммуникему, не используя ее в составе предложения: *Скорее всего нет, но время покажет. Я сомневаюсь, что решил контрольную правильно. Я решил контрольную, но считаю, что она решена не полностью правильно из-за недостатка моих знаний.*

Интересно то, что большинство респондентов трансформировало коммуникему в предложение, содержащее отрицательный ответ на заданный вопрос «Ты правильно решил контрольную?», и при ответе опирались на то, что не уверены в своих знаниях либо решили не все задания.

Двое трансформировали коммуникему, включив ее в составе высказывания: *Вряд ли я решил ее правильно. Большинство заданий я не смог решить, поэтому вряд ли.*

2) 22 из 28 респондентов трансформировали данную коммуникему, не включив ее в состав предложения: *Я не уверен, что решил все задания правильно. Сомневаюсь в правильности решения контрольной.*

Данные трансформации были довольно краткими и только констатировали сам факт того, что информанты с заданием не справились.

3) 6 человек из 28 использовали данную коммуникему в составе трансформации: *Вряд ли, потому что некоторые задания*

я плохо понял. Вряд ли я решил правильно контрольную. Я не уверен, вряд ли.

Коммуникема **черт знает**

1) все респонденты данной группы при трансформации данной коммуникемы не использовали ее в составе высказывания: *Я не знаю в какой аудитории у нас будут пары. Затрудняюсь ответить на данный вопрос. Я не знаю, мне это неинтересно в данный момент.*

В большинстве ответов идет отсылка к расписанию или деканату. Многие говорят о своей незаинтересованности в данном вопросе, о его неактуальности в данный момент. Эмоциональный оттенок, заложенный в данной коммуникеме, испытуемыми считан не был, и они дали нейтральные варианты ответов.

2) 7 респондентов из 28 использовали коммуникему в высказывании: *Черт знает, аудитория не указана. Черт знает в какой аудитории пары.*

Интересно то, что были использованы замены коммуникемы: вместо *черт знает* респонденты предложили варианты *Бог знает, Бог ведает*. Думаем, что это связано с личностным отношением к нечистой силе.

Остальные респонденты трансформировали коммуникему: *Понятия не имею, где будут пары. Мне неизвестно, где будут пары.*

Респонденты ИФКиМК считали экспрессивный оттенок, заложенный в коммуникеме, многие использовали и восклицательный знак в конце предложения, и грубые реплики: *Да не знаю я, где пары! Что ты привязался ко мне!*

Коммуникема **сомневаюсь**

1) 34 респондента из 40 не использовали данную коммуникему в составе ответного предложения: *Считаю, что данную ситуацию можно воспринимать по-разному, поэтому мое мнение имеет место быть. Может быть я не прав, но нет доказательств этого. Скорее всего, я прав.*

Некоторые респонденты не до конца считали значение коммуникемы и перенесли свое внимание в первую очередь на контекст: *Я считаю, что я прав. Я считаю обратное.*

6 респондентов из 40 использовали коммуникему в составе предложения: *Сомневаюсь, так как я очень хорошо разбираюсь в этой теме. Я сомневаюсь в своей правоте. Сомневаюсь в этом. Я считаю, что права и останусь при своем мнении.*

В данном случае при трансформировании коммуникемы использовались как тема-рематическая, так и структурно-семантическая модели.

2) 7 из 28 респондентов этой группы использовали коммуникему в составе предложения: *Может быть и прав, но все равно я сомневаюсь. Сомневаюсь, ибо я привел неоспоримые доказательства. Сомневаюсь, что я не прав.*

Остальные респонденты при трансформировании коммуникемы не использовали ее в составе предложения: *Думаешь? Вряд ли я не прав. Скорее всего, я прав в данном случае.*

Практически все участники этой группы считали значение коммуникемы и не переключили свое внимание на ситуацию, в рамках которой была предложена данная коммуникема.

Коммуникема **ну...**

1) 5 респондентов из 40 использовали данную коммуникему при трансформации: *Ну, даже и не знаю. Ну, вообще, не совсем согласен с твоими утверждениями. Ну, как сказать, в чем-то ты прав, но не во всем.*

Остальные респонденты не задействовали коммуникему в своих предложениях: *Извини меня, пожалуйста, но в данном случае я затрудняюсь ответить. Я не уверен в этом. Наверное, я не могу полностью согласиться с тобой.*

2) 11 респондентов из 28 использовали данную коммуникему в своих предложениях: *Ну, на твоём месте я бы не стал так категорично утверждать. Ну, вроде да, а может, и нет. Ну, как сказать, скорее всего, нет.*

Остальные респонденты не использовали коммуникему при трансформации предложений: *Я не совсем согласен с тобой. Как тебе сказать, ты в чем-то прав по-своему, у каждого своя правда. У меня есть сомнения в твоей правоте.*

Коммуникема **наверное**

1) 35 респондентов из 40 не использовали данную коммуникему в своих предложениях: *Я думаю, что такое не исключе-*

но. Скорее всего, пары не будет. Не знаю, возможно, не будет. Я не знаю, староста еще не звонил преподавателю.

Остальные 5 респондентов употребили данную коммуникему при трансформации: *Наверное, но я еще точно не знаю. Многие говорят, что преподаватель заболел, поэтому, наверно, не будет. Да нет, наверно.*

2) 24 респондента из 28 не использовали данную коммуникему в своих предложениях: *Я точно не знаю, не уверен в этом. Я сомневаюсь в правдивости слуха, что пары не будет. Говорят, правда, спроси в деканате.*

Остальные респонденты использовали эту коммуникему при трансформации: *Наверное, вчера об этом говорили. Наверно, скорее всего, не будет. Наверное, по крайней мере, слухи ходят, хотя расписание пока не изменили.*

Интересно то, что в предложенных вариантах очень часто респонденты ссылаются на недостоверность фактов, на необходимость для уточнения информации обращаться к старосте или в деканат, что свидетельствует об актуальности подобных ситуаций для говорящего.

В ходе эксперимента мы пришли к следующим выводам.

За коммуникемой в сознании носителей языка, действительно, стоит предложение или довольно развернутое высказывание, над синтаксическим планом преобладает семантический: *вряд ли = К преогромнейшему сожалению, я не совсем уверен в своих силах в данной контрольной работе, но думаю шансы есть. Сомневаюсь = В данном случае я бы не стал так резко заявлять о правильности или неправильности моих мыслей, ибо проблема может крыться в твоём недопонимании и другом восприятии.*

При развертывании коммуникемы большинство респондентов не включают ее в составе предложения, что свидетельствует о том, что для носителей языка важнее содержание, а не форма. Респонденты в первую очередь ориентировались на значение коммуникемы, а не на способ ее выражения. Хотя в ряде случаев респонденты ИФКиМК считывают не только содержание, но и форму, что объясняется, по нашему мнению, лингвистической подготовленностью испытуемых. Также они лучше улавливают

эмоциональные оттенки семантики коммуникем: ими часто предлагалось несколько вариантов перестроенной фразы, но при этом все варианты были максимально лаконичны. Студенты УрФУ давали более развернутые ответы, не только опираясь на значение коммуникем, но и расширяя его за счет включения контекстных мотивов.

При развертывании коммуникем заметно проявляются личностные смыслы, то, что актуально для говорящего, например, отсылка к авторитету, к конкретным фактам (*пары вроде в 275, спросить в деканате, у старосты*) и др.

Коммуникемы со значением сомнительности частотны в речи студентов, во многих ответах мы видим использование одной коммуникемы вместо другой, эквивалентной ей.

Гипотеза эксперимента полностью подтвердилась: среди моделей коммуникем с семантикой сомнительности преобладает тема-рематическая, т.к. коммуникемы чаще всего используются в диалоговых единствах, для которых характерно тема-рематическое членение, как ответные реплики, содержащие рему.

Употребление коммуникем соответствует принципу экономии речевых усилий. Благодаря краткости и в то же время содержательности и эмоциональности коммуникем, можно максимально сократить довольно обширное высказывание, что и продемонстрировал представленный в статье эксперимент.

ЛИТЕРАТУРА

Меликян В.Ю. Модели построения нечлененых предложений со значением утверждения/ отрицания // РЯШ. 1999. № 5.

Меликян В.Ю. Об основных типах нечлененых предложений в русском языке // Филологические науки. 2001. № 6.

Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечлененого предложения. – Ростов-на-Дону, 2004.

© Гоголина Т.В., Ибраимова Е.С., 2013

И.Н. МАКСИМОВА

(МАОУ СОШ №4 с углубленным изучением отдельных предметов,

г. Екатеринбург, Россия)

УДК 81'23+81'373.21

ББК Ш100.4

ИЗУЧЕНИЕ ОЙКОНИМОВ УРАЛА В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. Статья содержит описание психолингвистического эксперимента по выявлению восприятия ойконимов Урала современными диалектоносителями. Автором предложен один из возможных вариантов воссоздания фрагментов региональной языковой картины мира посредством анализа топонимической системы.

Ключевые слова: психолингвистический эксперимент, топоним, ойконим, топонимическая языковая картина мира, ментально-топонимические стереотипы.

До недавнего времени в лингвистике для изучения топонимов в основном применялся так называемый онтологический подход. При этом материалом исследования служили «исключительно массивы онимов, взятые сами по себе, вне их соотносительности с языковым узусом носителя» [Бельшева, Матюхина, Рут 1999: 25]. На самом деле, как верно отмечают Н.Д. Голев и Л.М. Дмитриева, «и возникновение, и само существование, и развитие топонимической системы не осуществляются без опосредования сознания» [Голев, Дмитриева 2008: 6]. Поэтому в последние десятилетия актуальным становятся антропоцентрический и психолингвистический подходы к языку и речи, в частности, к такому явлению, как ономастикон. Данное направление представлено в трудах Е.Л. Березович, Н.Д. Голева, М.В. Голомидовой, Л.М. Дмитриевой, И.С. Карабулатовой, М.Э. Рут и др.

При помощи психолингвистических методов исследования выясняется, какое отражение находят наименования географических объектов в сознании носителей языка. Изучение топонимии региона в психолингвистическом аспекте, предполагая взаимодействие языка и индивида, выявляет характер восприя-

тия топонимической подсистемы как части языковой картины мира, связанной с членением окружающего «ландшафта», выделением в нем отдельных объектов в связи с их практической и концептуальной значимостью для носителя определенной лингвокультуры.

Настоящая статья представляет результаты психолингвистического анализа восприятия ойконимов Урала современными диалектоносителями. Материалом исследования послужили названия населенных пунктов Нижнесергинского района Свердловской области и пограничной с ним территории. Интерпретации подвергались вербальные реакции на ойконимы, полученные в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента, а также записанные со слов жителей указанного региона «пояснения» ойконимических номинаций, устанавливающие их связь с историей возникновения или с конкретными свойствами объекта.

Гипотеза эксперимента основывалась на том предположении, что для современных носителей языка топоним во многом является немотивированным номинативным знаком, выполняющим свою главную функцию – фиксацию объекта в пространстве. В выдвижении данной гипотезы мы опираемся на исследования М.Э. Рут, которая, сопоставляя функционирование трех классов собственных имен – астронимов, антропонимов и топонимов, отмечает, что последние «в наибольшей степени склонны к превращению в условные номинативные знаки». По ее мнению, эта тенденция объясняется рядом факторов: «довольно ощутимой изменчивостью очертаний земельных угодий и береговых линий озер, тенденцией к закреплению имени владельца в названии земельных участков и потребностью выразить в названии существенные для землепользования признаки» [Рут 2008: 111].

Основываясь на нашем материале, считаем возможным выделить еще некоторые факторы, способствующие превращению топонимов в условные номинативные знаки. Во-первых, это изменение природной среды региона – обмеление и исчезновение ручьев и небольших рек, уменьшение численности животных и растений. Например, в окрестностях деревни *Ольховка*, полу-

чившей название от одноименного оронима, где произрастало большое количество ольхи, в настоящее время данный вид дерева встречается редко, в основном по берегам рек. На территории, окружающей поселок *Рябчиково*, птица рябчик практически не водится. Возле деревни *Черемша* когда-то существовали заросли дикого чеснока, теперь данное растение произрастает в небольших количествах. Во-вторых, обозначенное выше языковое явление объясняет и такой факт, как изменения социально-экономической жизни района – сокращение объемов производства, а в некоторых местах и исчезновение таких отраслей, как производство сельскохозяйственной и промышленной продукции, лесозаготовка. К примеру, поташные заводы, давшие название селу *Поташка*, существовали до начала XX века. В окрестностях деревни *Овиновка* давно не занимаются постройкой овинов.

Таким образом, все перечисленные выше факторы способствуют забвению внутренней формы топонима и могут являться причиной «народной» (ложной) этимологии. Это делает актуальным обращение к экспериментальной верификации восприятия ойконимов на основе показаний языкового сознания жителей соответствующего региона. В нашем случае респондентами выступили жители населенных пунктов Нижнесергинского района Свердловской области и пограничной с ним территории.

В связи с тем, что аборигенами края были нерусские этносы (манси, татары, башкиры), около 30% ойконимов Нижнесергинского района имеют тюркское происхождение (данный факт учитывался при отборе стимульного материала для применения процедуры свободного ассоциирования), одним из основополагающих факторов при формировании экспериментальной выборки стала национальная принадлежность испытуемых: в качестве респондентов выступили 13 русских и 13 представителей башкиров и татар. Также при отборе испытуемых учитывались длительность их постоянного проживания на территории Нижнесергинского района и соответственно ориентация респондентов в топонимическом пространстве, его «включенность» в топонимическую ситуацию; учитывался и возраст респондента, поскольку «картина мира как содержание действующего созна-

ния строится человеком в течение всей его жизни» [Блох 2011: 114]. При отборе материала для проведения эксперимента принимались во внимание такие факторы, как русское или иноязычное происхождение топонимов (ойконимов) и их мотивированность свойствами объектов. С учетом требования сбалансированности по определенному признаку среди набора стимульных ойконимов были примерно в равном количестве представлены мотивированные и немотивированные номинации.

При проведении свободного ассоциативного эксперимента испытуемым выдавался лист с перечнем слов-стимулов, расположенных в случайном порядке. Респонденты получали следующую инструкцию: «*Напишите первые пришедшие в голову слова на каждое из названий населенных пунктов Нижнесергинского района*».

Ассоциации, полученные на предъявленные стимулы, резко отличаются в количественном отношении (по этому признаку выделяются две группы ойконимов – с большим и значительно меньшим числом реакций в составе ассоциативного поля).

Первую группу составили всего 6 названий из 18: Михайловск, Ольховка, Рябчиково, Соколята, Солдатка, Черемша. Эти топонимические номинации имеют прозрачную внутреннюю форму, которая легко соотносится в сознании современных диалектоносителей с реалиями, окружающими их в повседневной жизни.

Ассоциативное ядро и ближнюю периферию ойконимов представленной группы составляют реакции, лексически соотносимые с внутренней формой слов-стимулов. При этом ассоциативные пары отражают парадигматические связи, в частности, родовидовые отношения, в которые испытуемые включают мотиватор ойконима: *Михайловск* – фамилия (ср. Михайлов), *Ольховка* – дерево (ср. ольха), *Рябчиково* – птица (ср. рябчик), *Соколята* – птица (ср. сокол), *Черемша* – трава, а также синонимические отношения: *Солдатка* – воин.

Следует отметить, что в данных ассоциативных полях присутствуют и слова-реакции, отражающие топонимическую принадлежность слов-стимулов: Михайловск – городок, завод, поселок; Ольховка – деревня; Рябчиково – деревня; Солдатка – го-

род, воинская часть. Однако расположены данные реакции в зоне дальней периферии ассоциативного поля.

Обратная ситуация наблюдается в группе ойконимов (в том числе нерусского происхождения), которые дали наименьшее количество реакций. В большинстве ассоциативных полей данной группы ассоциативное ядро и ближнюю периферию составляют слова, называющие тип населенного пункта: *Акбаш* – деревня; *Артя-Шигири* – деревня; *Возулка* – старая деревня; *Киргишаны* – деревня, село; *Контуганово* – деревня; *Накоряково* – деревня, село; *Новая Ельня* – деревня; *Овиновка* – старая деревня; *Перескачка* – станция, узловой перегон железной дороги; *Талица* – деревня. При этом большинство испытуемых не смогли дать вербальные ассоциации на предложенные слова-стимулы, что можно объяснить неясной внутренней формой как иноязычных названий (ойконимов тюркского происхождения и языка манси), так и слов, связанных с хозяйственными реалиями прошлого, не имеющими для современного носителя языка актуального значения. Как видим, вторая группа ойконимов, которые в качестве слов-стимулов получили в основном «нулевой» характер реагирования, включает в себя большее количество названий, чем первая группа.

Данные результаты подтвердили выдвинутую нами гипотезу о том, что для современных диалектоносителей топоним во многом является немотивированным номинативным знаком. Таким образом, можно утверждать, что, выступая в качестве знаков-ориентиров, ойконимы чаще всего фиксируют в сознании человека лишь отражение географической действительности.

Помимо этого, результаты свободного ассоциативного эксперимента позволяют сделать ещё ряд важных наблюдений.

В связи с отмеченной выше тенденцией превращения ойконимов в немотивированные номинатемы для использующих географическое название диалектоносителей начальная семантика ойконима не всегда соответствует реальной. Так, если испытуемые среднего и старшего возраста объясняют происхождение топонима *Овиновка* в соответствии с известным им значением мотивирующего ойконим слова («Колхозные сушилки», «Рядом были склады-сушильни для зерновых», «Место, где су-

шили зерно»), то представители молодого поколения предлагают трактовку, основанную на ложноэтимологических ассоциациях формального типа. Ср. слова-реакции – «овин-овца»: «Место разведения овец», «Место для разведения домашнего скота».

На стимул *Вогулка* ряд испытуемых дают реакции: *вогул, вогулы народ, народность вогулы, народ, народность* – и этимологически верно объясняют происхождение ойконима: «Поселение вогулов», «Название от народов манси», «На основании названия народности», «Давно жили вогулы», «В честь вогулов, народность». Но встречается и объяснение происхождения названия, основанное на формально-фонетических связях слова-стимула и слова-реакции – «Вогулка-гулять»: «Там любят гулять рыбаки. От слова гулять», «Рыболовное место, большое скопление рыбы. Можно разгуляться».

Интересной представляется также современная народная трактовка ойконима *Соколята*. Происхождение данного названия А.К. Матвеев связывает с распространенным на Урале названием *Сокол*, которым именуются горы и скалы. По мнению ученого, данное название не имеет прямого отношения к птице сокол, а являются красивой метафорой – «гора (скала), прекрасная (величественная), словно сокол». [Матвеев 2008: 250]. Испытуемые же дают иные объяснения. При наличии таких реакций на стимул «Соколята», как «птица 16, сокол 2, птичка, птицы 1» закономерными представляются следующие трактовки происхождения ойконима: «Соколиные места», «Может, рядом живут соколы», «Водилось очень много лесных птиц», «Место, где много соколят», «Рядом были соколятники», «Возможно, там занимались разведением птиц», «Гнездовье соколов», «Много собирается соколов». Но, помимо этого, некоторые испытуемые дали следующие объяснения названия, связав его с прозвищем жителей деревни: «Называли жителей деревни “соколятами”», «Жили первопроходцы – “соколята”», «Много дружных жили людей командами. Назывались “соколята”».

Подобные примеры свидетельствуют о наличии в сознании носителей языка определенных стереотипов, которые вырабатываются «в процессе восприятия, семантизации и интерпретации имени на фоне рядов имен» [Голев, Дмитриева 2008: 13].

Большое значение имеют в данной ситуации и личностные знания носителя языка, которые вбирают в себя и предшествующий индивидуальный опыт личности, и ее установки и намерения, эмоции и чувства.

Стереотипы – как «ментальные основания аналогии» – играют важную роль в построении и топонимической, и диалектной языковых картин мира. Они представляют собой «изменяющийся со временем комплекс стандартов восприятия окружающей действительности» [Голев, Дмитриева 2008: 13].

С течением времени изменения претерпевает как сама топонимическая картина мира, так и ментально-топонимические стереотипы. Как показывает история заселения территории современного Нижнесергинского района, на начальном этапе формирования ойконимии региона в языковом сознании жителей преобладал антропоцентрический стереотип (стереотип принадлежности объекта определенному лицу, чаще всего основателю населенного пункта) и стереотип пространственного соположения (положение объекта близ жизненно важных географических реалий – рек, озер, гор). Так, например, появились ойконимы *Акбаш*, *Аракаево*, *Шокурово* (от имени основателя) и *Атиг*, *Верхние* и *Нижние Серги*, *Верхний* и *Малый Ут*, *Уфа-Шигири* (от названий рек).

Впоследствии, после вторичного заселения региона на укрепленных за переселенцами участках и при активном освоении окружающего пространства обживающимися на новом месте людьми, на первый план выдвигается стереотип отражения внутренней структуры, в котором основное внимание уделяется бытийной ценности объекта. Возникают названия, связанные с характером окружающей местности (*Березовка*, *Ключевая*, *Осиногорка*, *Сосновый бор*, *Черемша* и др.) и хозяйственной деятельностью местных жителей (*Овиновка*, *Пчелиный*, *Плотиновские печи*, *Поташка*, *Хомутовка* и др.). Хотя и антропоцентрический стереотип в это время не теряет своей актуальности: ряд населенных пунктов именуется по фамилиям русских переселенцев – *Бажуково*, *Зуевка*, *Киселевка*, *Сажино* и др.

Все вышесказанное еще раз убеждает в том, что анализ топонимической системы дает возможность проследить влияние

исторических, природных и социальных условий на формирование как ментально-топонимических стереотипов, так и топонимической языковой картины в целом. Топонимическая языковая картина мира, являясь территориальным вариантом национальной языковой картины мира, отражает особенности восприятия, мировидения, мироощущения диалектного социума определенной территории.

ЛИТЕРАТУРА

Бельшиева С.В., Матюхина А.С., Рут М.Э. Ономастикон и личность: аспекты проблемы // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 1999.

Блох М.Я. Язык и мир // Вестник Российского философского общества. 2011. № 4 (60).

Голев Н.Д., Дмитриева Л.М. Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы (к проблематике когнитивной топонимики) // Вопросы ономастики. 2008. № 5.

Матвеев А.К. Географические названия Урала: Топонимический словарь. – Екатеринбург, 2008.

Рут М.Э. Образная номинация в русской ономастике. – М., 2008.

© Максимова И.Н., 2013

А.Ю. ПЕТКАУ

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия)

УДК 811.161.1'373

ББК Ш141.2-3

ОЛЬФАКТОРНЫЙ ОБРАЗ КОНЦЕПТА *ЗДОРОВЬЕ* В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Аннотация. Настоящая статья представляет результаты проведенного психолингвистического эксперимента с носителями русского языка с интенцией выявления и описания ольфакторного образа концепта *здоровье*.

Ключевые слова: концепт, здоровье, образ, ассоциативный эксперимент, языковое сознание.

Изучение ценностей невозможно без личности – осознающего себя человека, поэтому освещение многоаспектных характеристик языковой личности через концепты (ментальные единицы переживаемого знания) привлекает современных исследователей [Карасик 2013: 4]. На современном этапе научного знания наиболее сложным является выявление образной составляющей концепта, поскольку она имеет чувственную природу и сложно поддается содержательной фиксации и разложению на составляющие элементы (см.: [Розенфельд 2008: 78]). Специфика экспликации образного компонента концепта заключается в том, что природа восприятия проявляется в субъективности ощущений, вследствие этого возможны различные подходы в интерпретации воспринимаемого явления (см. об этом [Брылева 2010: 17; Гунина 2008: 780 и др.]). Однако без «данного субъективного восприятия объективно в природе запах как бы не существует» [Павлова 2006: 12], в этом заключается парадоксальность ольфакторного феномена.

Образный компонент концепта состоит из «перцептивного образа и когнитивного (метафорического) образа» [Попова, Стернин 2007: 59]. Концепт *здоровье*, который находится в фокусе нашего исследовательского внимания, неоднократно получал метафорическую образную характеристику (см., например:

[Мишланова 2002; Туленинова 2008; Усачева 2002 и др.]. В русском языковом сознании здоровье метафорически сравнивается с *улыбкой, счастьем, драгоценностью, даром, силой* (см.: [Вепрева, Петкау 2012: 79]). Между тем, образы часто носят индивидуальный характер: «здоровье похоже на *рассвет на море, чистый лес, счет в банке, дорогую машину*» [Полякова 2011: 16]. Перцептивная образная характеристика возникает в результате непосредственно воспринимаемых когнитивных признаков, «формирующихся в сознании носителя языка в результате отражения им окружающей действительности при помощи органов чувств» [Попова, Стернин 2007: 58]. Образная характеристика абстрактного концепта не часто является предметом специального исследования, наиболее изучен аспект образной семантики цвета в перцептивной образной структуре концепта *здоровье* (см.: [Тимошенко 2005]).

Своей задачей мы ставим уточнение перцептивного образа концепта *здоровье* посредством выявления и описания его ольфакторного образа, поскольку при характеристике абстрактных концептов «в общем блоке слуховых, осязательных, зрительных, вкусовых ощущений языковая передача запахов остается наиболее загадочной» [Харченко 2008: 35]. Для достижения поставленной цели нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент в форме анкетирования, в котором приняли участие 286 носителей русского языка, из них 218 представителей мужского пола, 52 – женского пола. В ходе психолингвистического эксперимента респондентам было предложено ответить на вопрос: *Чем пахнет здоровье?* Время заполнения анкеты не ограничивалось, возраст опрашиваемых варьировался от 18 до 65 лет. Испытуемыми выступили студенты Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина и Уральского института государственной противопожарной службы МЧС России, а также преподаватели данных высших учебных учреждений.

В процессе интерпретации полученных данных было проанализировано 407 реакций. Методика анализа включала в себя выявление семантики ассоциатов, которая методом когнитивной интерпретации обобщалась в когнитивные классификационные

признаки, а затем проводилось определение яркости признаков по принципу частотности (см.: [Попова, Стернин 2007: 67-75]).

В основном респонденты охотно отвечали на вопрос, что выражается в выделении ими не одного, а нескольких когнитивных признаков. Между тем, трудность в выделении перцептивного образа существует. Так, 8 реципиентов пытались сформулировать запах здоровья через отрицание: *Ну, точно не алкоголем и сигаретным дымом; ...за исключением некоторых запахов: дым от табака, выхлопные газы; Здоровье пахнет не лекарствами и не больницей.* Также 8 респондентов описывали перцептивный образ здоровья очень абстрактно: *Здоровье пахнет всем; У каждого по-своему.*

Важно отметить, что после проведенной процедуры когнитивной интерпретации не все полученные когнитивные признаки были включены в дальнейший корпус интерпретационного материала. Это связано с тем, что часто (76 реакций) респондентам не удавалось «овнешнить» (в терминологии Е.Ф. Тарасова) перцептивные признаки, поэтому они имплицитно подменяли понятия и на заданный вопрос давали реакции не перцептивной направленности, а метафорической: *здоровье пахнет жизнью, счастьем, радостью, силой, хорошим настроением* и т.д. Полученные когнитивные признаки не характеризуют концепт с перцептивной стороны, поэтому в словесную модель описания не включались. Данную группу признаков можно отнести к «помехам эксперимента» [Штерн 1992: 10], которые рассматриваются нами «для выявления слабых и сильных сторон механизма» [Там же] вопросительной формулировки эксперимента. Возможно, вопрос-стимул нуждается в уточнении, на наш взгляд, в последующих экспериментах подобного типа целесообразнее детализировать вопросительную формулировку типа: *С каким ароматом ассоциируется у Вас здоровье?* или *Запах здоровья – это...*

Представим результаты исследования в виде словесной модели ольфакторной структуры концепта *здоровье* с присущими ей компонентами: ядром, приядерной зоной, ближней и дальней периферией. Ядро перцептивного образа концепта *здоровье* составляет когнитивный классификационный признак *свежесть*, который был отмечен респондентами в 85 реакциях. В лексико-

графических источниках в лексеме *свежесть* выделяются следующие семы: *прохлада*; *чистый воздух* (см., например: [Шведова 2011: 859]). Данные семы дублируют и полученные в анкетах когнитивные признаки: *Здоровье пахнет свежестью кристально-чистого потока освежающей прохлады, сошедшей с блистательных горных вершин; Глотком чистого приятного воздуха; Запах здоровья, наверное, похож на тот, когда выходишь прохладным утром в поле, когда еще роса не спала и стоит легкий туман, рядом лес и пахнет свежестью и дышится легко*. На периферии этой группы когнитивных признаков находятся *запах моря; морского бриза* – «слабого берегового ветра» [Шведова 2011: 61]. В языке запах «тесно связан с воздухом и дыханием» [Левонтина 2003: 354], а значит с наиважнейшими витальными понятиями жизни человека. Психолингвистические реакции респондентов – это «слепок с ассоциативно-вербальной сети, отражающей организацию языковой способности человека» [Караулов 2002, Т. 1: 753], поэтому на подсознательном уровне полученная перцептивная реакция иллюстрирует ценностную характеристику здоровья.

В приядерную зону входит когнитивный классификационный признак *аромат пищи* (47 реакций), который подразделяется на несколько составляющих. Современные носители русского языка отождествляют здоровье с запахом фруктов: *здоровье пахнет бананом; яблоками; клубникой; фруктами* (без уточнения); с запахом овощей: *чесноком; луком*. Примечательно, что все перечисленные продукты имеют характерный запах, который унифицирован для большинства людей. Ассоциация здоровья с запахом здорового питания естественна, поскольку здоровье напрямую коррелируют с понятием здорового образа жизни, причинно-следственные связи фиксируются в сознании современников и в современных текстах СМИ: *Если хочешь быть здоровым – нужно вести здоровый образ жизни*. Так, по данным электронной базы данных Integrum (www.integrum.ru), словосочетание *здоровый образ жизни* и лексема *здоровье* встречалось в центральной прессе за первые 6 месяцев 2013 года 36439 раз. Данную информацию важно учитывать при анализе, поскольку концепт – «величина динамичная, в огромной степени

зависимая от состояния общества, общественной ситуации» [Попова, Стернин 2007: 87].

В ближнюю периферию включаются четыре когнитивных признака: *запах леса* (35 реакций), *цветочные запахи* (32 реакции), *отсутствие* специфического *запаха* (34 реакции), *запах пота* (36 реакций). В сознании современных носителей русского языка «прочны закреплены обонятельные характеристики многих объектов растительного мира, преимущественно тех, которые всегда произрастали на территории нашей страны» [Павлова 2006: 14], например, запахи *сосны, хвои, ели: Здоровье пахнет ароматом свежей хвои – хочется вдохнуть его как можно глубже; Всем знаком аромат свежей хвои, именно так пахнет ЗДОРОВЬЕ!; Здоровье пахнет весенним лесом* и т.д. Также респонденты частотно приписывают здоровью аромат *свежескошенной травы*. Здоровье ассоциируется и с *цветочными запахами* (32 реакции), которые не уточняются детально в анкетах респондентов, но наибольшее предпочтение отдается запахам *розы, сирени и фиалки*. Нередко респонденты соотносят «запахи трав и цветов с *летом*» [Павлова 2006: 15], *летним утром, весной*.

Между тем, часть респондентов аргументированно объясняет, почему здоровье не имеет и не должно иметь никаких специфических запахов: *Здоровье ничем не пахнет – это состояние человека, при котором дышать и ощущать другие запахи легче; Я считаю, что здоровье так же, как и чистый воздух (без примесей), не должно пахнуть ничем; Если человек чувствует запах здоровья, то ему пора обращаться в больницу за помощью*. В категоризацию запахов «неотвратимо включены разные контексты, личный опыт, состояния и ассоциации» [Черниговская 2004: 174], поэтому, возможно, человек, не проявляющий заботу о своем здоровье в повседневности, не связывающий приятные моменты, происходящие с ним в здоровом состоянии, характеризует здоровье как антиольфакторное явление.

Семантика третьего когнитивного классификационного признака ближней периферии – *запах пота* – коррелирует с семантикой спортивной тематики, ср.: *Здоровье пахнет свежим воздухом в 6:00, потом в 6:40; Когда я схожу в спортзал, хо-*

рошо позанимаюсь, схожу в душ...; потом, спортом и желанием тренироваться, чтобы быть здоровым. По данным других психолингвистических экспериментов, когнитивный признак *спорт* также занимает зону ближней периферии (см.: [Караулов 2002, Т. 1: 218]), что иллюстрирует не случайную, а некую устойчивую составляющую русского языкового сознания при выборе единиц для характеристики концепта *здоровье*.

Завершают портрет ольфакторного образа концепта *здоровье* признаки, которые находятся на дальней периферии. Прокомментируем их. В русском языковом сознании здоровье соотносится с *образом чистоты* (18 реакций), который на ольфакторном уровне пахнет *хозяйственным мылом, обычным мылом, хлоркой*. На наш взгляд, эта ассоциация соотносится с естественным прививанием с детских лет гигиенических навыков как на уровне социума, так и на уровне семьи.

Перцептивная память позволяет человеку «связывать в сознании запахи лекарств с болезнью» [Павлова 2006: 15], а также с процессом выздоровления – становления «вновь здоровым» [Шведова 2011: 129], что фиксируют респонденты в своих ответах: *Здоровье пахнет медикаментами; медицинским спиртом; больницей; лекарствами* (15 реакций).

Важно отметить, что чаще всего респонденты указывают номинацию запаха здоровья, но не его типовые характеристики. О гедонистической оценке запаха упомянули только 5 респондентов: *Здоровье пахнет приятным запахом; офигенно!* Реакции, отмечающие интенсивность запаха, зафиксированы не были.

В дальнюю периферию также входят единичные когнитивные признаки, которые при большей выборке могут образовать свою автономную группу классификационных признаков. По словам Ю.Н. Караулова, «национальную окраску – более или менее выраженную – имеют все элементы знаний, из которых складывается мозаичная картина мира» [Караулов 2002: 762] носителей языка. Полученные нами реакции частично подтверждают данный тезис: здоровье ассоциируется с национально-русским ароматом *бани*, а также таким привычным для русских людей запахом *снега, зимы*.

Самый общий взгляд на представленную модель ольфакторного образа концепта *здоровье* обнаруживает амбивалентность когнитивных классификационных признаков. С одной стороны, запах здоровья ассоциируется респондентами с запахом *свежести, чистоты*, с другой стороны, с запахом *пота*. Кроме того, часть респондентов определяют обонятельный компонент концепта *здоровье* через отрицательную семантику сферы концепта *болезнь* (например, *здоровье пахнет точно не лекарствами*), другие, наоборот, ассоциируют здоровье с запахом *больницы, медицинских препаратов*. Данное наблюдение иллюстрирует особенность выявления образной составляющей абстрактных концептов: реакции «более субъективны, резче различаются у разных испытуемых» [Попова, Стернин 2007: 57].

Подведем итоги нашим наблюдениям. Концепт *здоровье* имеет широкую перцептивную объективизацию, что свидетельствует о релевантности исследуемой категории в языковом сознании современных носителей русского языка. Тем не менее, выявление и описание ольфакторного компонента концепта составляет сложный процесс для исследователей в связи с обостренно субъективным характером реакций и зачастую с расплывчатостью осознания ольфакторного образа. Проанализированный материал показал, что 76 респондентов имплицитно уклонились от ответа на поставленный в анкете вопрос и сформулировали ответы с метафорической, а не ольфакторной направленностью.

На основе когнитивных признаков, полученных на базе анкет других респондентов, сформирована модель ольфакторной структуры концепта *здоровье* по принципу ранжирования яркости признаков. В ольфакторное ядро концепта *здоровье* входит классификационный признак *свежесть*, который имеет близкую связь с лексемами *воздух, дыхание*, а, значит, имеет аксиологическое основание. Классификационный признак *аромат пищи* занимает приядерную зону анализируемого концепта. Мы связываем полученные реакции с ассоциацией правильного (здорового) питания. Наиболее частотный классификационный признак в зоне ближней периферии – *запах пота* – интерпретируется нами как коррелирующий со спортивной тематикой.

Кроме того, в качестве активных осознаются следующие классификационные признаки: *запах леса, цветочные запахи, отсутствие специфических запахов*. Дальнюю периферию ольфакторной структуры концепта *здоровье* наиболее ярко характеризует признак – *запах чистоты*.

ЛИТЕРАТУРА

Брылева Р.Ф. Перцептивные концепты и способы их объективации во французском языке // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 46. № 22 (203), 2010. С. 17–20.

Вепрева И.Т., Петкау А.Ю. Возрастная специфика осознания концепта *здоровье* // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Вып. X. – Екатеринбург, 2012. С. 76–85.

Гунина Н.А. О некоторых особенностях анализа перцептивных концептов // Сб. материалов междунар. конгресса по когнитивной лингвистике / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов, 2008. С. 780–782.

Карасик В.И. Языковая матрица культуры. – М., 2013.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1: От стимула к реакции. Ок. 7000 стимулов. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М., 2002.

Левонтина И.Б. Запах // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд. испр. и доп. – М., 2003. С. 354–356.

Павлова Н.С. Лексика с семей «запах» в языке, речи и тексте: автореф. дисс...канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006.

Полякова С.В. Метафорическое моделирование в русском и американском медицинском дискурсе: автореф. дисс...канд. филол. наук – Пермь, 2011.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М., 2007

Розенфельд М.Я. Методы выявления перцептивного образа в структуре лексического значения (на материале существительного *глаз*) // Вопросы психолингвистики. № 7. 2008. С. 77–81.

Тимошенко Л.О. Скалярно-антонимический комплекс концепта *здоровье* в русском и английских языках: автореф. дисс...канд. филол. наук. – Уфа, 2005.

Тулининова Л.В. Концепты «здоровье» и «болезнь» а английской и русской лингвокультурах: автореф. дисс...канд. филол. наук. – Волгоград, 2008.

Усачева А.Н. Лингвистические параметры концепта «Состояние здоровья» в современном английском языке: дисс...канд. филол. наук. – Волгоград, 2002.

Харченко В.К. Сенсорная лингвистика // Держава та регіони. Сер. Гуманітарні науки. № 4. 2008. С. 32–37.

Черниговская Т.В. Семиотика запахов: вербализация, синестезия, память // Петербургское лингвистическое общество. Научные чтения-2003. Приложение к журналу «Язык и речевая деятельность». – СПб, 2004. Т. 5. С. 171–176.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М., 2011.

Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности (экспериментальное исследование). – СПб, 1992.

© Петкау А.Ю., 2013

В.Д. ЧЕРНЯК

(Российский государственный педагогический университет

г. Санкт-Петербург, Россия)

УДК 811.161.1' 373

ББК Ш141.2-3

СОВРЕМЕННАЯ МУЗЫКА В СПЕКТРЕ АССОЦИАЦИЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается ассоциативное поле «музыка» как один из значимых фрагментов лексикона языковой личности. На материале ассоциативных словарей и проведенного эксперимента описываются основные направления ассоциирования в структуре поля.

Ключевые слова. Ассоциативное поле, ассоциативный словарь, языковая личность, ассоциативный эксперимент, динамика лексикона.

Исследование многомерного портрета современной языковой личности остается актуальной задачей, которая может быть решена в результате описания различных фрагментов лексикона. Одним из них является музыка как часть современной культуры. «Русский ассоциативный словарь» [РАС 2002], как точный слепок ассоциативно-вербальной сети носителя языка, содержит «благодатный материал для изучения языковой картины мира русских, их духовных интересов и ценностей, культурно-исторических предпосылок формирования современных общественных, нравственных, эстетических идеалов» [Караулов 2002: 777].

Ассоциативное поле (АП) «музыка» в РАС включает 101 реакцию; в обратном словаре реакция *музыка* отразилась в 559 статьях слов-стимулов, что говорит о значимости этой составляющей лексикона языковой личности. Музыка ассоциируется у носителя языка прежде всего с тем, что обогащает его внутренний мир (S→R: *души, для души, внутри*; R→S *облагораживает*), с человеческими чувствами и отношениями (S→R: *любовь, любви, любима, люблю, венчальная*; R→S: *для двоих, свадьба*). Музыка – это *отдых, спокойствие, развлечение, увлечение, хобби*.

Отчетливо выделяются в АП доминанты ассоциирования, представленные лексико-семантическими группами «музыкальные инструменты» (*пианино, рояль, гитара, скрипка, труба, волынка, орган, баян, барабан, горн*), «музыкальные термины и понятия» (*аккорд, ритм, звук, тема, мотив, скрипичный ключ, тон, темп, гармония*). Значимыми для лексикона современника оказываются ассоциации, связанные с «технической» стороной восприятия музыки (*магнитофон, кассета, пленка, пластинка, диск, радио* и т.п.). В языковом сознании усредненной языковой личности достаточно четко представлены различные направления и жанры музыки. Классическая музыка вербализуется в ассоциатах *классическая, классика, органная, старая, старинная*, в антропонимах *Бах, Бетховен, Верди, Чайковский, Штраус*. Заметное место в АП занимают элементы, указывающие на современный этап развития музыкальной культуры: *рок / рок-н-ролл, металл, поп, эстрада, Алиса, Metallica* и ряд других.

Примечательно, что все названные составляющие структуры АП выделяются и в созданном саратовскими лингвистами «Русском ассоциативном словаре», представляющем ассоциативные реакции школьников I–XI классов, [РАС 2011]. Это чрезвычайно ценное издание дает богатый материал для изучения находящейся в процессе становления языковой личности современника. Поскольку в словаре реакции школьников разных возрастных групп представлены раздельно, можно проследить изменения в лексиконе личности по мере накопления жизненного опыта: если у младших школьников ассоциации обусловлены, в первую очередь, школьной программой музыкального образования, то по мере взросления все большее место занимают ассоциации, отражающие индивидуальные предпочтения, в том числе интерес школьников к современной музыке: *рок, рэп, группа, Prodigy, Queen* и т.п.

Для более углубленного исследования того, как социокультурный феномен «современная музыка» представлен в языковом сознании молодежи, был проведен свободный ассо-

циативный эксперимент¹. В нем участвовали 64 человека – от 16 до 25 лет. В качестве стимулов респондентам были предложены слова *джаз, рок-музыка, поп-музыка* как ключевые слова современной музыкальной культуры. На предложенные стимулы испытуемые могли давать не одну, а несколько реакций (далее они выделены курсивом). Рассмотрим для примера АП «джаз». В центре поля находятся наиболее характерные для данного направления музыкальные инструменты – прежде всего, это *саксофон* (наибольшее число ассоциаций) и *труба* (на периферии – *гитара, контрабас*), имена известных американских джазовых музыкантов – *Луи Армстронг, Фрэнк Синатра, Чарли Паркер*. На периферии, представленной низкочастотными и единичными реакциями, – имена джазовой певицы *Эллы Фицджеральд*, трубача-виртуоза *Диззи Гиллесли*, тромбониста и руководителя свингового оркестра *Глена Миллера*, певицы *Ларисы Долиной*, джазового басиста и виолончелиста *Рона Картера*, английского актера и пианиста *Хью Лори* и ряда других музыкантов. На происхождение джаза указывают такие частотные реакции, как *негр/негры, Америка, афроамериканцы, Африка, Латинская Америка, Новый Орлеан, США, чернокожий человек, чернокожие музыканты, чернокожие*. В АП актуализируются основные, связанные с джазом музыкальные понятия и термины – *ритм, импровизация, гармония, аккорды с добавлениями, мелодика, пониженные и повышенные ступени, пульсация, свинг, триоли*, окказиональные *особый вокал, тянучесть*, а также другие музыкальные стили и жанры – *блюз, латина*. Ассоциативно слово *джаз* связывается у носителей языка с другими видами искусства, такими как мюзикл («*Чикаго*»), кинематография (*фильм «В джазе только девушки», «Принцесса и лягушка»*). Целый ряд ассоциаций погружает в социокультурный контекст, в котором существует современная музыка. Так, послушать джаз можно в петербургском

¹ Эксперимент был проведен К.Д. Жуковой и описан в выполненной под нашим руководством магистерской диссертации «Лексическое представление социокультурного феномена «современная музыка» в словарях и текстах» (СПб., 2013).

баре «Шляпа», в джазовой филармонии (костюмы и вечерние платья, смокинг), в ресторане. Джаз вызывает веселье, восторг, волнение, дарит наслаждение, создает особую атмосферу, настроение. Интересно, что джаз, с одной стороны, ассоциируется у участников эксперимента с *молодостью, модой*, а с другой, – вызывает реакции *прошлый век, Советский союз, старомодное*. С ассоциацией *Советский союз* семантически связана и реакция *запретное*, отражающая историю развития отечественного джаза.

Если в АП «джаз» основными музыкальными инструментами, ассоциативно связанными с данным направлением, оказались *саксофон и труба*, то в центре АП «рок-музыка» представлены *гитара, электрогитара*, а также *барабаны, ударные, бас-гитара*. Значимой составляющей поля являются номинации музыкальных групп и исполнителей: *Виктор Цой, «Кино», «Король и шут»* (сокращенно «Киш»), «Сплин», *Арбенина, Би-2, БГ, Земфира, «Кипелов», «Наутилус», «Пикник», «Пилот», «Чиж и Со», «Чичерина»; «Deep Purple», «Aerosmith», «Rammstein», «Pink Floyd», Майкл Джексон, Курт Кобейн*. Рок-музыка ассоциируется у носителей языка с *концертами, фестивалями, клубами и стадионами*. В поле попало название одного из ежегодных общероссийских рок-фестивалей – «*Нашествие*», а также названия концертных залов, где чаще всего в Санкт-Петербурге проводятся выступления рок-исполнителей: «*Ледовый*», «*Юбилейный*». Любопытно, что если в поле «джаз» на периферии оказались слова *кофе, шампанское*, то рок-музыка ассоциативно связывается у носителей языка с *алкоголем, наркотиками и сигаретами*. Отсюда понятными оказываются реакции *беспредел, буйство, крики, подворотни*. Среди эмоциональных состояний, вызванных рок-музыкой, – *драйв, зажиг, отрыв, радость*. Заметное место в АП «рок-музыка» занимают ассоциации, отражающие внешний вид исполнителей и их поклонников, социокультурную природу рок-музыки: *борьба за свободу, свобода, несогласие, протест, андеграунд*. Рок-музыка – это *громко, громкость, шум, грохот*. Отношение к рок-музыке выражается в разнонаправленных реакциях – *идеальная музыка, классная и металл лучше, говно, жесткая, тяжело, тяжесть*. Возрастную

аудиторию рока определяют ассоциации *молодежь, юность и ностальгия по юности*.

Широкий спектр ассоциаций представляет и поле «поп-музыка»: *Майкл Джексон, Бритни Спирс, Мадонна, Леди Гага, Джастин Бибер Максим; Руки вверх, Дима Билан, Виагра, Глюкоза, Катя Лель, Киркоров, Ласковый май, Мираж, Тату*. Показательна реакция-суждение: *зарубежная поп-музыка хороша, в России качественной поп-музыки практически нет*. АП вербализует представления языковой личности о внешнем виде рок-музыкантов и их поклонников (*длинные кудрявые волосы у мужчин, волосатые мужчины, длинные волосы, махание длинными волосами, кожаная одежда, кожа, кожаные штаны, кожаные куртки, косухи, бандана, серебряные кольца, цепи, футболки с надписями*) и внешности поп-исполнителей и их фанатов (*блондинка / блондинки, девочки в коротких юбочках и с глубоким декольте, глубокие вырезы и короткие юбки, женщина легкого поведения, мажорный зализанный денди, поющие кукушки, блеск, блестяшки, стразы, бриллианты*). Поклонник поп-музыки предстает как *обыватель*, это, прежде всего, *маленькие девочки, гламурные девочки-подростки*; она ориентирована на *массовое сознание, массовость, массы*, является *бизнесом, коммерцией*, пропагандируется телевидением (*телевизор / ТВ, муз ТВ, Ру ТВ*). Поп-музыка в описываемом АП предстает как нечто искусственное (*искусственность и недоверие, фонограмма*). Об отсутствии смысла в поп-музыке красноречиво говорят реакции *бессмысленность и беспощадность для мозга, бессмысленные тексты, давящая на мозг, мало смысла, незамысловатая, тыц-тыц-тыц, два притопа – три прихлопа*. Негативное отношение к поп-музыке отражают ассоциации *розовые сопли, дешевизна, занудство, монотонность, одноразовость, отсутствие интереса, после нее хочется спать, пошлость, примитив, пустота, пустотренство*. Поп-музыка – это *развлечение, отвлечение*. Оценивая аксиологический аспект ассоциаций, нельзя не отметить, что участники эксперимента – в основном студенты, что определяет культурный уровень испытуемых и систему их оценок.

Таким образом, исследование даже небольшого фрагмента лексикона, осуществленное на основе ассоциативных экспери-

ментов, представляет выразительные черты языкового портрета современника, уровень его культурной грамотности, систему ценностей. Такие описания, являясь своеобразной хроникой языковой жизни, дают ценный материал для мониторинга изменений в языковом сознании.

ЛИТЕРАТУРА

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 2: От реакции к стимулу. – М., 2002.

Русский ассоциативный словарь: в 2 т. – М., 2002.

Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов: в 2 т. – Саратов, 2011.

© Черняк В.Д., 2013

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Н.С. АБРАМОВА

(Уральская государственная медицинская академия,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 811.161.1'37

ББК Ш141.2-32

МИФОЛОГЕМА *ДОРОГА* КАК БАЗОВЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА¹

Аннотация. В статье анализируются особенности функционирования мифологемы *дорога* в сознании современных носителей русского языка. Результаты направленного ассоциативного эксперимента позволили автору выявить специфику этнокультурной информации, представленной в идиоматике и стереотипных формулировках с лексемой *дорога*.

Ключевые слова: мифологема, языковая картина мира, направленный ассоциативный эксперимент.

В качестве одного из базовых семантических компонентов русской национальной картины мира выступает *мифологема дорога*.

Семантическая структура слова *дорога* в процессе развития русского языка несколько изменилась. Достаточно сравнить дефиниции слова, представленные в словарях XIX (Толковый словарь В.И. Даля) и XX (Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.И. Шведовой) веков.

В Толковом словаре В.И. Даля лексема *дорога* представлена следующими значениями:

¹ Понятие мифологемы и модель анализа представлены в: [Коновалова 2007].

1. Ездовая полоса; накатанное или нарочно подготовленное различным образом протяженье, для езды, для проезда или прохода.

2. Путь, стезя.

3. Направленье и расстоянье от места до места.

4. Самая езда или ходьба, путина, путешествие.

5. В вост. губ. *дорога* – сибирский путь.

6. В Сибири – улица.

7. Покинутое русло, сухоречье, старица.

8. Средняя полоса печного пода, перед челом, где лопата ходит.

9. У рыбаков большая уда, для ловли щук, окуней; ставится на ночь.

10. перен. Средство, способ для достижения чего-либо; род жизни, образ мыслей, дела и поступки человека [Даль 2005: 217].

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой выделяется 4 значения слова *дорога*:

1. Полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения.

2. Место, по которому надо пройти или проехать, путь следования.

3. Путешествие; пребывание в пути.

4. перен. Образ действий, направление деятельности [Ожегов, Шведова 2003: 176].

Мы видим, что в современном русском языке сохраняются основные, ядерные, значения лексемы *дорога*: это 1) полоса земли, предназначенная для передвижения; 2) место, по которому надо проехать или пройти; 3) время пребывания в пути. Можно проследить устойчивость синонимии слов *дорога* и *путь*; выделение переносного значения *дороги* как ‘направления деятельности человека’, хотя в словаре В.И. Даля это значение шире: ‘средство, способ для достижения чего-либо; род жизни, образ мыслей’.

Не фиксируются в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой представленные в словаре В.И. Даля территориальные значения 6,7. Утрачиваются компоненты 7,8,9.

Представления современных носителей языка о *дороге* отражаются в идиоматике и стереотипных формулировках-

инструкциях, связанных с дорогой. Для конструирования образа *дороги* в сознании современных носителей русского языка нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент. В роли испытуемых выступали жители г. Екатеринбурга (ОЦ – областной центр), г. Алапаевска (Г), п. Верхняя Синячиха Алапаевского района и с. Николо-Павловское Пригородного района (СМ) разных возрастных групп (самому молодому испытуемому 16 лет, самому старшему – 72).

На первом этапе направленного ассоциативного эксперимента испытуемым предлагалось вспомнить и записать устойчивые выражения, связанные со словом-стимулом *дорога*. На втором этапе необходимо было записать ритуальные действия, традиции, связанные с дорогой.

В реакциях на стимул *дорога*, описывающих традиции, ритуальные действия, обычаи, можно выделить несколько типов ответов, в том числе:

а) сакральные характеристики (дорога – ‘ритуально и сакрально значимый локус, имеющий многозначную семантику и функции’), связанные с **запретами и ритуальными действиями**:

- не прибирай в избе / не мети пол перед отъездом / не мыть полы перед дорогой – не «замывать» дорогу / когда кто-то в дороге, в доме пол не метут – не моют, пока не придет сообщение, что добрались до места (ОЦ);
- не возвращайся назад перед дорогой, а если вернулся, поглядишься в зеркало (ОЦ);
- не спрашивай человека, отправляющегося в дорогу, **куда он идет** (Г);
- на дорогу / перед дорогой не шьют / не пришивают пуговицы (ОЦ, СМ);
- лежащие на дороге деньги поднимать нельзя / если поднимаешь деньги, лежащие на дороге, нужно сказать: «Денежку беру – приклад оставляю» (ОЦ, Г);
- не переходи дорогу на пересечении двух дорог, нельзя, говорят, что могут быть наговоры (СМ);
- посидеть перед дорогой / присесть (посидеть) на дорожку (ОЦ, СМ);

- выпить на посошок (на дорожку) (СМ);
- собираясь в дорогу, перекрестись и произнеси: «Господи, благослови» (СМ) / перед отправлением в дорогу нужно сказать: «С богом» / «Ни пуха, ни пера» (ОЦ);
- если на перекрестке бросить мелочь и сказать какие-то слова, то улучшится материальное положение (ОЦ);
- во время похорон на дорогу за гробом бросают еловые ветки / или цветы (ОЦ, Г);
- чтобы «очистить» купленную квартиру, нужно обойти ее со свечкой и молитвой, и эту свечку выбросить на перекресток дорог, чтобы машины ее раздавили (СМ);
- при гадании выходят на перекресток двух дорог, слушают, с какой стороны голос – оттуда и жених будет (ОЦ) / при гадании выходят на дорогу и спрашивают у первого встречного имя – так будут звать жениха (СМ);
- если на дороге увидишь машину с номером, имеющим две «б», не повезет – переплюнь через левое плечо и перекрестись (СМ).

приметы:

- если в дорогу дождь, будет удача (ОЦ);
- если черный кот / черная кошка дорогу перешел(а), будет неудача / голубь (гулька) дорогу перебежал – к счастью (СМ, ОЦ);
- если на дороге закручиваются снеговые столбы, говорят: «Черти свадьбу играют» (ОЦ).

б) профанные характеристики, связанные с правилами (и «обычаями») дорожного движения:

- при переходе дороги, нужно посмотреть налево (ОЦ);
- если дорога с колеей, за руль автомобиля можно не держаться, такие дороги только в России (ОЦ).

Как видно из перечня ответов, сакральные характеристики мифологемы *дорога* преобладают над профанными, причем отдельные приметы и обряды появились в последние годы. Например, примета *голубь дорогу перебежал – к счастью* придумана, чтобы уравновесить предсказание неудачи, если дорогу перешел черный кот/кошка; нарушение запрета с добавлением

ритуального текста: *если поднимаешь деньги, лежащие на дороге, нужно сказать: «Денежку беру – приклад оставляю»* – направлено на привлечение финансового благополучия.

Сакральные характеристики мифологемы предъявляют респонденты, независимо от их места жительства – областной центр, небольшой город или сельская местность (стоит отметить, что из 12-ти опрошенных жителей г. Екатеринбурга только два «коренных» екатеринбуржца; большинство родом из маленьких городов Свердловской области: Волчанска, Кировграда, Талицы, Новоуральска и др.). В большинстве случаев, комментируя свои ответы, информанты говорили, что не знают причины той или иной регламентации, продолжают выполнять правила «по привычке». Поэтому нельзя говорить об актуальности этнокультурной информации сакрального плана в сознании носителей языка, участвовавших в эксперименте.

Истоки большинства современных представлений о *дороге* можно обнаружить в древнейших народных верованиях, с которыми связан «особый статус дороги в комплексе ритуально-мифологических представлений славян» [Байбурин 1993: 114].

1. «Дорога соотносится с жизненным путем, путем души в загробный мир и семантически выделяется в переходных ритуалах» [СД т. 2: 124]. Большое значение имел выбор дороги в свадебном и крестильном обрядах (направление в церковь и обратно в представлении славян было связано с жизненным путем молодых и ребенка), а также при совершении похоронного ритуала (дорога на кладбище и обратно соотносилась с загробной жизнью умершего).

В реакциях, предъявленных испытуемыми в ходе эксперимента, упоминается бытующий до сих пор в сельской местности и небольших городах обычай по дороге на кладбище бросать еловые ветки перед похоронной процессией или после нее. «Таким образом “устилали” или “разметали” дорогу покойнику, чтобы “не приходил, не тревожил”» [СД т. 2: 185].

2. «Дорога – разновидность границы между “своим” и “чужим” пространством» [СД т. 2: 124], именно поэтому данный локус включен в ритуалы гадания. В представлениях славян дорога – «это место, где проявляется судьба, доля, удача человека

при его встречах с людьми, животными и демонами» [Там же]. Это и объясняет действия, о которых упоминали в ходе эксперимента испытуемые: *при гадании выходят на дорогу и спрашивают у первого встречного имя – так будут звать жениха*. Приметы, связанные с людьми и животными, которых можно встретить на дороге, очень популярны среди носителей языка. Конечно, самая известная примета – *черный кот или кошка*, встреча с которыми сулит неудачу.

А.К. Байбурин говорит об особой семантической напряженности дороги в традиционных представлениях: «объясняется это, видимо, тем, что дорога соединяет свой мир с чужим, а на уровне ритуально-мифологических значений является началом или продолжением мира мертвых» [Байбурин 1993: 155]. Дорога – сакрально негарантированное место, это объясняет запреты, связанные с дорогой, которые были указаны в ходе ассоциативного эксперимента: *не мыть полы перед дорогой или когда кто-то из домочадцев в дороге, не возвращаться назад перед дорогой, не спрашивать отправляющегося в дорогу человека, куда он идет, перед дорогой не шить*.

3. «Дорога – мифологически “нечистое место”, служащее для удаления вредных и опасных объектов (насекомых, сорняков, болезней и пр.), для совершения лечебных, продуцирующих и вредоносных магических действий» [СД т. 2: 124].

С этим представлением связан ритуал выбрасывания на дорогу различных предметов с целью «удаления опасной и вредоносной субстанции за пределы “своего” пространства и ее уничтожения» [СД т. 2: 125]. В наибольшей степени мифологическая семантика проявляется на перекрестке, в месте скрещения двух или нескольких дорог. «В Поволжье (Чебоксарском, Цивильском и других уездах) невеста выбрасывала на перекрестке дорог репчатый лук, взятый в доме родителей, надеясь, что вместе с ним она выбрасывает все слезы, выплаканные перед свадьбой» [Байбурин 1993: 76]. «Ритуальное уничтожение на Д. обусловлено и ее семантикой как места, где “нечистые” предметы затаптывают, а также разносят, растаскивают ногами, расчленяя вред и опасность на множество частей» [СД т. 2: 125]. Как видно из ответов испытуемых, ритуал выбрасывания до сих

пор практикуется, особенно в сельской местности (*чтобы «очистить» купленную квартиру, нужно обойти ее со свечкой и молитвой, и эту свечку выбросить на перекресток дорог, чтобы машины ее раздавили*).

Стоит отметить, что перекресток как сакральная граница фигурирует во многих текстах, предъявленных испытуемыми в ходе эксперимента: кроме только что упомянутой функции, это место, где могут концентрироваться «наговоры», где можно узнать свою судьбу, улучшить финансовое состояние.

«Выбрасывание предметов на дорогу могло быть и актом вредоносной магии, призванной передать другому лицу порчу или болезнь. Оставляя на дороге вещи больного, считали, что болезнь тогда покинет его, когда их поднимет другой человек, на которого и перейдет болезнь» [СД т. 2: 126]. Это объясняет запрет поднимать найденные на дороге, особенно на перекрестке, вещи (*лежащие на дороге деньги поднимать нельзя*).

«С мифологемами связано, как правило, значительное количество афоризмов, образных сравнений, фразеологизмов, поговорок и поговорок, примет, так как идиоматика в силу своей устойчивости “приспособлена” для выражения стереотипов коллективного сознания» [Коновалова 2012: 32]. Проанализируем, как реализуется слово *дорога* в составе устойчивых сочетаний, предъявленных в ходе ассоциативного эксперимента. Если на предыдущем этапе эксперимента, когда мы предлагали испытуемым вспомнить ритуальные действия, интересно было сравнить актуализацию сакрального смысла мифологемы у жителей г. Екатеринбурга, небольших городов и сельских жителей, то в этой части эксперимента любопытно сопоставить стереотипы, представленные в сознании носителей языка разных возрастных групп. Мы выделили 2 группы испытуемых: старшее (СП) поколение в возрасте от 45 до 72 лет и молодое (МП) в возрасте от 16 до 44 лет.

В ходе эксперимента были предъявлены следующие реакции.

1. Самая многочисленная группа реакций – прецедентные тексты, связанные с музыкальной поп-культурой (в основном строчки из песен советской эпохи)

- *Эх, дороги, пыль да туман... (СП, МП) / (песня) Эх, дороги, пыль да туман, холода, тревоги да степной бурьян (МП);*
- *Дорогой длиною да ночью лунною... (СП, МП);*
- *Эх, путь-дорожка, фронтовая (СП, МП);*
- *Дорога, дорога, осталось немного, мы скоро вернемся домой (СП);*
- *Позарастали стежки-дорожки... (СП);*
- *А дорога серую лентою вьется... (СП) / Крепче за баранку держись, шофер (МП);*
- *Иду дорогой длиною, дорогой непрямой... (СП);*
- *Присядем, друзья, перед дальней дорогой – пусть легким покажется путь (СП);*
- *Нам любые дороги дороги (СП);*
- *Пора-а-а в путь-дорогу-у. Дорогу дальнюю, дальнюю... (МП);*
- *Эх, российская дорога – 7 загибов на версту (МП).*

Наиболее часто информаторами предьявлялась строчка из песни «Эх, дороги», причем у представителей и старшего, и младшего поколения. Однако, как мы видим, подобные реакции более типичны для представителей старшего поколения.

2. Прецедентные тексты и устойчивые обороты, в основе которых лежат ядерные значения лексемы *дорога*: полоса земли, предназначенная для передвижения; место, по которому надо проехать или пройти; время пребывания в пути. Такие реакции предьявляли в основном представители молодого поколения: *Дорога дорога до порога (СП); дорогой русский человек называет то место, по которому собирается проехать (МП); дорогу осилит идущий (МП); легкого вам пути (МП); отдохнуть с дороги (СП); пора собираться в путь-дорогу (МП); путь-дорога (СП); скатертью дорога (МП).*

К этой же группе можно отнести пословицы и поговорки, в основе которых лежит мотив движения: *Баба с возу – кобыле легче; едешь лихо – понесут тихо; за 7 верст киселя хлебать; любишь кататься – люби и саночки возить; не подмажешь – не поедешь; тише едешь – дальше будешь (МП).*

Данные реакции предъявили испытуемые в возрасте от 30 до 39 лет, жители сельской местности.

3. Устойчивые обороты, отражающие «стереотипное представление... в котором дорога, путь выступают в роли символа деятельности и самой жизни» [БФС 2010: 548], такие реакции характерны для информантов – представителей старшего поколения: *Долгая дорога (СП); дорога дальняя (СП); дорога налево (СП); к своим корням (СП); к счастью (СП); прямая дорога (СП); путь, жизнь (СП). Легкого вам пути (МП); у каждого своя дорога / выбрать в жизни свою дорогу (МП). Жизнь прожить – не поле перейти (СП).*

4. Устойчивые обороты, которые уподобляют «осуществление какой-л. деятельности передвижению в пространстве по определенному маршруту» [БФС 2010: 548]: *Где-то она ей дорогу перешла / кто-то кому-то дорогу перешел (МП).*

В основе этого фразеологизма – **ритуал перехода** дороги человеку или скоту, который «практиковался для отнимания здоровья, счастья, плодовитости» [СД т. 2: 121].

5. Устойчивые обороты, в которых «жизнедеятельность человека, его жизнь уподобляются дороге, пути, а расставание – расхождению реальных дорог. Это предполагает..., что жизненные пути людей, как и дороги, могут не только расходиться в разные стороны, но и сходиться, “стекаться”, пересекаться» [БФС 2010: 578]: *Иди своей дорогой / ступай своей дорогой (МП); разошлись пути-дороги (МП)* – фразеологизмы отражают стереотипное представление о прекращении отношений и утрате связей (Ср.: *одной дорогой идем*)

6. Афоризмы: *в России 3 проблемы: дороги, дураки и деньги / В России 2 беды: дураки и дороги (СП, МП); все дороги ведут... (куда они ведут?) (СП) / Все дороги ведут в Рим (МП); дорога на Эльдорадо (МП).*

7. Прецедентные тексты (классическая литература, фольклор), которые предъявляли информанты старшей возрастной группы: *Выхожу один я на дорогу (СП); Как мало пройдено дорог, как много сделано ошибок (СП); Дороги, которые мы выбираем (СП); В путь–дорожку собираясь (СП, МП); прямоезжая дорога (СП); Налево пойдешь – что-то там найдешь (СП).*

8. Тематические ассоциации, связанные с поведением на дороге, правилами дорожного движения, автомобильной терминологией: «*Главная дорога*», «*Дорожные войны*»; *дорожный просвет*; *дорожный знак*; *придорожное кафе*; *правила дорожного движения (МП)*.

Совершенно очевидно отсутствие в составе ассоциативного поля сакрального компонента, только четвертый вариант ответа можно рассматривать как отсылку к одной из составных частей этнокультурной семантики мифологемы *дорога*.

Таким образом, результаты проведенного ассоциативного эксперимента свидетельствуют о десакрализации мифологемы *дорога* в речевой практике современного человека. Один из информантов попытался объяснить причины этого процесса: «Для нас, в отличие от далеких предков, дорога не является тяжелым физическим и моральным испытанием. Преодолеть дорогу сейчас гораздо легче».

ЛИТЕРАТУРА

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб., 1993.

Коновалова Н.И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен. – Екатеринбург, 2007.

Коновалова Н.И. Этносоциолингвистика: учебное пособие – Екатеринбург, 2012.

СЛОВАРИ

БФС – Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. ред. В.Н. Телия – М., 2010.

Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М., 2005.

Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1999.

СД – Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. – М., 1995.

© Абрамова Н.С., 2013

М.В. БОБРОВА

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, Россия)

УДК 811.161.1'282

ББК Ш141.2-33

НАРОДНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ГОВОРЕНИЕ» В СЕМАНТИКО-АКСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ¹

Аннотация. В статье на основе фразеологии русских говоров Пермского края тематической группы «Говорение» выявляются характеристики высказывания, которые оцениваются диалектоносителем. Автором делаются выводы о специфике критериев эффективного высказывания, актуальных для традиционной народной культуры.

Ключевые слова: пермские говоры, диалектная фразеология, тематическая группа, говорение, семантико-аксиологический аспект.

В настоящей работе мы обратились к проблеме эффективности языковой коммуникации, продолжая изыскания, результаты которых представлены в: [Богачева 2011]. Материалом для исследования послужили фразеологические единицы (ФЕ), зафиксированные в русских говорах Пермского края и частично еще не обнаруженные в словарях.

Несмотря на то, что лексика говорения изучается давно, плодотворно, широко (см. работы Л.А. Балясниковой, В.П. Бахтиной, Л.М. Васильева, В.И. Кодухова, Т.В. Кочетковой, И.А. Крыловой, Ю.К. Лекомцевой, Ю.Б. Лобовой, З.В. Ничман, Е.В. Пурицкой, Г.В. Степановой, А.Д. Черенковой, др.), мы выбрали указанную тематическую группу (ТГ), исходя из следующего. Лексика группы «Говорение» в речи жителей Пермского края исследовалась недостаточно, главным образом студентами, в публикациях освещалась спорадически (см. работы Л.А. Грузберг, В.А. Малышевой, Е.Н. Поляковой, Н.П. Потаповой, Ф.Л. Скитовой), фразеология же данной группы, насколько

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 11-34-00330a2, 12-34-01043a1).

нам известно, особо не изучалась совсем. Но говорение, один из атрибутов социума, относится к наиболее значимым в жизни, нуждающимся в изучении процессам; не случайно выявлено около 1000 оригинальных ФЕ данного вида.

При анализе мы отталкивались от ряда посылок.

Во-первых, фразеология призвана служить повышению эффективности коммуникации, обладает свойствами, способствующими результативности общения. В указанной выше работе нами были определены функционально значимые собственно лингвистические характеристики устойчивых оборотов: *узость семантики* (абсолютное большинство ФЕ моносеманлично; редкие случаи многозначности обусловлены функционированием таких оборотов в полидиалектных условиях); *высокая степень точности обозначений* (ср. в номенклатурных системах, например, названия около 40 видов свадебных песен); *широкие семантические связи* (среди ФЕ слабо выражена омонимия, антонимия, но весьма распространено явление синонимии); *экспрессивность* (в языке), *эмоциональность* (в речи) (абсолютное большинство ФЕ стилистически окрашено, является образным и/или употребляется в контексте в соответствующем интонационном оформлении); *информативность* (*информационная насыщенность*) (во ФЕ обнаруживаются социально, этнокультурно, территориально, ассоциативно обусловленные коннотации); *актуальность внутренней формы* (прозрачная / затемненная внутренняя форма определяет собственно лингвистическую и экстралингвистическую базу узуального употребления ФЕ).

Во-вторых, лексика и фразеология определенной лексико-семантической группы, тематической группы (далее – ТГ), тематического поля отражает специфику описываемого явления (феномена) с актуализацией его свойств, качеств и т. п., значимых в данной культуре (с точки зрения народа-номинатора). Данное положение вытекает из многочисленных работ, направленных на изучение языковой картины мира.

Соответственно, в-третьих, народные ФЕ ТГ «Говорение» позволят выявить факторы, содействующие (либо препятствующие) эффективности общения, с позиций русского диалектоносителя.

В продолжение исследования мы задались целью подтвердить последнее положение и заинтересовались аксиологическим, т.е. оценочным, аспектом (в одном из значений аксиология – раздел социологии языка, изучающий систему оценок естественных языков и их элементов [Комлев: URL]). Предпочтение отдано расширительному ракурсу наблюдений, во-первых, не ограничивающемуся этической характеристикой явлений с позиций бинарного противопоставления «хорошо / плохо»; во-вторых, предполагающему либо оценочность в семантике ФЕ (отражается в дефиниции), либо оценочность номинируемого явления (отражается обычно в выборе номинаторами лексики для ФЕ). Мы исходим из мысли, что во ФЕ маркируются *отклонения от нормы*, которые могут быть как в положительную, так и в отрицательную сторону.

Изученные ФЕ ТГ «Говорение» позволяют уточнить и расширить лексико-семантические классификации предшественников. ФЕ указывают на то, что пермский диалектоноситель оценивает три составляющие речевой деятельности (референтный уровень смысла): а) речь как процесс (иначе – собственно речевая деятельность, установление факта / «нуля» речи); б) субъект речи; в) продукт речи. Они характеризуются со следующих позиций (коннотативный уровень смысла): 1) эмотивно-экспрессивный компонент, предполагающий оценку речевой деятельности как вызывающей одобрение, неодобрение, снисхождение и т.п.; 2) оценочный компонент: а) содержательный, предполагающий характеристику речевой деятельности с точки зрения информативности, логичности, полноты смысла, новизны, истинности / ложности, др.; б) формальный, предполагающий характеристику речевой деятельности с точки зрения цели, образа действия, способа действия, времени, места, меры, степени, условий, причин; в) функциональный, предполагающий характеристику речевой деятельности с точки зрения соотносительности с реальностью, прагматики, регулярности / нерегулярности, др.; 3) стилистический компонент, предполагающий характеристику речевой деятельности как обиходной / книжной («культурной», в определении диалектоносителей), книжной / нейтральной / сниженной и т.п.; 4) ассоциативный компонент

(соотносится с предыдущими), отражающий эмоционально-оценочную прагматическую информацию об отношении языкового коллектива к обозначаемому фразеологизмом объекту.

Выявленные ФЕ указывают на то, что диалектоносителями речь оценивается с нескольких сторон. Укажем наиболее часто актуализируемые характеристики и сопроводим их примерами.

Общая оценка высказывания. Выделяется несколько ФЕ, дающих положительную характеристику речи: *кто-либо бойкий на языке* ‘о человеке, хорошо владеющем речью’, *язык с собой носить* ‘хорошо владеть речью’, *говорит как пишет* ‘кто-либо обладает развитой речью’, *слово слово родит* ‘о чьем-либо даре красноречия’, *языком кружевá плетёт* ‘кто-либо обладает красноречием’. Любопытно, что негативной оценке чья-либо речь в целом не подвергается; как отрицательные маркируются лишь отдельные ее стороны, хотя во ФЕ может быть отражено сразу несколько из них, ср. *боронить нетунавину (не своё, не свойску, не свбичко)* ‘говорить много и, по мнению окружающих, попусту и лишнее’.

Информативность высказывания. Наличие в высказываниях более или менее важных сведений естественно, и, как правило, данная характеристика оказывается нейтральной (нулевой) и не маркируется. Бессодержательность же претит носителю традиционной культуры – труженику, и потому «пустое» высказывание, которое не укладывается в понятие «сообщение», воспринимается отрицательно: *раскласть басни* ‘заняться пустыми разговорами’, *набелками хлопать* ‘пустословить’, *плавить плоты* ‘вести пустые разговоры’, *плести нетунаину* ‘болтать пустое, говорить вздор’ и др. Такое времяпрепровождение, заметим, не одобряется, как непродуктивное и потому бессмысленное (ср. *без ниток холст сновать*), а образы при этом преимущественно связаны с трудовой деятельностью.

Отражение целеполагания. Значительное количество диалектных ФЕ, обозначающих процесс говорения, формально ориентировано, причем чаще в аспекте цели, причин высказывания (интенций говорящего): *вваливать в колею* ‘давать наставления, учить’, *кормить нўками* ‘уходить от прямого разговора, от какого-либо обещания, уклончиво соглашаться’, *клясть кости*

‘проклинать’, *мрачить (морочить) мир* ‘обманывать’, *печь мягкие (мяконькие)* ‘обманывать, выдавая за правду что-либо хорошее’, *брать на пыж* ‘дотошно расспрашивать о чем-либо, вызнавать, выведывать что-либо’, *дать (давать) нотацию* ‘сделать (делать) критическое замечание’, *принести покорного клону* ‘попросить прощения’, *спорить да вздорить* ‘пререкаяться, ссориться из-за несогласия в чем-либо’, *ставить песню* ‘говорить что-либо с целью обидеть, упрекнуть в чем-либо’ и т.д. Большинство ФЕ указывает на речевые акты, имеющие негативную, с позиций собеседника, цель.

Цельность высказывания. Это свойство отражается в ФЕ *не выпускать из уст* ‘постоянно говорить о чем-либо, упоминать что-либо в речи’, *наговорить (наказать) алелую* ‘наговорить много лишнего’, *отойти на три лаптя в сторону* ‘перестать говорить на какую-либо тему’, т.п. Примеры немногочисленны; вероятно, постольку, поскольку крестьянам не свойственно произносить пространственные речи. Характерно, что и здесь отмечаются лишь негативно оцениваемые отклонения от нормы.

Доступность изложения оценивается в ФЕ нечасто: *быть не пятое не десятое* ‘о невнятном, бессвязном рассказе’, *говорить в невнятии* ‘говорить то, что недоступно пониманию’, *тонко вязать* ‘интересно, затейливо рассказывать’. Возможно, что и в данном случае отражается интерес к более частным особенностям речи, от совокупности которых зависит в конечном итоге доступность изложения.

Логичность высказывания. В наших материалах обнаруживаем и позитивные, и негативные оценки этого важного параметра сообщения: *говорить (рассказать) добром чередом* ‘рассказывать (рассказать) о чем-либо по порядку, не сбиваясь’, *быть в складу* ‘быть связной, гладкой (о речи, высказывании)’, *(как) буторова борона кто-либо* ‘о том, кто постоянно перескакивает с одной темы на другую’, *забежать в сторону* ‘ошибиться, сбиться с мысли’, *мешаться в говоре* ‘сбиваться с мысли’.

Истинность высказывания. Несоответствие сообщаемого действительности порицается: *откалывать (хлопать и т.п.) баклухи, еркулеса да лукавона выдумывать* ‘рассказывать небылицы’, *знать лихорадку* ‘говорить вздор, ерунду’, *горо-*

дить нетунаину ‘говорить ерунду, чушь’, *смешить становину* ‘говорить вздор, пустяки’, *раскатать пятак* ‘преувеличить’. Даже случайность правильного ответа будет замечена (*попасть в тук* ‘сказать точно, угадать’), так что не лишним оказывается побожиться, уверить в своей правоте: *Батюшко бог, истинный Христос!*

Правдивость говорящего обеспечивает доверие собеседнику. Нарушение требования быть честным вызывает явное неодобрение, которое провоцирует порой проникновение оценочности даже в словарные дефиниции: *сказывать басни* ‘говорить неправду’, *ссечь кривулю* ‘слукавить, сказать неправду’, *молоть пургу* ‘лгать’, *сказка про гуся* ‘вранье’, *шить иголкой без ушка* ‘обманывать, вводить в заблуждение’.

Точность речи. Эффективная речь в норме также должна однозначно передавать мысль, иначе актуализируются обороты *говорить маяком (маяками)* ‘объясняться жестами, намеками’, *сказать надвое* ‘сказать неточно, неопределенно’, *наугад поваятски* ‘(сказать) некстати, невпопад’.

Лаконичность. В народных ФЕ положительно оценивается краткость, но не скупость на слово: *быть как колоколо, колоколо деревянно(е)* ‘о чрезмерно разговорчивом, словоохотливом человеке’, *говорильня работает у кого-либо* ‘о разговорчивом человеке’, *наговорить три вороха (с крутую гору)* ‘рассказать, наговорить избыточно много’, *опеть (все) уши* ‘надоесть разговорами’, *болтать неколёсицу (нетунавину)* ‘пустословить; говорить много лишнего’; *как абыз* ‘о невежливом, малоразговорчивом, непочтительном человеке’.

Экспрессивность. В ФЕ отмечается грубость выражений: *богородица с неба сорок раз валится* ‘об обилии сквернословий в речи’, *большой рот* ‘о грубияне’, *выставлять (подавать, подать) зубы, щёлкать зубами* ‘говорить (поговорить) с кем-либо грубо, дерзко, неуважительно’, *дамка мостовая* ‘о сварливой, бранчливой женщине’, *держат собаку во рту* ‘сквернословить’, *из душеньки в душеньку* ‘чрезмерно грубо, бранно’, *оглоблей в рот въехать* ‘оскорбить, унижить’, *ответ отдать* ‘нагрубить’, *отколет дак только чавкайся* ‘о ком-либо, чрезмерно грубом, несдержанном’, *подавать (подать) голос* ‘пере-

чить, грубить (нагрубить)', *разинуть хавальник (хавало)* 'начать ругаться, грубо, громко кричать', *хру́шко (крупно) молоть* 'говорить резко, грубо', др. Множеству таких ФЕ не противостоит ни одного, связанного с проявлениями вежливости: вероятно, учтивость строго обязательна.

Прагматичность высказывания. Как всякий процесс, говорение должно быть продуктивным, давать ощутимые результаты, ср. *баять – язык маять* 'говорить без пользы' (*С ним баять – только язык маять: ничё не слушат*). Обычно отмечается несвоевременность говорения, мешающего труду (ср. *точить (водить, возить, болтать, разводить, строить) балясы (баляски), балясать лясы, разводить бары* 'проводить, тратить время в разговорах', а также выше – многочисленные примеры, номинирующие бессодержательную речь, болтунов). Разговорчивость и, тем более, болтливость оказывается свойственна бездельникам, тунеядцам.

Уместность речи. Постоянно *высовывать язык* 'проговариваться; говорить лишнее', *звонить ботáлом* 'быть несдержанным на язык' – серьезный недостаток. Несдержанность вербальная неприлична, как неприлично недержание физиологическое: *тёплая вода не держится у кого* 'кто-либо не может сохранить тайну' (ср. также просторечное *тёплая вода в ж... не держится у кого*). Отсюда недоброе пожелание, обычно тому, кто говорит то, что не следует, (*чтоб*) *щипóта тебе на язык (села)*.

Компетентность говорящего также значима. Пермским крестьянином высмеивается тот, кто говорит о предмете, мало известном ему, поскольку он так же смешон, как *борóк на синей нитке* (*борок* – оборка).

Особенности произнесения. Ср. *как мышшь подкопённая* 'слабо, тоненьким голосом', *на всю матушку-деревню* 'очень громко', *некошнým голосом* 'истошно, иступленно', *раз ду-ля-ля-ля* 'о непонятной речи инородцев', *толстый голос* 'грубый, низкий голос'. Часто в таких ФЕ отражаются дефекты речи говорящего: *говорить на шз* 'шепелявить', *каша во рту варится* 'о ком-либо, кто говорит невнятно, косноязычно', *косой (кривой, кривозубой) язык* 'о неправильной, с дефектами произношения речи', *уральский немко* 'о косноязычном человеке'. Од-

нако и полное отсутствие недостатков обращает на себя внимание: *щёлковый язык* ‘о плавной, гладкой речи’.

Во ФЕ могут отражаться только негативно оцениваемые особенности речи, чаще – и негативно, и позитивно, никогда – только позитивно. Преобладание отрицательной оценки в целом свойственно народной номинации. Предполагаем зависимость закономерности от представлений творцов ФЕ о границах нормы: естественное не нуждается в вербализации, маркируются отклонения от стандарта речевого поведения. И потому, например, осуждается неуместность высказывания или некомпетентность говорящего, но допускаются логические нарушения, естественным образом возникающие в спонтанной устной речи.

Характеристика речи в ФЕ дается преимущественно «от противного»: в них преобладает негативная оценка, что в целом свойственно народной номинации. Например, в пермском материале обнаруживаем ряд фразеологизмов, в которых отражается такая характеристика говорящего, речи, высказывания, как грубость (ср.: *большой рот* ‘о грубияне’, *подавать (подать) голос* ‘перечить, грубить (нагрубить)’, *выставлять (подавать, подать) зубы* ‘говорить (поговорить) с кем-либо грубо, дерзко, неуважительно’, *из душеньки в душеньку* ‘чрезмерно грубо, бранно’, *оглоблей в рот въехать* ‘оскорбить, унизить’, *отколет дак только чавкайся* ‘о ком-либо, чрезмерно грубом, несдержанном’, *разинуть хавальник (хавало)* ‘начать ругаться, грубо, громко кричать’, *хрушко (крупно) молоть* ‘говорить резко, грубо’, *щёлкать зубами* ‘грубить’ и др.), и ни одного, который был бы связан с понятием вежливости.

Наибольшей критике, кроме грубости, подвергается бессодержательная речь (в силу ее бесцельности и бесполезности), болтливость, любовь к сплетням, иначе говоря – склонность человека к много-, пусто- и злословию (ср.: *звонить боталом* ‘быть несдержанным на язык’, *как худое колоколо (помело)*, *худая становина, язык на простом (полом) месте (на просторе) у кого-либо* ‘о (чрезмерно) болтливом человеке’, *наболтать как молотильной палкой, оторощить все уши* ‘много наговорить, надоесть своей болтовней’, *щёлкуша начётистая* ‘болтунья’; *ломать язык, разводиться тары-бары* ‘вести пустые

разговоры, говорить о пустяках; пустословить’, *худое ляпало, язык на полом месте* ‘о пустослове’; *переломить косточки* ‘позлословить’, *перемота (перемоты) класть* ‘сплетничая, ссорить людей, сеять вражду’, *как корова рогатая, как собака на цепи* ‘о злом, сварливом человеке’).

Итак, в изученных ФЕ отражаются критерии эффективного высказывания, актуальные для традиционной народной культуры, причем эти критерии естественным образом аналогичны тем, которые выработаны в отношении текстов носителей литературного языка; аспекты и критерии оценивания универсальны. Подход в оценивании говорения, его продукта, говорящего преимущественно «негативный». Специфику отражения ценностных ориентиров в устойчивых оборотах определяет граница нормы в представлениях диалектоносителей. Ядро нормы – нейтральные и «хорошие» характеристики, в ФЕ номинируются факты отклонения от него, отражающие полярные представления о «плохом» (которое очевидно и частотно) и «очень хорошем» (которое очевидно, но крайне редко). Наиболее часто оцениваются негативно те особенности акта говорения, которые связаны с содержательной стороной речи, что указывает на особую ее значимость для диалектоносителей. Отсутствуют обороты с характеристикой объекта речи; полагаем, в народных ФЕ отражены ценностные ориентиры слушателя. В идеале русский крестьянин – это, скорее, человек слушающий, который говорит только при необходимости и по существу.

ЛИТЕРАТУРА

Богачева М.В. Эффективность слова в ситуации устного общения (на материале русской диалектной фразеологии) // «Slowa, slowa, slowa...» w komunikacji jezykowej III. – Gdansk, 2011. С. 27–37.

Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. – URL: <http://enc-dic.com/sociology/Aksiologija-91.html>.

СЛОВАРИ И ИСТОЧНИКИ

Подюков И.А., Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Усольские древности. Сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX–XX вв. – Усолье; Соликамск; Березники, 2004.

Подюков И.А., Поздеева С.М., Свалова Е.Н., Хоробрых С.В., Черных А.В. Словарь русских говоров Южного Прикамья. – Пермь, 2010. Вып. I; Пермь, 2012а. Вып. II; Пермь, 2012б. Вып. III.

Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. – Усолье, Соликамск; Березники; Пермь, 2004.

Подюков И.А., Черных А.В., Хоробрых С.В. Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. – Пермь, 2006.

Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров – Пермь 2002.

Русские говоры севера Пермского края: хрестоматия. (В рукописи.)

Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области. – Пермь, 1984–2011. Вып. 1–6.

Словарь пермских говоров: в 2 т. – Пермь, 2000–2002.

Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. – Пермь, 2006.

Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И.И. Русинова. – Пермь, 2011. Вып. 1: А–В; картотека: Г–Я.

© Боброва М.В., 2013

О.А. ДАНИЛОВА

(МБОУСОШ № 142, г. Екатеринбург, Россия)

УДК 811.161.1'42

ББК Ш141.2-7

МЕТРОНИМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ ГОРНОГО ЩИТА

Аннотация. В работе представлено лингвокогнитивное и лингвокультурное описание метронимов (терминов родства) на материале рецептивного и ассоциативных экспериментов, проведенных в селе Горный Щит Чкаловского района г. Екатеринбурга. Раскрыты существенные характеристики такого важного языкового феномена, как семья.

Ключевые слова: рецептивный эксперимент, лингвистический направленный и свободный ассоциативный эксперименты, гипероним *семья*, термины родства, термины свойства, термины неродственных отношений.

Будучи общечеловеческой «универсалией», семья, играя роль ячейки общества, является зеркалом, в котором отражаются социальные, правовые, демографические, культурные стороны жизни народов. Множество семей разных социальных слоев составляют в целом общество и отражают сложную палитру системы общественных отношений. Передаваемые из поколения в поколение нормы семейного поведения становятся безусловными традициями, направляющими образ жизни и образ мышления людей в определенное русло.

Наверное, человек, у которого много родственников, должен ощущать себя счастливым. Он не одинок, знает, что такое тепло домашнего очага. У него есть возможность гордиться мудростью родителей, успехами детей. Он защищен: в трудную минуту всегда найдутся те, кто протянет руку помощи, поможет и словом, и делом. Ему не в тягость будни, потому что, выполняя свои обязанности, он заботится о близких. Радостны праздники, потому что есть возможность вместе с членами семьи отдохнуть, заняться любимым делом, отметить торжество. Старость тоже не страшна, потому что человек не одинок.

Но есть и другая сторона медали: хорошо, если никто не пристаёт со своими мудрыми советами, если не приходится переживать из-за проблем, которые доставляют дети, если никто не учит «жить» и сгоряча не грозит «карами небесными».

Современному миру свойственен парадокс: родственники порой устают друг от друга, а одинокие люди мечтают о ком-нибудь заботиться. Поэтому современные семьи так не похожи друг на друга. У одних тесные крепкие связи, многочисленная родня. Круг иных значительно уже: мать, отец, бабушка, дедушка, брат, сестра...

Терминология родства достаточно сложна. В силу этого и определенных социально-экономических проблем сегодня основательно забыта. Думается, в быту мы пользуемся не более чем десятью самыми известными определениями и порой вынуждены прибегать к словесным нагромождениям: «Он – брат моего мужа, она – жена брата моего мужа». А ведь в русском языке для каждого родственника есть свое название, а за каждым названием – веками устоявшиеся представления, культура взаимоотношений, история семьи. Такую роскошь может себе позволить далеко не каждый народ.

Какова же роль метронимов в современном языке? Для ответа на вопрос обратимся к результатам лингвистического исследования.

На первом этапе исследования применялись прием частичной выборки, дефиниционный и компонентный анализ. Источниками извлечения материала стали данные словарей различного типа: Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах В.И. Даля (2006); Иллюстрированный словарь русского языка В.И. Даля (2007); Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1999); Комплексный словарь русского языка А.Н. Тихонова (2005), Тематический словарь лексики говоров Среднего Урала К.И. Демидовой (2009), электронные ресурсы.

На втором этапе исследования применялся комплекс экспериментальных методик, позволяющих выявить содержание составляющих гиперонима *семья*, дать им характеристику, опре-

делить, какие именно метронимы активно употребляются в речи современными носителями языка.

Рецептивный эксперимент (эксперимент на понимание, восприятие термина, его субъективную дефиницию) проводился методом анкетирования с вопросами типа:

- Как вы понимаете лексическое значение слова *свекор*?
- Как вы понимаете лексическое значение слова *тесть*?
- Как вы понимаете лексическое значение слова *зять*?
- Как вы понимаете лексическое значение слова *деверь*?
- Как вы понимаете лексическое значение слова *шурин*?
- Как вы понимаете лексическое значение слова *крестный*, *крестник*?

Направленный ассоциативный эксперимент обеспечивал выявление смыслового наполнения таких лексем, как *семья*, *близкие родственники*, *дальние родственники* и иных метронимов, употребляемых в кругу семьи испытуемых.

Свободный ассоциативный эксперимент предполагал ответы на следующие вопросы:

- Какие ассоциации вызывает у вас слово *семья*?
- Какие ассоциации вызывают у вас слова *папа*, *мама*?
- Какие ассоциации вызывают у вас слова *муж*, *жена*?
- Какие ассоциации вызывают у вас слова *сын*, *дочь*?
- Какие ассоциации вызывают у вас слова *брат*, *сестра*?
- Какие ассоциации вызывают у вас слова *дедушка*, *бабушка*?

Анализ собранного нами материала в соответствии с поставленными задачами обусловил следующую гипотезу: «Метронимы – языковой фактор, свидетельствующий о том, что семья как социальный институт – явление, подверженное тенденциям времени».

Обратимся к результатам экспериментов и выявим частотность употребления метронимов в речи жителей села Горный Щит (микрорайона современного мегаполиса Екатеринбурга) и проанализируем смысловое наполнение используемых терминов родства.

Лингвистическое поведение говорящего обусловлено его социально-экономическим статусом. Статистическая и качественная характеристика респондентов такова.

Возрастной состав:

- старшее поколение (60 лет и старше) – 13 %;
- среднее поколение (от 30 до 60 лет) – 10 %;
- младшее поколение (до 30 лет) – 77 %.

Гендерный признак:

- лица мужского пола – 36 %;
- лица женского пола – 64 %.

Образование:

- незаконченное основное общее – 58 %;
- основное общее – 19 %;
- среднее образование – 2 %;
- среднее специальное – 5 %;
- высшее образование – 16 %.

Социальный статус:

- обучающиеся (школьники) – 77 %;
- работающие – 23 %;
- неработающие – 0 %.

Профессиональный статус:

- медицинские работники – 4 %;
- работники сферы образования – 12 %;
- работники промышленной сферы – 0 %;
- работники аграрной сферы – 0 %;
- работники сферы обслуживания – 7 %.

Критерии оценивания информации, данной респондентами:

1. Знание, понимание семантики лексемы.
2. Восприятие лексемы (эмоционально-личностное отношение респондента к конкретным метронимам).
3. Особенность субъективной дефиниции (ценностные составляющие, воплощенные в языковом сознании).

Лексический материал представлял собой комплекс метронимов, классифицированных следующим образом: термины родства, термины свойства, термины неродственных отношений.

Первую группу составили лексемы: *мама, папа, сын, дочь, брат, сестра, бабушка, дедушка.*

Вторую: *муж, жена, свёкр (свёкор), свекровь, тесть, теща, сваты, невестка, зять, золовка, деверь, шурин.*

В третью вошли такие метронимы, как *крестный*, *крестная*, *крестник*.

Результаты рецептивного эксперимента показали, что 100% представителей среднего и старшего поколений верно трактует термины родства, термины свойства и предложенные термины неродственных отношений. Единичный вариант некорректных дефиниций: *крестный* – «*присутствующий при крещении*», *крестник* – «*внук*». Причем лица мужского пола дали точные, лаконичные определения, а лица женского пола – образные, метафорические, развернутые: «*тот, кто крестит ребенка, отвечает за него перед Богом*» (про *крестного*), «*вторая мать*», «*духовная мать*» (про *крестную*), «*ребенок, за кого ты отвечаешь перед Богом*», «*человек, принявший православную веру*» (про *крестника*).

Учащиеся 4 класса (возрастная группа 9–10 лет).

Терминами родства владеют все респонденты (100 %). В толковании терминов свойства 64 % испытуемых допускают ошибки, причем мальчики владеют терминологией лучше, чем девочки (74 % и 26 % соответственно). В основном респонденты ошибаются в толковании таких метронимов, как свёкор, свекровь: «*вторая мама жены*», «*дальняя родственница со стороны папы*», «*дальний родственник со стороны папы*», «*второй папа жены*»; сваты: «*те, кто организуют свадьбу, женят одного человека на другом*», «*брат и сестра*»; невестка: «*девушка или женщина, вступающая в брак*», «*невеста жениха*», «*вторая дочка*», «*замужняя женщина*». Современные носители языка отождествляют лексемы «невеста» и «невестка». Среди дефиниций лексем *крестный*, *крестная*, *крестник* преобладают истолкования типа «*духовный отец / мать*», «*духовное чадо*».

Учащиеся 6 класса (возрастная группа 11–12 лет).

Терминами родства владеют все респонденты (100 %). В толковании терминов свойства 21 % испытуемых допускает ошибки, причем и в этой возрастной группе мальчики владеют терминологией лучше, чем девочки (64 % и 36 % соответственно). В основном респонденты ошибаются в толковании таких метронимов, как свекор, свекровь: «*мама невесты*», «*та, которая выдает замуж*», «*жена мужа*», «*тот, который выдает*

замуж», «муж дочери»; сваты: «родители жениха», «те, которые сводят людей», «люди, которые сватают», «получают согласие на свадьбу», «родственники жены»; невестка: «та, которой сделали предложение, она согласилась», «девушка, которая выходит замуж за жениха», «будущая жена», «жена», «девушка, которую ты любишь»; золовка: «жена сына», «золотая вещь»; зять: «будущий муж», «жених», «папа невестки»; деверь: «дверь». Испытуемые путают метронимы *деверь* и *шурин*, вместо «*брат мужа*», отвечают «*брат жены*» и наоборот.

Учащиеся 8 класса (возрастная группа 13–14 лет).

Терминами родства владеют все респонденты (100 %). В толковании терминов свойства 51 % испытуемых допускает ошибки. В основном респонденты ошибаются в толковании таких метронимов, как *тесть*: «*второй отец*», «*папа жениха*», «*отец мужа*»; сваты: «*те, которые сводят людей*», «*друзья*», «*пара*», «*родители жены*», «*люди, которые сватают*», «*семья*»; невестка: «*почти жена*», «*девушка, которая выходит замуж*», «*девушка, которая выходит замуж за жениха*», «*будущая жена*»; зять «*папа мужа*», «*папа для бабушки*», «*папа жены*». Испытуемые не знают, каково лексическое значение метронимов *золовка*, *деверь* и *шурин* (98 %). Девочки предполагают, что *шурин* - это «*друг мужа*».

Учащиеся 10 класса (возрастная группа 15–16 лет).

Терминами родства владеют все респонденты (100 %). В толковании терминов свойства 48% испытуемых допускает ошибки, девочки владеют терминологией лучше, чем мальчики (66 % и 44 % соответственно). В основном респонденты ошибаются в толковании таких метронимов, как сваты: «*родители жены*», «*родители жениха*», «*свадьба*»; невеста: «*девушка*», «*жена дочки*». Мальчики не знают, каково лексическое значение метронимов *золовка*, *деверь* и *шурин* (100 %), также мальчики не знают лексическое значение метронимов неродственных отношений: *крестный* / *крестная* / *крестник*: «*кто крестит*» (о крестнике), «*дядя, после того, как крестили*» (о крестном), «*тётя, после того, как крестили*» (о крестной).

Данные рецептивного эксперимента свидетельствуют о следующем.

Знание, понимание семантики лексем

1. Анализируемые термины родства, свойства, неродственных отношений входят в активный словарный запас представителей среднего и старшего поколений. Словоупотребление соответствует литературной норме.

2. Представители младшего поколения владеют терминами родства, но большая часть респондентов (возрастная группа 9–10; 11–12; 13–14 лет) не владеет терминами свойства, допускает ошибки в их толковании, не знает значения метронимов.

3. 48 % респондентов, имеющих основное общее образование (15–16 лет), знает, каково лексическое значение терминов свойства.

4. Толкование терминов неродственных отношений не вызывает затруднений у респондентов.

Восприятие лексем

(эмоционально-личностное отношение респондентов к конкретным метронимам)

1. Для представителей среднего и старшего поколений наиболее частотными реакциями на термины родства и термины свойства явились лексемы, входящие в состав гиперонима СЕМЬЯ, их функция – словесное описание стимульного слова слова: свекор – «отец мужа», свекровь – «мать мужа», сваты – «родители мужа или родители жены». Все они входят в состав общеупотребительной лексики, нейтрально окрашены.

2. Представители младшего поколения в составе дефиниций терминов родства и свойства чаще всего используют вариативные лексемы *papa*, *мама*, *дедушка* вместо нейтральных *отец*, *мать*, *дед*. Этот факт свидетельствует о высоком ранге этих лексем в языковом сознании респондентов младшего поколения.

3. Дефиниции терминов свойства и неродственных отношений не несут в себе эмоционально-оценочных характеристик.

Особенность субъективной дефиниции

(ценностные составляющие,

воплощенные в языковом сознании)

Рецептивный эксперимент показал, что ценностные составляющие отражены в большей мере в дефинициях терминов неродственных отношений. Это выражено в таких лексемах, как

Бог, ответственность, духовный, наставник. Данная тенденция свойственна представителям всех возрастных групп, но в большей мере выражена в ответах представителей среднего и старшего поколения.

Вызывают несомненный интерес материалы ассоциативных экспериментов, как направленного, так и свободного.

Так, лексемы *семья, папа, мама, бабушка* у представителей старшего, среднего и младшего поколения вызывает следующие ассоциации.

СЕМЬЯ: «четыре человека с улыбкой на лице», «тепло, свет, добро», «взаимопонимание, тепло семейного очага», «дружба, взаимовыручка, понимание», «сын, дом, мама, папа, Саша, Вика, Кирилл, кошки, печка», «семь – Я», «мир, любовь, согласие», «папа, мама, дети», «обязательно должна быть у каждого человека, там, где его любят», «большая, интересная, веселая», «счастье, веселье, благополучие, жизнь», «папа, мама, брат и я», «дом, свет», «ячейка, любовь, общее», «жизнь, уют».

ПАПА: «друг и советник», «глава, надежность», «любовь, сила, мудрость», «отец моему ребенку, защитник, добытчик, глава семьи», «спокойствие, защита, крепость», «непробиваемая стена», «Олег, баня, дом, кошки», «человек, который всегда может прийти на помощь», «забота, опора». «солнечно, тепло, добрые руки, любовь», «башня, защитница, утешение, миление», «самое дорогое что есть», «теплота, моя подруга», «надежность, теплота», «оберегает детей», «жизнь».

МАМА: «красивая, лучшая, моя», «хорошая, добрая, милая», «любимая, родная», «человек, который в трудную минуту поддержит», «дом, семья, счастье, красота, любовь, забота, нежность».

БАБУШКА: «любимая, позитивная, ответственная, веселая, мудрая, толерантная», «пирог, носки, кофты, шарфы, любовь, блины», «заботливая, добрая», «лучшая в мире», «добрая, всегда готова всем помочь, трудолюбивая», «самая добрая, нежная женщина, всегда помогает», «забота, семья, пирожки».

СЫН: «помощник папы и мамы», «добрый, понимающий, послушный», «папа + мама», «маленький, умный, спортивный», «надежда, гордость, любовь», «самый лучший, непослушный».

сынулька», «упорство, борьба, любовь, близкий человек», «любящий ребенок», «защитник матери», «игривый мальши, милый, смышленный», «продолжение рода», «будущий защитник».

ДОЧЬ: «семья, понимание, защита», «нежная, скромная, счастливая», «маленькая, родная, радость жизни» «помощница мамы», «облачко», «любовь, понимание, радость», «красавица, умница», «девочка с куклами», «родная кровь, кровинушка, любовь».

БРАТ: «заступник», «сила воли», «счастье, защита, мощь, выручка, любовь», «веселье», «храбрость, ум, сила», «надежная опора», «друг, всегда поможет».

СЕСТРА: «помощница», «доверие», «радость», «близкая подруга», «вторая я», «маленькая, нуждающаяся в помощи, веселая, толерантная», «добрая, милая», «игра, помощь», «та, кто всегда поможет», «прикольная, любимая, умная».

МУЖ: «сила, храбрость, доброта, уважение», «заботливый, храбрый защитник семьи», «человек, с которым ты идешь по жизни», «любовь, свадьба, взаимопонимание, верность», «как за каменной семьей, сила характера», «король, хозяин», «солидный молодой человек».

ЖЕНА: «женищина, которую ты любишь», «хозяйка, добрая», «мама, которая женилась на папе», «любовь, счастье, слабость, трудолюбие, радость», «любовь, очаг, уют», «хранительница семейного очага», «моя, семья, дети, счастье», «любящая своего мужа», «труд, работа, уборка».

ДЕДУШКА: «глава рода», «доброта, забота», «любовь, счастье, радость, гордость», «мудрость», «уважение, семья, мудрость, опытность, вера», «ветеран, спец своего дела», «веселый ворчун», «любимый, добрый, веселый, ответственный помогающий, мудрый, толерантный», «заботливый, добрый», «его нужно уважать, отзывчивый».

Данные ассоциативных экспериментов таковы.

Знание, понимание семантики лексем

1. Направленный ассоциативный эксперимент подтвердил данные рецептивного эксперимента: термины родства входят в активный словарный запас представителей и старшего, и среднего, и младшего поколений, термины свойства, неродственных

отношений входят в активный словарный запас представителей среднего и старшего поколений, составляют пассивный состав лексики для представителей младшего поколения.

2. Выявлена интересная закономерность: к членам семьи, как к близким, так и к дальним родственникам, к тем, кто вступил в поле семьи после заключения брака, к лицам среднего и старшего поколения, обращаются по имени, исключая слова типа *тетя, дядя, невестка, зять* и т.п.

Восприятие лексем

(эмоционально-личностное отношение респондентов к конкретным метронимам)

1. Ассоциаты, связанные с терминами родства, несут в себе в целом положительную оценку, эмоционально и личностно окрашены. Эта тенденция свойственна как лицам женского пола, так и мужского, представителям всех возрастных групп: среднее и старшее поколение – 95%, младшее поколение (9–10 лет – 98 %; 11–12 лет – 100 %; 13–14 лет – 100 %; 15–16 лет – 100 %).

2. В единичных случаях терминам родства дается нейтральная характеристика, например: *семья* – «союз, ячейка общества, коллектив», «группа родственников»; *сын* – «ребенок мужского пола, которого ты вырастил».

3. Единичные отрицательные ассоциации вызвали лексемы *сын* «ребенок, уроки, проблемы», *брат* «маленький ребенок, учить, драться, ругать», *муж* «порог, баня, пиво».

Особенность субъективной дефиниции

(ценностные составляющие, воплощенные в языковом сознании)

1. Ассоциативные эксперименты показали, что ценностные составляющие отражены в большей мере в дефинициях терминов свойства.

2. Это выражено в таких наиболее частотных лексемах, как *любовь, счастье, жизнь* (младшее поколение: 9–10 лет); *любовь, счастье, добро, труд* (младшее поколение: 11–12 лет); *любовь, добро, жизнь, сила, хороший, толерантный* (младшее поколение: 13–14 лет); *любовь, добро, забота, род, родня* (младшее

поколение: 15–16 лет); *любовь, дружба, забота* (среднее и старшее поколение).

3. Лексемы *Бог, ответственность, духовный, наставник* - являются частотными в составе дефиниций терминов неродственных отношений в ответах представителей среднего и старшего поколения.

Таким образом, термины родства входят в активный словарный запас респондентов. Термины свойства и неродственных отношений составляют пассивный пласт лексики. Старшее и среднее поколение владеет терминологией, представители молодого поколения часто допускают ошибки в их толковании или не знают значения лексем. Этот факт объясняется следующим: численный состав современных семей незначителен (часть респондентов живет в неполных семьях), соответственно утрачена необходимость пользоваться терминами свойства. При этом семейные связи не утрачены, об этом свидетельствуют дефиниции терминов родства, свойства и неродственных отношений. Они эмоционально окрашены, несут в себе положительный заряд (96%), связаны с такими общечеловеческими ценностями как любовь, взаимопонимание, доброта, забота и т.п.

Лица мужского пола лучше владеют метронимами, чем лица женского пола. Этот факт респонденты объяснили так: *Мужчины раньше начинают задумываться о том, кто я такой, почему я такой, каков мой род, мои корни, чем моя семья отличается от других семей, чем знамениты мои родственники*. Такая рефлексия осуществляется уже в отроческом и юношеском возрасте. Мужчинам свойственно прогнозировать будущее, потому что они по природе своей должны быть главой семьи, рода. Горный Щит – сельская местность, здесь сильны патриархальные национальные традиции: глава семьи – мужчина, на его плечах лежит ответственность за семью, забота обо всех членах семьи. Лица женского пола воспринимают семью как данность, как основу жизни, принимают такой, какая она есть, со всеми с её плюсами и минусами.

Горный Щит как составная часть мегаполиса подвержен социально-экономическим изменениям. Но в силу того, что он территориально отдален от Екатеринбурга, его отличает само-

бытный, деревенский уклад жизни (со своими нормами, правилами, обычаями, традициями). Это находит отражение и в сфере употребления метронимов.

Проведенные эксперименты позволили сделать следующие **выводы:**

1. Изучаемый языковой пласт представляет большой интерес для лингвистов. При описании языковых явлений полевой (экспериментальный) подход является весьма плодотворным, поскольку он помогает выявить системную организацию языка.

2. Метронимы в русском языке представляют собой не только языковую, но и культурную систему, изменяющуюся со временем.

3. Большинство лексем со временем вышли из употребления в связи с изменившимся обществом (*ятровь, нестера, братанич, свесть, стрый, уй, нети, швагер, кмотр, куепетра, сестренич, вотчим, дочь, братуядо, крестовые и др.*).

4. Данному пласту лексики свойственна и семантическая деривация – процесс типичный для национального русского языка.

5. Современным носителям языка свойственна тенденция к упрощению: современная употребительная лексика обслуживает только «малую» семью, состоящую из ближайших родственников, обычно живущих вместе.

6. Гипероним *семья* – базовый для русского национального сообщества. Он имеет сложную структуру, этот факт подтверждает противоречивый характер семейных отношений, присущих современному российскому обществу. Универсальный гипероним *семья* не является сформировавшимся, это изменяющееся языковое явление.

Заявленная гипотеза нуждается в корректировке: «Метронимы как языковой фактор подвержены тенденциям времени; семья как социальный институт своей значимости не теряет».

ЛИТЕРАТУРА

Калужнин Л.А., Скоруходько Э.Ф. Некоторые замечания о лексической семантике (на материале терминологии родства и свойства) //

Исследования по структурной типологии / Отв. ред. Т.Н. Молошная. – М., 1963. С. 183–199.

Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л., 1986.

Моисеев А.И. Термины родства в современном русском языке // Филологические науки. 1963. № 3. С. 120–132.

Сарыбаева М.Ш. Система обозначения родства в английском, русском и казахском языках: дис.: канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1991.

Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. – М., 1959.

© Данилова О.А., 2013

А.П. СЕДЫХ

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия)

УДК 81'27
ББК Ш100.3

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются способы оптимизации межкультурной компетенции на основе освоения ключевых концептов и культурных событий чужих культур. Предлагается определять параметры межкультурной компетенции по отношению к четырем уровням функционирования языковой личности: когнитивному, семантическому, прагматическому и коммуникативному. Пути оптимизации межкультурной компетенции видятся в русле формирования языковой личности нового типа, способной адекватно воспринимать чужую культуру, оставаясь на позициях креативности по отношению к собственным культурными корнями.

Ключевые слова: языковая личность, межкультурная компетенция, национальный концепт, культурное событие, языковая креативность, коммуникативное поведение.

Язык трактуется как аналог человека в процессе коммуникативной деятельности. Конвенциональность семантики обусловлена универсальными законами развития языка и связана с особенностями функционирования когнитивных структур в процессе коммуникации. Языковая компетентность личности формируется в русле реализации коммуникативных установок. Речевое действие может рассматриваться как мифологическая субстанция, наделенная этнокультурным кодом. Качественные характеристики универсальных архетипов актуализируются в тенденциях коммуникативного поведения нации в этнокультурном преломлении.

Речевой узус обладает ярко выраженными этнокультурными признаками. Он обусловлен комплексом общенациональных аксиологических доминант и носит динамически преломляющийся в процессе коммуникации индивидуально-психологический характер реализации предпочтительных моделей поведения.

Выбор ориентирующих признаков узуса соотносится с риторическим идеалом нации, который отражает идеальные представления носителей общенационального языка о способах успешной коммуникации.

В процессе преподавания иностранного языка мы рассматриваем межкультурную коммуникацию как общение языковых личностей, принадлежащих различным лингвокультурным сообществам. Коммуникация трактуется в семиотическом плане, то есть может быть вербальной (язык) и невербальной (жесты, музыка, живопись и пр.), но прежде всего знаковой, релевантной для каждой из культур. Здесь на первый план выходят общекультурные свойства языковой личности. Точнее говоря, способность языковой личности, вступающей в контакт с аллофоном, выходить за пределы своей национальной культуры, воспринимать чужую культуру, не теряя при этом связи со своими культурными корнями.

Специфика межкультурной коммуникации наиболее явно проявляется при анализе отрицательного материала, то есть коммуникативных неудач, которые не только мешают общению, но и провоцируют межкультурные конфликты. Причины коммуникативных неудач могут быть различны и обусловлены не только незнанием кода (языка), но и отсутствием фоновых знаний.

До недавнего времени проблемы межкультурной коммуникации были предметом дискуссий преимущественно в сфере преподавания иностранных языков. Сегодня есть все основания рассматривать эти проблемы в новом образовательном контексте, иными словами, в русле актуальных явлений глобализации и интернационализации. Процессы глобализации предполагают известную универсализацию и, тем самым, неизбежное нивелирование национальных начал. Поэтому на первый план выступает изучение процессов и перспектив формирования интернационализированной личности.

Цель – формирование «межкультурной компетенции» на основе учёта социокультурных различий. Данный аспект находит отражение и в официальных решениях Европейского сообщества, которые можно трактовать в русле восприимчивости к социокультурным различиям, что является неперенным усло-

вием эффективности коммуникативного взаимодействия с носителем другого языка. Таким образом, ориентация на различия между народами и культурами выступает в современном мире как универсальная тенденция.

На смену идеологическому противостоянию Запада и Востока, в котором национально-культурное, как правило, становилось заложником геополитических игр, приходит иная концептуальная парадигма, стимулирующая рост национального самосознания. Развитие антиглобалистских движений в европейских странах подтверждает данный вывод. Это не означает свёртывания межкультурных контактов, напротив, контакты ширятся, и люди хотят все больше и больше знать о жизни и культуре таких же граждан, как и они, в других странах. И здесь на первый план выступает то, что можно назвать термином «межкультурная грамотность». Речь идёт о формировании у коммуникантов способности к проникновению в контактирующие культуры.

Проникновение в чужую культуру возможно на нескольких уровнях – от осознания факта существования иного мировосприятия и его личностной адаптации до достижения взаимного культурного консенсуса. При этом в процессе межкультурных контактов человек должен выступать в своей творческой ипостаси, то есть соответствовать не просто обыденному уровню коммуникации, а осуществлять ответственный языковой поступок (мы, здесь и сейчас), который сродни культурному событию.

Под культурными событиями понимаются непреходящие духовные ценности этноса («Песнь о Роланде», замки на Луаре; американский джаз, Нью-Йорк как воплощение американской мечты; «Слово о полку Игореве», «Троица» Андрея Рублёва»).

К культурным событиям относятся значимые для каждой эпохи имена и тексты культуры («Страсбургские клятвы», полотно французских импрессионистов; Декларация независимости США, «Над пропастью во ржи» Джерома Селинджера; «Азбука» Ивана Федорова, «Житие протопопа Аввакума» или искусство русского авангарда), а также исторические события, сыгравшие судьбоносную роль в развитии национальной культуры.

Межкультурная коммуникация в высококультурном смысле невозможна без обращения к ключевым концептам каждой этнокультуры (добро / зло; жизнь / смерть; любовь / ненависть), в которых отражается уникальный дух народа. Каждая культура обладает набором текстов, отражающих свои культурные доминанты. Для французского мира это «Сид» Корнеля, «Отверженные» Виктора Гюго, «В поисках утраченного времени» Марселя Пруста, творчество Жана Люка Годара и Люка Бессона. Для Америки – мультипликация Уолта Диснея и голливудские оscarоносные кинематографические полотна. Для русской культуры – «Гамлет» У. Шекспира (в переводе Б. Пастернака), творчество В. Высоцкого, фильмы Эйзенштейна, Э. Рязанова «Берегись автомобиля», комедии Гайдая и фильмы Н. Михалкова.

К сожалению, в современном мире уже почти не осталось стран и культур, которые не были бы затронуты процессами глобализации. Приезжая во Францию, США, Китай, в любую европейскую или азиатскую страну, человек сталкивается с идентичным визуальным рядом: одинаковыми супермаркетами, бутиками, телевизионными передачами, обложками журналов, одинаково одетыми людьми. Есть опасность, что поведенческие параметры национальных культур могут исчезнуть или превратятся в бездарную имитацию.

К счастью, в мире продолжают существовать и пользоваться огромной популярностью национальные (часто ставшие международными) праздники, карнавалы (Венеция, Бразилия), фieste, фестивали, испанская коррида, русская масленица, французское «Божоле нуво» (*Le Beaujolais nouveau est arrivé*), «Октоберфест» в Баварии и др. Каждый народ стал более бережно относиться к своим историческим корням, языку, традициям и даже национальным костюмам.

К значимым культурным событиям новейшей истории Франции, например, можно отнести публикацию целого ряда словарей, посвященных региональным особенностям языка: «Le parler normand», «Proverbes et dictons provençaux», «Les parlers alsaciens», «Petit dictionnaire des plus belles injures bretonnes», «Les mots pour dire la Savoie», «A la queue leu leu. Origines d'une ribambelle d'expressions populaires» и др. Данное явление можно

рассматривать как одну из форм сохранения национально-специфического под натиском глобализации.

Современный человек испытывает ещё одни мощнейший глобализационный натиск – Интернет. Мировое киберпространство не только расширяет зону идентификации языковой личности, но вместе с тем нивелирует и обезличивает межкультурную компетенцию индивида.

В этом контексте интернационализацию личности через изучение иностранных языков и культуры можно рассматривать как путь к национально-культурной самоидентификации. Изучение иностранных языков и культур объективно становится одним из средств культурного противодействия глобализационным процессам на основе усвоения типологических характеристик языковой личности.

Говоря о необходимости использования типологии личности в преподавании иностранных языков, мы имеем в виду типологические характеристики национальной языковой личности, которая трактуется как гипотетическая модель актуализации дихотомии язык-речь, репрезентирующая в обобщенном виде «идеального» (по М. Веберу) носителя этнокультурных характеристик в динамике реализации национальных параметров коммуникации.

Целесообразность формирования нового типа творческой языковой личности, направленной на успешную межкультурную коммуникацию, не вызывает сомнений. Сегодня недостаточно одних умений и навыков грамматически правильного употребления языкового материала. Необходимо не только подготовить лексико-грамматическую базу образцового владения языковой формой, но и сформировать у коммуниканта «алгоритм» позитивной результативности в процессе совместной деятельности с представителями иноязычной культуры.

В современных условиях обучающийся должен быть ориентирован на определенный тип языкового поведения, связанный с доминантными этнокультурными признаками коммуникации представителей страны изучаемого языка. Предлагается определять параметры языкового поведения по отношению к четырем уровням функционирования личности: когнитивному,

семантическому, прагматическому и коммуникативному. Данная комплексная модель языковой личности позволяет рассматривать интерперсональное общение как сеть связей и отношений, обусловленных свойствами языка и культуры. Каждый уровень соотносится с конкретным типом вербализации национальных концептов, освоение которых обучающимся может стать залогом адекватности коммуникативной деятельности.

© Седых А.П., 2013

Л.С. ЧЕЧУЛИНА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 372.88.161.1
ББК Ч426.819=411.2.21

КОНСТРУИРОВАНИЕ – ТЕХНОЛОГИЯ ДЛЯ КИНЕСТЕТИКОВ

Аннотация. В статье представлены типы упражнений по конструированию, направленные на активизацию кинестетической модальности учащихся при изучении темы «Морфемика и словообразование». Внедрение предложенных заданий в практику преподавания русского языка должно способствовать развитию аналитических способностей учащихся.

Ключевые слова: педтехнология, кинестетики, задания, конструирование, морфемика, словообразование.

Современные педагогические методики практически не учитывают каналы восприятия информации с целью дифференциации обучения детей родному языку. Опыт изучения кинестетиков, которые входят в группу так называемых «детей риска», показывает, что большинство из неуспешных в учебной деятельности детей составляют кинестетики, так как задания в учебниках не ориентированы на них и учитель чаще всего учитывает визуальный и аудиальный каналы восприятия информации.

Как бы мы ни думали, как бы ни представляли себе мир, всё закодировано в репрезентативных системах (или модальностях). В психологии понятие репрезентативных систем появилось в XX веке и толкуется как «...понятие нейролингвистического программирования, означающее преимущественный способ понимания человеком информации, полученной им из внешнего мира» [<http://ru.wikipedia.org>]. Ученые определяют существование трёх систем: визуальной, аудиальной и кинестетической. Визуальная – опирается, в основном, на зрительные образы, аудиальная – на слуховые образы, кинестетическая – на прикосновения, ощущения. «По каждому из этих трех сенсорных кана-

лов в нас непрерывным потоком поступает информация...» [Бендлер, Гриндер 1996: 4].

И хотя человек мыслит сложнее и многообразнее, чем предполагает одна репрезентативная система, трудно не согласиться с Бендлером и Гриндером, утверждающими, что у большинства людей имеется «одна наиболее развитая или наиболее предпочитаемая репрезентативная система» [Бендлер, Гриндер 1996: 5]. Иначе говоря, каждый человек, обладая всеми тремя репрезентативными системами, предпочитает, как правило, пользоваться только одной или двумя из трех. Эти предпочитаемые каналы являются ведущими, и информация, поступающая через них, обычно расценивается человеком как наиболее достоверная.

В соответствии с ведущими сенсорными каналами восприятия каждого человека можно отнести к одному из трех типов: визуалам, аудиалам или кинестетам. Обратим внимание, что нередко человек может иметь не один, а два ведущих канала. В этом случае он будет проявлять черты сразу двух типов (визуал + кинестетик, визуал + аудиал или аудиал + кинестетик). Но часто бывает и так, что при определенных условиях проявляется преимущественно одна из двух ведущих репрезентативных систем. Например, на лекциях аудиало-кинестетик активизирует свой аудиальный канал, а испытывая физическую усталость, голод или боль, переключается на кинестетический. Таким образом, ведущая репрезентативная система отражает деятельность мозга в конкретный момент.

Для успешного общения с ребенком необходимо уметь диагностировать ведущий сенсорный канал и овладеть ключами доступа к нему. С помощью этих приемов можно не только определить тип модальности ребенка, но и прогнозировать его реакцию на вашу информацию, и соответственно «подстроить» свое поведение под комфортное для ребенка и в значительной степени повлиять на ход обучения. Таким образом, для достижения наилучшего контакта со школьником необходимо предъявлять ему информацию через его ведущий сенсорный канал восприятия.

Обратим внимание на то, что на уроках русского языка наиболее комфортно себя чувствуют дети, воспринимающие

информацию преимущественно аудиально и визуально, поскольку большую часть информации в школе необходимо воспринимать на слух: «взяли ручки», «слушаем внимательно», широко используется вербальное объяснение нового материала, которое дополняется визуальными элементами, если используются наглядные пособия.

В наиболее невыигрышной ситуации находятся кинестеты, которым для успешного восприятия информации необходимо провести какие-либо действия с предметами, что-то записать. Поэтому мы рассмотрим особенности детей с ведущей кинестетической модальностью.

Итак, «кинестетик (англ. kinesthetic – «кинестичный», «чувствительный к движениям») – в психологии один из типов людей по предпочтительному (репрезентативному) способу восприятия окружающего мира. В данном случае речь идёт в основном об осязании. Для этих людей в первую очередь важны чувствительный опыт, эмоциональное подкрепление. Также они хорошо запоминают запахи, тактильные контакты, физические действия» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/645792>].

У учащихся-кинестетиков отмечается самая медленная скорость нервных процессов. Лицо обычно невыразительно, но много жестов ниже шеи. Поведение кинестетиков «физически ориентировано»: при разговоре они стоят близко, стремятся прикоснуться к собеседнику, – утверждает М. Гриндер ([Гриндер 1995: 10]). Физические реакции богатые, существует стремление к физическому вознаграждению. При чтении ученик водит пальцем, слаб в деталях, но легко запоминает общее содержание. В разговоре ребенок лаконичен, тактичен, совершает активные движения; подбородок направлен вниз, голос низкий. В школе такие дети непоседливы – на месте без движения не могут усидеть более 40 секунд. «Ему говорят: «Не вертись!», что равносильно: «Не думай! Не живи!» [Эльманович 1994: 83]. Контакт глазами с учителем не обязателен, а часто мешает, отвлекает при восприятии материала. Такой ученик обычно демократичен, любит посоветоваться, стремится сам всё сделать за всех.

Общаться с ребёнком-кинестетиком лучше с использованием жестов и прикосновений, а не с помощью речи, при этом

медленно обрабатывая информацию. Даже ругая малыша за проделки, недостаточно будет погрозить ему пальцем или выказать недовольство только словами – необходимо дотронуться до него, положить руку ему на плечо.

Довольно неуютно кинестетикам в школе. Они за 45-минутный урок меняют позу не менее тридцати раз и могут сгрызть за неделю пять карандашей. Это вовсе не значит, что дети невнимательны или ничем не интересуются... Ребёнку-кинестетику необходимо подкреплять увиденное или услышанное какими-то ощущениями или действиями.

Опираясь на результаты исследований, мы можем сделать вывод о том, что знание о ведущей сенсорной модальности способно помочь учителю в разработке плана действий на уроке для создания атмосферы заинтересованности, повышения учебной мотивации и, следовательно, для повышения эффективности работы на уроке.

Педагог с многолетним стажем, М. Гриндер, называет образовательный процесс «конвейером», а классы, где неуспевающие дети занимаются по специальным программам – «коридором». «Коридор – это место, где развивается отстающая модальность учащегося», т.е. туда попадают дети, не адаптировавшиеся к новому изменившемуся способу обучения [Гриндер 1989: 13]. Причем опыт показал, что большинство детей, попадающих в «коридор», являются кинестетами.

Детям в школе чаще всего предлагаются вербальные методы обучения, перегружающие память, осуществляется систематический контроль за усвоением ребенком знаний и умений и др. Детям приходится неподвижно сидеть в течение 20-30 минут и запоминать скучную и непонятную информацию, которую им передает, в лучшем случае с опорой на наглядность, педагог. При таком визуально-аудиальном обучении в преимущественном положении оказываются визуалы и те дети, у которых хорошо развит аудиальный канал. Кинестетики на таких занятиях остаются не у дел – они часто отвлекаются, начинают вертеться, мешать педагогу и другим детям. Кинестетам, чтобы запомнить новую информацию, надо ее в буквальном смысле пощупать, пережить эмоционально, как бы пропустив через себя.

Данный анализ показывает, что в школьных учреждениях не учитываются индивидуально психологические особенности ребенка, в частности модальная структура восприятия и переработки информации, что, соответственно, негативно сказывается на уровне обучения.

С.В. Ковалев видит причины неудач в работе с неуспевающими учениками в том, что «...сама по себе исходно система осуществления педагогического процесса не очень-то способствует глубокой и целенаправленной индивидуализации обучения... Однако есть и вторая причина неудач индивидуального подхода к учащимся. Тот самый учет (точнее, в нашем случае – полный неучет) некоторых важных нейробиологических характеристик учеников» [Ковалев 2001: 102].

Каждая группа учащихся способна успешно справляться только с определенным видом деятельности: «К-ученик легко выполняет практическую часть лабораторной работы, но теряет, когда читает об этом в учебнике. Наоборот, В-ученик затрудняется в лабораторном эксперименте, в то время как чтение учебника дает ему полное представление о работе. А-ученик прекрасно работает при использовании учителем фонетического подхода» [Гриндер 1989: 15].

Таким образом, перед учителем стоит задача – понаблюдать за поведением учащихся, выявить ведущую сенсорную модальность и использовать полимодальное обучение. Целью такого обучения является воздействие на большую часть учащихся путем представления информации во всех трех модальностях. «Это позволяет детям получать информацию, выбрав свой входной канал, подкрепляет запоминание и усиливает дополнительные сенсорные каналы учеников» [Гриндер 1989: 25]. После изучения особенностей каждого ребенка учителю следует «использовать полимодальную речь, ключи глазного доступа, учет репрезентативных систем» [Павлова 1997: 9]. М.А. Павлова утверждает, что «информация, поданная по всем трем модальностям, воспринимается как реальная» (см.: [Павлова 1997: 9]).

Для создания ситуации успеха на уроке желательно определить учащихся-кинестетов, которые входят в «группу риска», активизировать их включение в учебный процесс, используя

творческие задания, индивидуальные домашние задания, консультирование и др.» [Сиротюк 2003: 120].

Обучение русскому языку нужно организовывать с учетом индивидуально-психологических особенностей детей. Дифференциация учителем различных фрагментов заданий на аудиальные, визуальные и кинестетические действия позволяет учащимся самостоятельно ориентироваться в особенностях этих действий и тренировать умения в их выполнении.

При индивидуализации обучения, на наш взгляд, нужно учитывать типы учащихся по ведущей сенсорной модальности, что позволит активизировать участие ребенка в обучении. Такой подход позволит повысить субъектную активность учащихся, научит их осознавать цели процесса обучения, способы действия, результаты учебной деятельности, поможет овладеть умениями анализа и вербализации своих ощущений, научит внимательнее воспринимать учебную информацию и переводить сенсорно-перцептивный опыт из одной модальности в другую. Активизация полимодального восприятия поможет овладеть умениями контроля и активизации зрительной, аудиальной и кинестетической деятельности.

Мы предлагаем задания по русскому языку для среднего звена общеобразовательной школы с целью активизации ведущей сенсорной модальности, а именно кинестетической.

Для того, чтобы освоение учебной программы было более интересно кинестетам, необходимо при объяснении учебного материала использовать как теоретическое его изложение, так и теоретическое моделирование в опоре на речевые предикаты кинестетов, а в практических заданиях для них использовать задания с использованием движений, задействуя мышечную память.

Рекомендуемыми заданиями для учащихся с ведущей кинестетической модальностью являются: конструктор; работа в группе – «мозговой штурм»; сочинения-ассоциации с грамматическим заданием (создание текста на основе полученных в процессе экскурсии ощущений); ролевая игра и т.д. Конструирование, на наш взгляд, самая эффективная педагогическая технология для практической отработки материала кинестетиками, по-

тому что позволяет учащимся осмыслить теорию в действии. Приведем примеры типовых упражнений, подтверждающих это.

Упражнение № 1.

Рекомендации учителю: заранее подготовить карточки из картона с напечатанными морфемами (корнями, приставками, суффиксами, соединительными гласными, окончаниями и т.д.), подставку для лепки и пластилин. Используя эту технологию, легко к одному и тому же корню подставлять разные приставки, суффиксы, добавлять, убирать или заменять морфемы.

Задание: собрать (переконструировать, перестроить) слово, прикрепляя морфемы вертикально на основу пластилином.

Упражнение № 2.

Рекомендации учителю: заранее подготовить карточки из картона с напечатанными буквами, представляющими слово с большим количеством морфем (*безболезненный, жизнерадостность, заждавшийся*)

Задание: собрать из букв слово, правильно расчлененное на морфемы.

Упражнение № 3.

Рекомендации учителю: заранее подготовить карточки из картона с напечатанными словами, представляющими слово с большим количеством морфем (*безболезненный, жизнерадостность, заждавшийся*).

Задание: разрезать слово так, чтобы правильно представить его морфемный состав.

Упражнение № 4.

Рекомендации учителю: заранее подготовить карточки из картона с напечатанными словами, представляющими собой словообразовательные пары, цепочки, гнезда.

Задание первого типа: определите, в какой словообразовательной цепочке нарушена последовательность образования слов, и восстановите правильный порядок следования элементов.

- *старый, стареть, устареть, устарелый*
- *делить, делимый, неделимый, неделимость*
- *глухой, глушить, оглушить, оглушительный*
- *крепкий, крепить, закрепитель, закрепить*

Задание второго типа: выберите и вставьте в словообразовательную цепочку недостающее звено.

Один – ... – одиночка

Материалы для выбора: *одинок, одиночество, одинокий, одиночный.*

Задание третьего типа:

- построй словообразовательную цепочку, не нарушив отношений «производящее слово – производное слово» (*Братский, по-братски, брат*)
- построй словообразовательное гнездо, не нарушив внутри его отношений «производящее слово – производное слово» (*Зимушка, зимний, по-зимнему, зима, предзимний, зимовать. перезимовать*).

Упражнение № 5.

Рекомендации учителю: заранее подготовить карточки из картона с напечатанными морфемами (корнями, приставками, суффиксами) так, чтобы омонимичные морфемы были бы на карточках квадратной формы, а синонимичные – на карточках круглой формы. Разумно усилить отличительный эффект и цветом бумаги.

Используя эту технологию, легко научить детей выявлять омонимичные и синонимичные морфемы.

Задание первого типа: представьте пары слов с омонимичными суффиксами (приставками, окончаниями, корнями).

Задание второго типа: представьте пары слов с синонимичными суффиксами.

Социальный заказ на повышение качества образования, на сохранение и укрепление здоровья ориентирует современную образовательную систему на личность учащегося, на адекватный учет индивидуальных особенностей.

В системе нашей работы был определен основной подход к организации учебного процесса – активизации ведущей сенсорной модальности у школьников-кинестетиков при обучении русскому языку, что позволяет учесть личностные особенности учащихся в соответствии со спецификой восприятия и обработки информации.

Сопоставляя особенности ведущей сенсорной модальности с возможностями современной образовательной системы, мы

разработали типологию упражнений по конструированию, направленных на активизацию кинестетической модальности, так как данная модальность практически не учтена в учебном процессе и в учебных комплексах.

Внедрение предложенных нами заданий в практику преподавания русского языка, на наш взгляд, выработает у учеников потребность вникать в детали, будет способствовать развитию аналитических способностей учащихся с ведущей кинестетической модальностью, обеспечит разностороннее воздействие на интеллект детей.

ЛИТЕРАТУРА

Бендлер Р., Гриндер Д. Из лягушек – в принцы: Нейролингвистическое программирование / пер. с англ. – Воронеж, 1994.

Бэндлер Р., Гриндер Д. Структура магии / пер. с англ. – СПб., 1996.

Гриндер М. Исправление школьного конвейера. Нейролингвистическое программирование в педагогике. – Минск 1995.

Ковалев С.В. НЛП педагогической эффективности. – М., Воронеж, 2001.

Коновалова Н.И. Как сделать обучение русскому языку успешным: психолингвистические консультации // Филологический класс: региональный методический журнал учителей-словесников. 2011. № 26.

Павлова М.А. Интенсивный курс повышения грамотности на основе НЛП. – М., 1997.

Сиротюк А.Л. Нейропсихологическое и психофизиологическое сопровождение обучения. – М., 2003.

Эльманович В. Нейролингвистическое программирование (методическое пособие для начинающих). – СПб., 1994.

<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/645792>.

© Чечулина Л.С., 2013

Р.Ю. ШЕБАЛОВ

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 811.161.1'37

ББК Ш141.2-3

МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ ОППОЗИЦИЙ КАК ПРИЕМ АВТОРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ОЦЕНКИ

Аннотация. Статья посвящена анализу лингвокультурных маркеров авторской оценки на материале публицистики В.А. Шендеровича. Автор анализирует заметки, опубликованные в 2012–2013 гг., и выявляет дискурсивные оппозиции, характерные для особенностей русской и зарубежной моделей действительности.

Ключевые слова: дискурс, лингвокультурный, В.А. Шендерович, оппозиция.

Моделирование особого авторского взгляда на действительность в тексте невозможно без придания этой действительности параметров узнаваемости. Это может достигаться как использованием знакомых читателю «координат» (имен собственных, типовых ситуаций, поведенческих реакций, прецедентных явлений и пр.), так и оценкой, явно или косвенно характеризующей такие «координаты». В пределе формируется специфический дискурс, репрезентирующий авторскую позицию, как комплексный иллокутивный по своей природе феномен, в одинаковой степени достоверный и мнимый. Важнейшей его характеристикой оказывается «оппозитивность» как способность к соединению несоединимого: объективного и субъективного, нейтрального и острополюемического, индивидуально-личностного и общесоциального.

Одним из наиболее типичных примеров такого типа «оппозитивного» дискурса является публицистика с установкой на оценку действительности с помощью авторской субъективизации ее характерных особенностей. Применительно к таким текстам, пожалуй, в наибольшей степени заслуживает внимания творчество В. Шендеровича.

В современной российской публицистике В.А. Шендерович по праву занимает ведущее место. С одной стороны, он является одним из немногих наследников традиций остросатирической журналистики 90-х годов XX века, с другой – писателем, ориентированным на классические образцы русской сатиры (в первую очередь, произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина). Сложное переплетение указанных стилевых установок в сочетании с авторской системой оценки «проклятых вопросов» текущей российской действительности придает его творчеству уникальный для нынешней журналистики характер.

Одной из титульных лингвокультурных установок В.А. Шендеровича является оценка современной ему внутрироссийской ситуации с позиции мнимой внеположенности – при взгляде на нее «оттуда», из-за границ России. Результатом такого авторского подхода становится не только стереоскопичность трактовки типичных и от того не менее достойных удивления примет российской действительности и не только эффект объективности как результат ситуации приобретения нового заграничного опыта в сравнении с опытом российским, но и реализуемый таким образом прием вовлечения читателя в диалог с автором. Этот диалог провоцируется демонстрацией зарубежных реалий в их сопоставлении с аналогичными (однопорядковыми, на первый взгляд) реалиями российскими, однако результат сопоставления зачастую опрокидывает первоначальные социокультурные установки и ожидания читателя. Такая нетривиальность, основанная на эффекте обманутого ожидания, формирует особый игровой контекст публицистики В.А. Шендеровича.

Рассмотрим технику создания такого контекста подробнее.

Наиболее продуктивным в логике моделирования культурных оппозиций «зарубежное – российское» в текстах В.А. Шендеровича оказывается формат *бытовой зарисовки*, позволяющий на материале конкретных наблюдений над реалиями заграничной действительности оценить реалии российские. Так, в заметке «Пробка по-луизиански» («Ежедневный журнал», 15.03.2013) описывается типичная для любого городского жителя ситуация дорожного затора, причину которого россиянин (в первую очередь, москвич) традиционно склонен искать в перекрытии доро-

ги из-за правительственного кортежа (...*Обама приперся с Мишелью своей попиариться с народом, вот они весь город раком и поставили...*). Оценка этой ситуации в тексте дана через имитацию традиционно российской речевой манеры поведения участников дорожного движения: молниеносную готовность к резко негативным высказываниям, нарастание раздражения, апелляцию к властям: ...*К пятой минуте раздражение начинает идти ноздрями. Небось, думаю, начальство какое-нибудь пожаловало, вот они и перекрыли. У-у, гады. <...> Я буду жаловаться в ваш луизианский курултай! <...> Минуте на восьмой понимаю, что писать надо в Вашингтон. Вот специально выучу английский и напишу! Пускай наведут порядок в Луизиане! Это ж ни в какие ворота! Сколько можно держать людей!* Однако такая хамоватость речевой манеры опрокидывается объяснением действительной причины пробки на дороге: *Тут автоколонна трогается наконец, и через минуту мы проползаем мимо источника нашего бедствия: чего-то типа начальной школы, из которой <...> расходятся мелкие креолы, лет шести-семи. Это вот ради этих и перекрывали движение. Чтобы они, гуськом, в несколько слабо организованных порций, перешли улицу...* Завершением этого описания становится упоминание первого лица российской государства, что, с одной стороны, стилистически соотносится с предшествующим контекстом, передающим бессильное возмущение участника событий по малозначительному поводу, а с другой – выступает как символ вседозволенности российской власти: *Путина на них нет.* Здесь фамилия президента России маркирует уже не столько бытовые (дорожные), сколько социокультурные различия между американской и российской действительностью: насколько для американцев невозможно предоставить, чтобы движение транспорта было без предупреждения перекрыто из-за проезда государственных чиновников, настолько же для русских это невозможно сделать из-за необходимости группе школьников перейти дорогу. В этом смысле Зарубежье представлено как некоторая антонимичная по отношению к современной российской культуре реальность, в которой не работает российская бытовая логика и к которой традиционная российская речевая культура оказывается неприменимой.

Сходный прием используется В.А. Шендеровичем и в целом ряде других текстов: «Зеркало игры» (Радио «Свобода», 04.07.2012), «Государство – это кто?» («The New Times», 20.08.2012), «Квартира за углом» («The New Times», 24.12.2012) и др. Здесь бытовые наблюдения становятся поводом к обнаружению коренных противоречий понятийно-категориального и социального характера между зарубежными и российскими культурными практиками. Зарубежье в такой трактовке оказывается территорией, где просто невозможно то, что возможно в России, или пространством-убежищем для отдельных категорий россиян: *Так и не состоявшийся в новой России средний класс, деклассированная советская интеллигенция, бизнесмены, бежавшие из путинской малины, – привет вам всем от внучки Петра Струве и внучки Льва Шестова, обитающих тут с позапрошлого поворота колеса! Этой волной прибывает Париж, ею убывает Москва* («Квартира за углом»).

Другим форматом, активно используемым в публицистике В.А. Шендеровича, является *культурно-историческая аналогия*, предполагающая расширение контекста описываемой ситуации до общенациональных и/или общегосударственных масштабов и (параллельное) описание зарубежной и российской действительности с одновременной их оценкой. Такая творческая установка прототипически отсылает читателя к произведениям В.Н. Войновича, С.Д. Довлатова, Э.В. Лимонова и в то же время позволяет автору аккумулировать в текстах лингвокультурные маркеры российской и зарубежной (в том числе эмигрантской) традиций в острополемических целях. В этом смысле из последних текстов В.А. Шендеровича наиболее показателен «Антино-стальгин» («The New Times», 13.03.2013).

Заметка структурно организована по принципу «было – стало»: в первой части описывается легендарная история о В.Н. Войновиче, получившем перед эмиграцией от одного из друзей коробку с записями речей Л.И. Брежнева, записи надо было послушать для подавления ностальгии; во второй части приведены наблюдения автора над знакомыми ему эмигрантами, которые смотрят российские телеканалы с той же целью. Эта методика борьбы с ностальгией *«безотказно улучшает ее* [рус-

ской эмигрантки Н. из Далласа – Р.Ш., А.К.] *настроение, помогающая увериться в том, что она правильно сделала, уехав когда-то с Родины, где спустя десятилетия после издыхания «совка» продолжает царить – такое...»*. Таким образом, с одной стороны, формально противопоставленные в тексте стадии социально-культурного развития России оказываются парадоксально идентичны и, с другой, сопоставленные русское и зарубежное социокультурные пространства представляются принципиально несходными как во времена «оны», так и в современности. Такой расширительный контекст рассмотрения особенностей российской ментальности на фоне зарубежных культурных установок позволяет В.А. Шендеровичу моделировать в своих произведениях социально-культурные универсалии, одинаково применимые к носителю российской (в том числе советской) культуры, находящемуся по обе стороны границы. В роли лингвистических маркеров советской и российской социокультурных сфер выступают имена собственные: *Владимир Войнович, Леонид Ильич Брежнев, Проханов, Шевченко, Куприн, Самойлов, Александр Андреевич* [Проханов], *Максим Леонардович* [Шевченко]; *КПСС, RTVi, «Эхо Москвы», «Останкино»; Москва*. В целом текст демонстрирует установку автора на игровое опрокидывание стереотипа¹ о смене базовых для России социокультурных параметров в связи со сменой политических режимов. Выстраивание набора имен собственных как детерминативов прежней русской – прошлой советской – нынешней российской культур формирует парадоксальное (нестереотипное) пространство, в котором определяющую роль играет не время или территориальное местоположение, а культурная традиция.

Сходный принцип параллельного сопоставления зарубежного и российского использован в заметке «Диагностика» («Ежедневный журнал», 19.02.2013). Автор использует здесь прием игрового наложения российских социально-политических

¹ О дискурсивном проявлении *принципа опрокидывания* («ломки», «переключения») *стереотипа* как ассоциативной стратегии языковой игры см. в монографии Т.А. Гридиной «Языковая игра: стереотип и творчество». – Екатеринбург, 1996.

практик на аналогичные практики, характерные для США. Результатом становится острополемическое опровержение современной российской действительности применительно к частному, но, в интерпретации В.А. Шендеровича, показательному случаю смерти Максима Кузьмина, усыновленного в США. «Точками пересечения» в заметке избраны базовые для современного демократического общества социальные институты: СМИ как транслятор информации и мнений, следственные органы и полиция как защитники правопорядка, гражданское общество как инструмент влияния на власть. При наложении современных российских практик функционирования этих институтов на американские становится очевидной их несопоставимость: *Уголовное дело по факту смерти мальчика немедленно возбуждено в Техасе – и будет там расследовано, даже если приемная мать погибшего окажется видным членом Республиканской партии или топ-менеджером Техасо. <...> За ходом дела и приговором внимательно проследят СМИ, и если случится дискриминация, будет большой скандал, и судебная практика будет исправлена. <...> Если же дело сокрытия детоубийц от наказания примет системный характер, американцы выйдут хоть к Верховному суду, хоть к Белому Дому, и ОМОНа там не встретят. <...> Если дело о смерти Максима Кузьмина вдруг станет символом беззакония и дискриминации, об этом в самый прайм-тайм не устанут говорить СМИ – и не фейсбук, а вплоть до CNN! <...> В Америке телезрители становятся избирателями – в случае чего они просто попрут вон власть, укрывающую неправый суд.*

Социальная полемичность поддерживается автором за счет использования в тексте прецедентных имен собственных и упоминания прецедентных ситуаций. Например, *Уолтер Кронкайт* (американский тележурналист, приобретший репутацию ведущего новостей, которому американцы доверяли больше всех), *чайки* (Ю.Я. Чайка – генеральный прокурор Российской Федерации), *добродеевы* (О.Б. Добродеев – генеральный директор Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании). Прецедентные ситуации: *Журналисты в Америке прогоняли в импичмент президентов и получали пулит-*

церовскую премию за то, за что Политковская получила пулю (намек на отставку Р. Никсона в 1974 г. в результате Уотергейтского скандала, а также общественной практики присуждения известной премии в том числе за достижения в области журналистики (например, в номинациях «За служение обществу», «За выдающуюся подачу сенсационного материала», «За выдающееся расследование», «За раскрытие национальной темы», «За международный репортаж», «За редакционный комментарий» и др.) в сопоставлении с убийством в 2006 г. российского журналиста А.С. Политковской).

Социально-политическая тенденциозность текстов В.А. Шендеровича опирается на оценочность, демонстрируемую в рамках функционально-стилевых и жанровых параметров публицистики. В то же время лингвокультурные характеристики авторских интенций представляют собой не менее важный аспект репрезентации образа современной российской действительности. Безусловно, зарубежное у В.А. Шендеровича ценно не само по себе, а в его дискурсивной со- и противопоставленности российскому. В связи с этим полемическая заостренность этого со- и противопоставления зачастую требует от автора некоторой идеализации образа Зарубежья и, соответственно, демонизации образа современной России. Эта идиостилевая установка, на наш взгляд, достаточно успешно реализуется через лингвокультурные маркеры, позволяющие однозначно идентифицировать зарубежную и российскую модели действительности в публицистических текстах В.А. Шендеровича.

© Шебалов Р.Ю., 2013

Г.М. ШИПИЦЫНА

*(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия)*

УДК 81'374

ББК Ш104

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДИНАМИКИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОННОТАЦИИ

Аннотация. На материале исторических и современных толковых словарей в статье прослеживается эволюция значений, а также коннотативных и прагматических смыслов у идеологической лексики под влиянием меняющихся социальных оценок, информационно-культурной среды и самого сознания носителей русского языка.

Ключевые слова: эволюция, толковый словарь, словарная дефиниция, смысловая структура, семантика слова, сема, коннотация, идеологизация толкования.

По мысли академика В.В. Виноградова, для понимания какого-либо языка надо не только хорошо знать обозначаемые словами объекты, но также необходимо знать весь круг соответствующей материальной культуры, надо учитывать то, что одни и те же названия в разные эпохи обозначают разные предметы и разные понятия, что каждая социальная среда характеризуется своеобразием своих обозначений, что одни и те же предметы по-разному осмысляются людьми разного образования, разного мировоззрения, разных профессиональных навыков и т.д. «Поэтому одно и то же русское слово как указание на предмет понимается по-разному людьми разных социальных или культурных групп» [Виноградов 1972: 17]. Под влиянием меняющихся общественных взглядов и оценок у носителей языка в различных политических условиях жизни социума происходят существенные преобразования семной организации семантики употребляемых слов. Как правило, эти преобразования начинаются с изменений в периферийной части семантической структуры лексико-семантического варианта (семемы), в которой находятся семы коннотаций, прагматики, оценочности, историко-культурного и ментального свойства.

Такие изменения столь существенны, что, как правило, находят отражение в дефинициях толковых словарей. При всех недостатках словарей, на наш взгляд, они, безусловно, отражают основные тенденции в развитии смысловой структуры слов. В этом убеждении мы присоединяемся к ряду лингвистов, полагающих, что словари, являясь общепризнанными лексикографическими справочниками с вековыми традициями их усовершенствования и переиздания, в основном дают достаточно объективную и обобщенную картину значений слов. «... Представление значений ... хотя и основано на интуиции составителей, часто оказывается ничуть не хуже определений, сформулированных на основе самых изощренных семантических методик» [Кузнецов 1988: 160]. Словари, в том числе и энциклопедии, зачастую являются манифестантами общественно значимых идей, поскольку используются не только по своему прямому назначению – для толкования слов и понятий, но и в качестве средства формирования мировоззренческих установок личности (формирования как намеренного, так и непроизвольного). Поэтому сопоставление словарных дефиниций одного и того же слова в разные периоды исторического развития социума позволяет проследить не только эволюционный характер его смысловой структуры, но и меняющийся ореол коннотативного и прагматического (в том числе идеологического) содержания слова как важной добавки к сигнификативному и денотативному компонентам значения. Приведем пример.

Слово *анархизм* в дореволюционный период обозначало следующее:

- Безначальство (КП).
- Состояние государства, въ которомъ нѣтъ главы и установленнаго правленія; безначалие (ЦС).
- Ученіе о такомъ общественномъ строѣ, въ которомъ нѣтъ ни государственной власти, ни заработной платы, а осуществлены наибольшая свобода и самостоятельность личности (СЯ).
- Ученіе, отрицающее необходимость государственной власти въ общественномъ строѣ (СЛА).

- Учение, проповедующее, что люди должны жить, не подчиняясь никакой принудительной власти, и сами не должны применять никаких насилий (СПИ).

Такая система революционных действий, которая стремится к введению нового общественного строя (в частности анархического) путем истребления представителей государственной власти, а также нападений на учреждения, собрания и проч., являющихся выражением существующего строя (СЛА).

Сопоставив данные различных словарей, мы убеждаемся в широте идеологических спектров интерпретации номинируемого явления и эксплицированной в дефинициях прагматической составляющей такой интерпретации. Так, в «Книге письмовнике...» (КП) 1777 года и «Словаре церковно-славянского и русского языка ...» (ЦС) 1847 года говорится только о том, что анархизм – это «отсутствие всякого начальства». Такое определение вполне могло спровоцировать положительную оценку этого политического течения в массовом народном сознании. Оно привлекательно для населения России уже тем, что всякое начальство в исторической национальной ментальности русского народа никогда не связывалось с желаемыми, полезными для человека делами и обстоятельствами. Неслучайно в родственном гнезде с вершиной *начальство* есть специальное слово, выражающее стиль поведения в отношении к людям, который никак нельзя назвать желаемым для обычного человека: *начальственный-2* – «высокомерно-строгий полный важности, властный». *Начальственный окрик* – это такой окрик, как у начальников. Или *начальственный тон*. Пример: *Василию не понравился начальственный тон приезжего и то, что в чужом доме гость держался небрежно и равнодушно, как на вокзале* (Г. Николаева. Жатва) (МАС). Есть и устойчивое сочетание слов с отрицательной прагматикой *доносить по начальству*. Слово *начальство* вызывало и вызывает целый ряд неприятных ассоциаций у личности, ведь русский народ никогда не был идеально законопослушным, не отличался и не отличается особым рвением в исполнении приказов и указаний начальства. Начальство также никогда не было изысканно корректным и доброжелательным по отношению к обычным гражданам.

Факт безусловной привлекательности анархизма с подачи вышеназванных словарей в известной степени нейтрализуется в «Словаре иностранных слов и научных терминов ...» (СЯ) 1905 года сообщением в дефиниции о том, что при анархизме не будет не только государственной власти (обыватель не станет о ней сожалеть!), но и заработной платы. Эта очень важная, хотя довольно наивная, прибавка к толкованию значения слова призвана заставить пользователей словаря задуматься о специфике анархизма, так сказать, сопоставить за и против, и в итоге, возможно, подвергнуть сомнению безусловную привлекательность анархизма для простого человека. «Словарь (политические и иностранные слова)» (СПИ) 1917 года эту же проблему решает иначе. Сообщая о том, что при анархизме люди должны жить, не подчиняясь никакой принудительной власти, и «сами не должны приминять никаких насилий», словарь обращает внимание на то, что анархизм предполагает также возложение на людей совершенно определенных обязанностей. Категоричность высказывания этой мысли подчеркнута предикативной основой предложения и строгим модальным словом *не должны*, тогда как привлекательные стороны анархизма выражены деепричастным оборотом, передающим добавочное (то есть неглавное) действие в структуре предложения. «Словарь политических, социально-экономических и некоторых других слов» (СлА) 1906 года обращает внимание на довольно опасный и для нормального человека малопримлемый революционный способ достижения анархизма: «путем истребления представителей государственной власти, а также нападений на учреждения, собрания и проч., являющихся выражением существующего строя». То есть всех представителей власти и их организации сначала надо истребить. Да..., но ведь они обязательно будут сопротивляться, да и Россия уж очень большая и начальников в ней тоже очень много ... Есть ли гарантия благополучного исхода этого революционного деяния – истребить всё начальство? – ее, конечно же, нет, а следовательно, надо подумать, а стоит ли начинать подобные революционные деяния?!

Словари советского периода определяли слово *анархизм* с совершенно четких, однозначных идеологических позиций побе-

дившей партии большевиков, уже не приглашая пользователей словарей к каким-либо размышлениям, обдуманному выбору политической системы государства. Пользователям словарей предлагалось одно решение вопроса и одна оценка как единственно правильная и вообще возможная. Главным аргументом в оценке анархизма, как и любого другого политического направления, выступал ведущий компонент идеологической системы марксистско-ленинского учения о необходимости диктатуры пролетариата. В советский период, особенно в его начальной стадии, словосочетание *диктатура пролетариата* было в числе тех языковых выражений и конструкций, которые использовались для формирования массового сознания народа, они не могли подвергаться вдумчивому осмыслению, оценке, их надо было только заучивать и употреблять в языке пропаганды. Поэтому в отношении к анархизму социуму оставалось лишь принять готовое решение и руководствоваться только этим решением, поскольку прагматически сильное словосочетание *диктатура пролетариата* исключало саму возможность обсуждения как целесообразности такой диктатуры, так и критериев оценки политических идей по их отношению к этой диктатуре. Примеры словарных дефиниций периода 1918–1991 годов для слова *анархизм*:

- Мелкобуржуазное политическое течение, проповедующее анархию, враждебное марксистско-ленинскому учению о пролетарской революции и диктатуре пролетариата как единственном пути к уничтожению классов и отмиранию государства (ТСУ).

- Мелкобуржуазное реакционное общественно-политическое течение, враждебное пролетарскому научному социализму, отрицающее всякую государственную власть и политическую борьбу и выступающее против революционной диктатуры пролетариата (МАС).

- Враждебное марксизму мелкобуржуазное общественно-политическое течение, проповедующее анархию, отрицающее всякую государственную власть, организованную политическую борьбу и руководящую роль пролетарской партии (ОШ).

Эти определения полны экспрессивов с эксплицированием и имплицированием оценок. Так, прямо выраженные оценки

содержит эпитет *реакционное (общественно политическое течение)*, а также эпитет *враждебное*. Иные эпитеты такую оценку проявляют через системные связи в лексико-семантических парадигмах и ассоциациях. Например, *анархизм* – это «политическое течение, враждебное пролетарскому научному социализму». Оценка скрыта в парадигматическом противопоставлении – если пролетарский социализм – научное течение, то прочие течения – не научные, следовательно, и неверные, поскольку они не базируются и не выстроены на солидном и научно обоснованном основании. Иные оценки в этих дефинициях воспроизводятся в сознании носителей языка, адаптированных к политическому дискурсу советского периода, через апелляцию к устойчивым дистрибуциям политико-административного языка советского времени. Например, слово *мелкобуржуазное* достаточно традиционно для советского периода синонимизировалось со словом *враждебное*. Марксистско-ленинское учение было самым главным идеологическим, можно даже сказать, сакрализованным, учением эпохи, все остальное определялось с позиции этого учения. Поэтому употреблять словосочетание *марксистско-ленинское учение* без ярких оценок этого учения (с высшей положительной коннотацией) было не принято. Значимость учения Маркса, Энгельса, Ленина подчеркивалось всевозможными эпитетами с высокой прагматикой: «бессмертное», «всепобеждающее», «великое», «гениальное», «могучее», «всесильное», «интернациональное» и т.п. Например, *Весь ход исторических событий знаменует торжество великого, всепобеждающего учения марксизма-ленинизма* (Правда, 1955, № 355). *Семь десятилетий опыт и уроки Октября умножают силу и неисчерпаемое богатство нашего бессмертного марксистско-ленинского учения* (Правда, 1987, № 307). Можно вспомнить и основной лозунг советской эпохи *Учение Ленина всесильное, потому что оно верное*. Был также создан (в том числе стараниями пролетарского поэта-трибуна В.В. Маяковского) монументальный образ компартии СССР, воспринимаемый носителями языка как физически очень сильный живой организм, стоящий у руля страны и имеющий «спинной хребет», *руку миллионопалую, сжатую в один громящий кулак*. Поэтому

всё, враждебное этой идеологии, отрицающее руководящую роль большевистской партии и необходимость диктатуры пролетариата, было совершенно однозначно квалифицировано как ненаучное, вредное, враждебное, недопустимое в принципе.

Со сменой государственной идеологии в российском социуме конца XX века происходит обновление политической концептосферы, идеологические оценки советского периода переосмысливаются и корректируются, и вот уже словари постсоветского времени отражают инновации нового времени. Дефиниции у слова *анархизм* также изменяются в полном соответствии с этой тенденцией, более того, составители словарей стараются достигнуть толкований, не привязанных к каким-либо политическим пристрастиям, тем или иным идеологическим сообществам носителей языка новейшего времени. Приведем данные наиболее авторитетных словарей литературного языка XXI века:

- *Анархизм* – общественно-политическое течение, отрицающее всякую власть и организованную борьбу, проповедующее неограниченную свободу личности (БТС) (аналог. ТСЯИ, РТС, ТСХХI).

- *Анархизм* – отказ от соблюдения принятых в обществе норм поведения, от выполнения каких-л. обязанностей (БТС).

Действительно, в последние годы создатели лексикографических трудов стремятся избавить их от всяческой идеологизации, тенденциозных оценок политических явлений российской действительности, поэтому идеологически-оценочные наслоения и предписания в структуре дефиниций политической лексики в словарях постсоветского периода значительно ослаблены или вовсе нейтрализованы. Это явление получило терминологическое выражение – *реидеологизация* [Васильев, Веренич 2005: 92]. Насколько эта тенденция возобладает – покажет время. Однако, по нашему мнению, можно усомниться в возможности абсолютного исключения идеологического компонента в профессионально-лексикографическом толковании слов. Иногда вместо декларируемой деидеологизации в практике толкования появляется замена одних идеологем на другие, одних социально устремленных коннотаций на другие, более соответствующие новой системе аксиологических координат. Ведь лексическое

значение слова всегда догружено историко-культурными и социально-оценочными коннотациями своего времени, о чем в своё время писал акад. В.В. Виноградов. Вопрос этот довольно не простой как в лексикографической практике, так и в теории семантического объема слова, и как он будет решаться в будущем – покажет время.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев А.Д., Веренич Т.К. Динамика деэкзотизации заимствований в научно-лингвистическом и обыденном языковом сознании (на материале англицизмов в современном русском языке): монография. – Красноярск, 2005.

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1972.

Кузнецов А.М. Компонентный синтез как способ верификации словарных дефиниций // Теория языка и словари. – Кишинев, 1988.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ И ИХ УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

БТС – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова; Рос. акад. наук, ин-т лингвистич. исслед. – СПб., 1998.

КП – Книга писемовник, а в ней наука российского языка с семью присовокуплениями, разных учебных и полезнозабавных вещей / Новое издание пересмотренное, поправленное и умноженное. – СПб., 1777.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. – М., 1957–1961.

ОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1991.

РТС – Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. – М., 2006.

СЛА – Словарь политических, социально-экономических и некоторых других слов / сост. Ачадов. Вып. первый. – М., 1906.

СПИ – Словарь (политические и иностранные слова) / сост. Н. Гомартели и М. Марков. – М., 1917.

СЯ – Словарь иностранных слов и научных терминов / сост. А.Е. Яновский. Вып. 1, 2. – СПб., 1905.

ТСХХI – Толковый словарь русского языка начала ХХI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской. – М., 2007.

ТСУ – Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д.Н. Ушакова; т. 1-4. – М., 1935–1940.

ТСЯИ – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складневской. – СПб., 1998.

ЦС – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук: в 4 т. – СПб., 1847.

© Шипицына Г.М., 2013

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Надежда Сергеевна – специалист по учебно-методической работе факультета довузовской подготовки Уральской государственной медицинской академии, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: abns@list.ru.

Бекасова Елена Николаевна – д. филол. н., профессор Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург, Россия.

E-mail: bekasova@mail.ru.

Боброва Мария Владимировна – к. филол. н., доцент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь, Россия.

E-mail: bomaripgu@yandex.ru.

Ваулина Ирина Александровна – аспирант Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: irinkakakakaka@mail.ru.

Ворошилова Мария Борисовна – к. филол. н., доцент Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: shinkari@mail.ru.

Гоголина Татьяна Владимировна – к. филол. н., доцент Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: gogolinatv@yandex.ru.

Гридина Татьяна Александровна – д. филол. н., профессор Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: tatyana_gridina@mail.ru.

Данилова Ольга Александровна – учитель высшей категории МБОУ СОШ № 142, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: danilova-OA@mail.ru.

Доброва Галина Радмировна – д. филол. н., профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: galdobr@peterlink.ru.

Елисева Марина Борисовна – к. филол. н., доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: melyseeva@yandex.ru.

Злоказов Кирилл Викторович – к. психол. н., доцент, начальник кафедры педагогики и психологии Уральского юридического института МВД России г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: zkirvit@yandex.ru.

Ибраимова Екатерина Сергеевна – магистр филологического образования, учитель первой категории МБОУ СОШ № 146, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: eka-pinch@mail.ru.

Максимова Ирина Николаевна – магистр педагогического образования, учитель высшей категории МАОУ СОШ № 4 с углубленным изучением отдельных предметов, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: maksimova-irina29@yandex.ru.

Петкау Александра Юрьевна – аспирант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: vpetkau@yandex.ru.

Плотникова Светлана Владимировна – к. филол. н., доцент Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: plotnikovasv@e1.ru.

Седых Аркадий Петрович – д. филол. н., профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия.

E-mail: sedykh@bsu.edu.ru.

Чечулина Любовь Семеновна – к. филол. н., доцент Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: love-semenovna@rambler.ru.

Шебалов Роман Юрьевич – к. филол. н., доцент Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: shebalov@uspu.ru.

Шипицына Галина Михайловна – к. филол. н., доцент Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: shipitsina@bsu.edu.ru.

SUMMARY

PROBLEMS OF STUDING OF CHILDREN'S SPEECH

Gridina Tatiana. Potential semantics of children's word creational innovations in the light of experimental data: method of direct interpretation.

Annotation. Variable potential and strategies of semantization of word creational innovations of children's speech are verified in the article using the experimental methods of direct interpretation (with reference to features of linguocreative thinking and mentality of a preschool child).

Keywords: linguocreative thinking, mental dominants of language consciousness of a child, associative potential of a word, word creational innovations.

Dobrova Galina. About an influence of social and/or biological factors on language acquisition

Annotation. This article focuses both on biological, and on social reasons that influence child language acquisition. These reasons are considered in connection with the main factors that determine variability of language acquisition – gender, typological, socio-cultural factors and the factor of presence/absence of an elder sibling of a child.

Keywords: ontolinguistics, language acquisition, variability in language acquisition, biological and social reasons, gender factor, referential children, expressive children, socio-cultural status of family, linguistic creativity.

Eliseeva Marina. Acquiring of polysemy and homonymy: to a question of the relation of the child to asymmetry of a language sign

Annotation. Perception and production by children of early and preschool age of figurative senses of words and homonyms are analyzed in the article. The author advances the thought of the

ambiguous relation of children to a phenomenon of asymmetry of a language sign.

Keywords: perception and production of speech by childrens and adults, polysemy and homonymy, language reflection.

Plotnikova Svetlana. Dynamic processes in the lexicon school-children.

Abstract. On material of the associative dictionary of the schoolchildren of 1–11 classes dynamic processes in the structure of the inner lexicon schoolchildren is considered.

Keywords: lexicon of schoolchildren, structure of the inner lexicon, associative field.

EXPERIMENTAL RESEARCHES OF FUNCTIONING OF A LINGUISTIC SIGN IN THE CONSCIOUSNESS OF MODERN SOCIETY

Bekasova Elena. Psycholinguistic aspects of normalization of Russian.

Summary. In this article are analyzed data of psycholinguistic experiment on research of features of realization of one from «weak» links of language system – a shape of 1 face of singular of the present (the simple future) time, representing syntagmatic and paradigmatically caused potential options which in some cases have «different interpretations» in normalizatorsky practice.

Keywords: language system, language personality, shape of 1 face of singular prezense, alternations, codification.

Vaulina Irina. Aspects of functioning of the sound symbolic evocative word *fordybachit* in the modern Russian language.

Abstract. Features of functioning of a sound symbolic lexeme *fordybachit* in the modern Russian language is considered in this article. Aspects of expressiveness of the words are experimentally verified, which associated with sound symbolic nature of its phonetic shape.

Keywords: expressiveness of a sound symbolic evocative word, language consciousness, psycholinguistic experiment.

Voroshilova Maria, Zlokazov Kirill. Russian lotto 18 of 1488: the experience of the complex psycho-linguistic expertise

Annotation. Experience of complex psychological and linguistic research of a creolized text (videotext) in order to identify it as an extremist text is presented in the article.

Keywords: extremism, extremist materials; destructiveness; creolized text.

Gogolina Tatiana, Ibraimova Ekaterina. Models of construction of *kommunikems* with dubious meaning: experimental data

Annotation. The most frequent models of *kommunikema*'s construction with dubious meaning which are identified experimentally are considered in the article. *Kommunikems* with this meaning are transformed by theme-rheme model when developing it to parting proposals, in the process the *kommunikema* contains the rheme.

Keywords: *kommunikema*, doubtfulness, psycholinguistic experiment, the actual division of a sentence.

Maksimova Irina. The Ural oykonym learning in the aspect of psychology.

Annotation. The article includes the description of the psycholinguistic experiment on identifying of the Ural oykonym perception by modern dialect speakers. The author offers one of the possible options of fragmentary recreation of the regional linguistic worldview with the help of the toponymic system analysis.

Keywords: psycholinguistic experiment, toponym, oykonym, toponymic worldview, mental toponymic stereotypes.

Alexandra Petkau. The Concept *Health* Olfactory Image in the Russian Language Consciousness.

Abstract. The article presents the results of the psycholinguistic experiment held among the native Russian-speaking people with the intention of identifying and describing of the concept *Health* olfactory image.

Keywords: concept, health, image, associative experiment, linguistic consciousness.

Chernyak Valentina. Modern Music in a Variety of Associations.

Abstract. The paper deals with the associative field *Music* as a significant fragment of the linguistic personality vocabulary. Basing on the associative dictionaries and on the data obtained in a special experiment the author describes the general association directions within the structure of the associative field.

Keywords: Associative field, associative dictionary, linguistic personality, associative experiment, vocabulary dynamics.

LINGUOCULTUROLOGICAL AND SOCIOLINGUISTIC ASPECTS OF RESEARCHES LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL SEMANTICS

Abramova Nadezda. Mythologeme of a road as a basic semantic component language world picture.

Abstract. The article analyses the characteristics of the functioning of the myth of the *road* in the minds of Russian speakers. Results directional associative experiment allowed the author to identify the specific ethnocultural information provided in idiom and stereotypical formulations with a token *road*.

Keywords: mythologeme, language picture of the world, directional associative experiment.

Bobrova Mariya. People's phraseology of the theme group «Talking» in semantic-axiological aspect

Annotation. Descriptions of the utterance are emerged in the article on the basis of phraseology of Russian dialects of Perm Region. The author concludes about the specifics of effective utterance criteria which are relevant for traditional folk culture.

Keywords: perm dialects, dialect phraseology, the theme group, talking, semantic-axiological aspect.

Danilova Olga. Metronimy in contemporary linguoculture of Mountain Shield.

Annotation. The presented lingvocognitive and lingvocultural description of metonyms' (kinship terms) on the basis of receptive and associative experiments conducted in the village of Mountain Shield Chkalovsky district of Ekaterinburg. The important characteristics of such essential linguistic phenomenon like family are revealed in the research.

Keywords: receptive language experiment designed and free associative experiment, giperonim *family*, kinship terms, terminology.

Sedykh Arkadiy. A language person and intercultural competence.

Annotation. The paper deals with problems of optimizing the cross-cultural competence based on the mastering of key concepts and events of other cultures. It is proposed to determine the parameters of intercultural competence in relation with the four levels of functioning of the linguistic identity: cognition, semantic, pragmatic and communication. Ways to optimize cross-cultural competence are seen in line with formation of a new type of language personality, able to perceive other cultures, while remaining in positions of creativity in relation to their own cultural roots.

Keywords: linguistic identity, intercultural competence, national concept, cultural event, linguistic creativity, communicative behavior.

Chechulina Lubov. Construction is a technology for the kinesthetic learners.

Annotation. Types of exercises for construction, which aimed at activating the kinesthetic modality of students in the study of the topic «Morphemics and word formation» are presented in the article. Implementation of the proposed tasks in the practice of teaching the Russian language should facilitate the development of analytical abilities of the students.

Keywords: pedagogical technology, kinesthetic learners, tasks, construction, morphemics, word formation.

Shebalov Roman. The Discursive Oppositions Modelling as an Author's Appraisal Method.

Abstract. The article analyses linguistic and cultural markers creating the author's appraisals in V.A.Shenderovich's works. The author focuses on the journalism created in 2012-2013. He finds out discourse oppositions of the reality modelling of Russia and abroad.

Keywords: discourse, linguistic and cultural (linguo-cultural), V.A. Shenderovich, opposition.

Shipitsina Galina. The lexicographical representation of the dynamics of lexical connotation

Abstract. On a material of past and modern dictionaries the article traces the evolution of values and connotative and pragmatic meanings of ideological lexicon under the influence of changing social assessments, information and cultural environment and the very consciousness of Russian speakers.

Keywords: evolution, thesaurus, dictionary definitions, the semantic structure, sema, connotation, ideological interpretations.

Электронный научный журнал

УРАЛЬСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Серия

«ПСИХОЛИНГВИСТИКА В ОБРАЗОВАНИИ»

Сетевой адрес журнала: <http://journals.uspu.ru>

Издатель: ФГБОУ ВПО

«Уральский государственный педагогический университет»

Адрес издателя и редакции:

620017, г. Екатеринбург, пр-кт Космонавтов, 26, каб. 281.

E-mail: vorobyevanat@mail.ru

Тел.: (343) 235-76-64; (343) 235-76-41

Периодичность издания: 5 раз в год

Периодичность серии: 1 раз в год

Выходные сведения:

Уральский филологический вестник:

Электронный научный журнал. 2013. № 4.

Серия «Психоллингвистика в образовании» (Вып. 2). –

URL: <http://journals.uspu.ru>